Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВЛ. СОРИН

УЧЕНИЕ ЛЕНИНА О ПАРТИИ

(ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ БОЛЬШЕВИЗМА)

3-е ИЗДАНИЕ

«МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ»
1924

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВЛ. СОРИН

УЧЕНИЕ ЛЕНИНА О ПАРТИИ

(ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ БОЛЬШЕВИЗМА)

3-е ИЗДАНИЕ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
1924

Москва. Главлит № 17.961. 50.000 экз.

„Мосполиграф". 16-я типография, Трехпрудный, 9.

Оцифровано: КРД "Рабочий путь"

Сайт: https://work-way.com/

21-ое января.

Горки. 9 часов вечера. Большая комната. Много света. Дверь на балкон приоткрыта, и оттуда тянет холодком. За окнами светлая зимняя ночь. Кругом глубокая тишина. А посредине комнаты, на столе, безмолвный и неподвижный, спокойный и строгий, лежит Ленин. Покойный Ленин... Где-то в уголке глаз Ильича еще долго пряталась чудесная, мягкая улыбка. Но потом сошла и она...

Умер Ленин. Нет Ленина. И не будет больше...

Не блеснет больше в „Правде" статья за подписью „Н. Ленин". Не врежется больше в сознание глубокой бороздой кладущая новую веху „последняя" речь Ленина и не повторится она затем многократным эхо по всей стране нашей, по всему миру. Соберется партийный с'езд, сойдутся на нем делегаты со всех концов республики, но уже не подымется больше на трибуну человек с громадным, сверкающим лбом, не дрогнет зал от бури восторженной, долго не смолкающей, полной любви и привета, овации и не зазвучат больше среди наступившей напряженной тишины слова вождя партии...

Безостановочно развертывается свиток времени. Хоронили мы Ильича суровой зимой, а уже скоро зазеленеет первая трава у его могилы, скоро шумным и радостным потоком пройдут по городским улицам рабочие, празднуя весенний, майский праздник пролетариата. Пройдут по городу и пройдут мимо могилы Ленина...

Медленно, но неотвратимо пролетариат идет вперед, идет той дорогой, по которой шел Ленин. Мысль сосредоточивается на разрешении встающих перед рабочим классом задач, на преодолении вырастающих перед ним препятствий. Необ'ятной энергии полна жизнь республики. Все новые и новые слои пролетариата подымаются к общественной жизни. И как дальний отблеск молнии, в сердце отдается, полная звенящей печали, мысль: а Ильича нет...

Неумолимое время отняло у нас Ленина... Все наши силы, всю нашу волю на осуществление идей Ленина! Неустанная, напряженная работа в духе ленинизма! Пусть глубоко и прочно живет в сознании каждого из нас мысль, что мы являемся членами той самой партии, вождем которой был, есть и будет Ленин. И мы докажем всему миру, что мы не даром носим имя ленинцев...

2 апреля 1924 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящая брошюра представляет собою лишь краткий очерк, лучше сказать конспект, организационного учения Ленина. Изложение не может быть названо ни полным (освещены далеко не все вопросы), ни равномерным (одни вопросы затронуты слегка, другие—более подробно), ни литературно отделанным. Здесь дан лишь самый общий остов большевистского понимания партии и партийности. Придется основательно поработать над огромным богатством организационных идей Ленина и большевиков, прежде чем читателю можно будет предложить исчерпывающее изложение учения ленинизма или большевизма о партии пролетариата. Срок для подобной работы нужен немалый. Между тем, время не ждет. Пропаганда ленинизма среди десятков тысяч рабочих, только что вступивших в партию, уже начата. Воспитать новичков (и не только новичков) в духе ленинизма, не уделив при этом максимального внимания усвоению ими именно организационных идей Ленина, нельзя. Дать ленинскому призыву правильное понимание партии и партийности—это, быть может, одна из главнейших, если не самая главная задача внутрипартийной пропаганды. Исходя из этих соображений, мы и сочли себя в праве предложить вниманию широких партийных кругов на-

стоящий набросок учения Ленина о партии. Брошюра ставит своей целью способствовать пропаганде ленинизма среди по преимуществу новых членов партии. Основным в брошюре мы считаем, разумеется, выдержки из Ленина.

Перед чтением брошюры читателю надлежит принять во внимание следующие три замечания.

Первое. Безусловно необходимо предварительное знакомство с «Историей партии» тов. Зиновьева.

Второе. Важный и сложный вопрос о сознательности (и стихийности) изложен, примерно, в той же резкой формулировке, какая дана в «Что делать?» Ленина.

Третье. Если последовательно приведено несколько выписок из Ленина, взятых из одного и того же произведения, то указанием источника снабжается только первая (вышестоящая) выписка.

Вл. С.

31 марта 1924 года.

ПРЕДИСЛОВИЕ К 3 ИЗДАНИЮ.

Настоящее издание печатается без всяких перемен с первого, за исключением одного небольшого добавления на странице 11.

21 января 1925 года.

Глава I.

Старая гвардия и новые члены партии.

В прошлом году партия отпраздновала 25 лет своего существования. Много воды, вернее крови, утекло за это время. Две войны и три революции пережил рабочий класс с 1898 года, когда состоялся первый с'езд нашей партии. Низвергнут царизм. Разбита буржуазия. Создано пролетарское государство. Сотни тысяч бойцов сложили за эти годы свои головы в борьбе за дело рабочего класса. С каждым годом все меньше и меньше остается людей, которые заложили основы партии и вместе с нею и со всем рабочим классом в течение многих лет и десятилетий прошли тяжкий и долгий путь от глухой, беспросветной поры самодержавия до победоносной диктатуры пролетариата, от маленьких подпольных кружков до полумиллионной партии, управляющей громадной страной.

Ряды старых большевиков, строителей нашей партии, редеют. Едва ли найдется сейчас среди нас десять тысяч «подпольщиков». Еще пять-десять лет,—и в рядах партии останутся лишь немногие из тех, кто принимал участие в ее создании, кто во главе рабочего класса проделал революцию 1905 года, кто в глухие годы реакции не опускал нашего знамени, но настойчиво, упорно, непре-

клонно готовил рабочих к дальнейшим боям, к низвержению самодержавия и буржуазии, к диктатуре пролетариата.

Ряды старой большевистской гвардии редеют. Неумолимое время вырывает одного старого революционера за другим. А в ночь на 22 января, в ясный зимний вечер, ушел в вечность и тот, имя которого переживет века. Перестало биться сердце Ильича. Навсегда закрыл глаза наш любимый, наш дорогой, мудрый старик. Навсегда смолк голос нашего старого вождя...

Но пролетариат не имеет права предаваться унынию. Ленин умер, но его партия живет. Живет его учение, его дело, его заветы. Потрясенный кончиной своего вождя, пролетариат откликнулся на его смерть тем, что сто тысяч рабочих вошло в нашу партию. Партия—это самое великое и важное из того, что Ленин завещал пролетариату. И рабочий класс это понял. Ленина нет, поэтому нужно напрячь все силы, чтобы беречь и укреплять созданную им партию,—вот мысль, с которой входит сейчас в партию рабочий.

На нас, на все поколение большевиков призыва 1917 и последующих годов, и в особенности на вступающих ныне в партию сто тысяч рабочих «ленинского призыва», ложится серьезнейшая и ответственнейшая задача. Нам нужно настойчиво, не покладая рук, работать над тем, чтобы большевистская партия оставалась и впредь во все грядущие годы такой же могучей, сплоченной, выдержанной, какой она была эти двадцать пять-тридцать лет под непосредственным руководством Ленина. Мы хотим, — и мы этого добьемся,—чтобы наша партия и без Ленина ни на мгновение не пе-

переставала быть настоящей, «твердокаменной», большевистской, ленинской партией. Вся история партии, весь опыт ее четвертьвековой борьбы как бы говорит новичкам: учитесь партийности у старой большевистской гвардии! Перенимайте все, что есть лучшего у старых революционеров! Сравняйтесь с ними, превзойдите их!

Каждый рабочий, вступающий в партию, должен спросить себя: буду ли я крепким и стойким борцом за коммунизм, за освобождение рабочего класса? Буду ли я беречь, как зеницу ока, нашу партию, укреплять и усиливать ее, бороться со всеми, кто попытается колебнуть ее единство или ослабить ее мощь? Буду ли я хранить и отстаивать заветы ленинизма? И если на эти вопросы последует, без колебаний и сомнений, твердый и бесповоротный ответ: да, то партия скажет: становись, товарищ, в одну шеренгу с нами и будем бороться вместе. И пусть в душе каждого вступающего в партию звучат, как приказ, слова Ленина, сказанные им еще в те годы, когда приходилось бороться за создание партии.

> «Надо подготовлять людей, посвящающих революции не одни только свободные вечера, а всю свою жизнь» (Насущные задачи нашего движения. 1900 год).

Члены партии и беспартийный.

Вступая в партию, каждый «новичек» чувствует, что он переходит какую-то грань, какую-то черту. Вчера он был «просто» рабочим такого-то завода или фабрики, беспартийным советским пролетарием.

Сегодня он — член коммунистической партии, большевик. Это звание члена партии налагает на него обязанности, которых у него не было раньше.

Разумеется, передовой рабочий, даже в то время, когда он состоял еще «беспартийным», болел нуждами своего класса и, насколько мог, поддерживал большевистскую партию и помогал ей в ее работе, радовался успехам партии и вместе с нею переживал ее неудачи.

Но только став членом партии, вчерашний беспартийный начинает сознавать свою прямую и непосредственную обязанность всегда и везде отстаивать классовые интересы пролетариата; только войдя в партию, он начинает сознавать свою прямую и непосредственную ответственность за все, что делает партия и руководимая ею советская власть.

> «Нельзя забывать,—говорил Ленин на 2-м с'езде партии (1903 г.),—что всякий член партии ответственен за партию и партия ответственна за всякого члена».

Вчера беспартийный рабочий в смысле политическом был неорганизованным одиночкой; сегодня он член великой организации — партии большевиков.

Входя в партию, новичек как бы становится другим человеком. С члена партии больше требуется, больше спрашивается, чем с беспартийного. Все рабочие смотрят на него отныне, как на более сознательного, развитого товарища, обязанного руководить рабочей массой.

Коммунист — это очень ответственное слово. Член нашей партии должен гордиться тем, что он

состоит в рядах самой передовой, самой сознательной, самой революционной партии. Поистине, нет на земле высшего звания, чем звание коммуниста. Всегда на посту, всегда впереди, всегда в первых рядах—вот что такое коммунист, партийный человек.

Но коммунист, который свое пребывание в партии понимает так, что он стал «начальником» над беспартийным, и на этом основании «зазнается», начинает смотреть на беспартийного сверху вниз, свысока, пренебрежительно, такой коммунист есть плохой член партии. Коммунист—это более сознательный рабочий, обязанность которого вести за собою менее сознательных (беспартийных) рабочих, раз'яснять им их классовые интересы. Старший товарищ—вот чем должен быть член партии по отношению к беспартийному. От того, что представляет собою каждый член партии в отдельности, зависит значение и характер всей партии в целом.

Партия.

Но, что такое партия? Самый краткий ответ будет такой:

> «Партия наша есть союз сознательных, передовых борцов за освобождение рабочего класса» (Ленин. Социализм и религия. 1905 г.).

Подробнее можно ответить так: партией называется добровольный союз людей, имеющих одинаковые политические убеждения и одинаковым путем борющихся за переустройство общественной жизни сообразно своим взглядам, выражающим

интересы определенного класса. Раз известно: число людей с общими политическими взглядами, с одинаковым пониманием общественной жизни решает совместно, сообща бороться за свои убеждения—они об'единяются в политическую партию, составляют политический союз, организацию, общество. Таковы, например, партия большевиков, партия меньшевиков, эс-эров, кадетская и другие.

«Для того, чтобы масса определенного класса могла научиться понимать свои интересы, свое положение, научиться вести свою политику, именно для этого необходима организация передовых элементов класса немедленно и во что бы то ни стало, хотя бы вначале эти элементы составляли ничтожную долю класса» (Как В. Засулич убивает ликвидаторство. 1913 г.).

«Организация передовых элементов» — это и есть партия. Вот что еще пишет Ленин о партии:

«Партия есть сумма связанных воедино организаций. Партия есть организация рабочего класса, расчлененная на целую сеть всяческих местных и специальных, центральных и общих организаций».

Партия, как таковая, есть организация, созданная рабочим классом для отстаивания его интересов. Внутри самой себя она разделяется на ряд крупных организаций, крупные—на ряд более мелких. Например, наша партия (политическая организация пролетариата) расчленяется на несколько десятков губернских организаций. Каждая

губернская в свою очередь расчленяется на несколько уездных и районных организаций, последние расчленяются на еще более мелкие организации (ячейки).

Подойдя к вопросу с несколько другой стороны, мы скажем, что партия есть часть рабочего класса. В нее идут наиболее передовые, сознательные, революционные рабочие. Они видят дальше, чем остальные рабочие, лучше их понимают интересы своего класса. Тем самым партия представляет собой авангард пролетариата, его передовой отряд, идущий впереди класса и ведущий его за собою.

> «Партия — сознательный, передовой слой класса, его авангард.
>
> Сила этого авангарда раз в 10, в 100 раз и более велика, чем его численность.
>
> Возможно ли это? Может сила сотни превышать силу тысячи?
>
> Может и превышает, когда сотня организована.
>
> Организация удесятеряет силы...»

Все новые и новые силы пролетариата пробуждаются к общественно-политической деятельности. Нам нужно «терпеливо», как говорил Ленин, раз'яснять им роль и значение партии, доказывать им необходимость вступления в партию.

> «Беспартийность есть идея буржуазная. Партийность есть идея социалистическая» (Социалистическая партия и беспартийная революционность. 1905 г.).

Буржуазия воспитывала в рабочих равнодушие к политической борьбе против партий. Она дока-

зывала рабочим ненужность для них партии, развивала в них предубеждение к партии. Буржуазные взгляды еще тяготеют над умами многих рабочих. Нам нужно бороться с этими взглядами, противопоставлять им наш лозунг: за партию! за партийность!

Идеология партии.

Когда мы говорим о большевистской партии, о коммунизме, то в нем нужно различать следующие четыре стороны: идеологию (теорию, программу); тактику; организацию; историю. Таковы четыре важнейших подразделения общественно-политических знаний. Скажем несколько слов о каждом из них. Раз мы желаем получить всестороннее представление о большевистской партии, нам нужно, прежде всего, спросить себя: какова идеология партии, ее теория? Как партия понимает ход и развитие общественной жизни? Чего партия добивается, какие задачи ставит перед собой? Какова программа партии и как она эту программу обосновывает? Вопросы теоретические, программные, идеологические и ответы на них все вместе составляют общественно-политическое мировоззрение коммунизма. **Коммунизм есть прежде всего, учение об условиях освобождения рабочего класса, а вместе с ними и всех других трудящихся от всех и всяческих видов притеснения, насилия, порабощения, угнетения, неравенства и эксплоатации навсегда.** Таково первое значение слова «коммунизм». **Коммунизмом называется также тот будущий общественный строй, который идет на**

смену капиталистическому, эксплоататорскому строю и который осуществит полное и всеобщее братство, равенство и свободу всех людей. Таково второе значение слова «коммунизм». Следовательно коммунизм обозначает, с одной стороны, учение об условиях достижения и осуществления будущего общества, с другой стороны—само это будущее общество. Оба эти значения взаимно дополняют друг друга и одно от другого неотделимы.

Идеология нашей партии носит не случайный, поверхностный, меняющийся, неустойчивый характер, как это есть у всех других, без исключения, партий. Мировоззрение большевиков опирается на гранитный фундамент науки, на теорию марксизма, созданную великими учителями рабочего класса: Карлом Марксом (1818—1883) и Фридрихом Энгельсом (1820—1895), продолженную, развитую и поднятую на новую высоту Владимиром Лениным (1870—1924). Наша партия руководствуется учением Маркса—Энгельса—Ленина. Коммунизм, большевизм, марксизм, ленинизм—это различные наименования одного и того же учения. Никоим образом нельзя думать так, будто ленинизм есть нечто отличное от марксизма. Ленин, как сказано, продолжил, развил и поднял на новую высоту марксистское учение. Он претворил его в жизнь, как вождь рабочего класса, сделал его понятным, доступным и близким широчайшим массам рабочих и крестьян. Ленин заново поставил все вопросы рабочего движения в условиях, не имевших места при жизни Маркса и Энгельса, и разрешил их с невиданной до сих пор полнотой и глубиной в духе учения Маркса и Энгельса.

Тактика.

Второй отраслью коммунизма является тактика.

«Под тактикой партии разумеется ее политическое поведение или характер, направление, способы ее политической деятельности. Тактические резолюции принимаются... для того, чтобы точно определить политическое поведение партии... в отношении новых задач или в виду нового политического положения» (Две тактики социал-демократии в демократической революции. 1905 г.).

Партии постоянно приходится решать «тактические» вопросы о том, как ей относиться к крестьянству, к интеллигенции, к эсеровской партии, к немецкой революции, к ультиматуму Керзона, к малым народностям (национальный вопрос) и т. д. Партия не действует по шаблону, по раз заученному образцу. Партия, писал Ленин в 1900 году,

«не связывает себе рук, не суживает своей деятельности одним каким-нибудь заранее придуманным планом или приемом борьбы; она признает все средства борьбы, лишь бы они соответствовали наличным силам партии и давали возможность достигнуть наибольших результатов, достижимых при данных условиях» (Насущные задачи нашего движения. 1900 г.).

В зависимости от обстановки, от соотношения сил, партия действует по разному, неуклонно преследуя конечную цель: осуществление коммунизма.

Всякому члену партии нужно хорошенько усвоить себе и хорошенько понять: почему у партии одна тактика, одна линия поведения, скажем, по отношению к крестьянину-середняку, другая—по отношению к кулаку; чем руководствуется партия при решении, допустим, национального вопроса; почему большевики при царе иногда участвовали в Государственной Думе, а иногда отказывались выбирать в нее, бойкотировали Думу и т. д.

Точный подсчет сил, выбор соответствующих средств борьбы, гибкость, умение маневрировать (где надо—наступать, где надо—отступать), постоянная связь с массами—вот главные качества большевистской тактики. Надо постоянно продумывать тактику партии по всем вопросам.

История партии.

Третья отрасль знания, необходимого коммунисту, это история партии, изучение того, как партия возникла, как она развилась, как она боролась, что пережила за четверть века своего существования. История партии—богатейший источник поучений и уроков для новичка. Без знания истории партии, без ясного представления о том, как зародился большевизм, в борьбе с какими врагами он закалился и окреп, нельзя выработать из себя хорошего партийца. Ленин постоянно обращался к истории партии, черпая из нее выводы и поучения для настоящего времени, для сегодняшней борьбы.

Организация.

Четвертое, что нас в особенности интересует в коммунистической партии и о чем мы думаем спе-

циально заняться в настоящей брошюре, это организация партии. Мы знаем, что партия, как союз политических единомышленников, сама по себе представляет одну из организаций рабочего класса на ряду с другими организациями: профессиональными союзами, советами рабочих депутатов, кооперативными обществами и пр. Всякая организация, партия в том числе, может быть крепкой и сплоченной, а может быть слабой и рыхлой.

Партия большевиков сейчас самая мощная революционная партия пролетариата на земле. Каждый вступающий в партию рабочий обязан спросит себя: как организована наша партия? в чем ее внутренняя сила? каков внутренний уклад партии, ее внутренний распорядок? каково строение партии? соблюдение каких организационных правил обеспечивает большевикам мощность, крепость, силу партии? чем нужно руководствоваться, чтобы партия всегда была как бы вылитой, выкованной из одного куска?

Всякий знает или, по крайней мере, слыхал, что наша партия отличается от других рабочих партий, в том числе и коммунистических (в Западной Европе) не только правильностью своей политики, но и своей невиданной в мире организованностью. Вот об этих правилах или условиях организованности, о строительстве партии мы и будем говорить здесь. Идеологические или тактические вопросы мы разбирать не будем: их надо изучать по другим книжкам. Этих вопросов мы коснемся лишь там, где это окажется необходимым для лучшего понимания организационных идей большевизма или ленинизма.

Организованности рабочих Ленин всегда придавал исключительно важное значение.

«У пролетариата нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации» (Шаг вперед, два шага назад. 1904 г.).

«Сила рабочего класса—организация. Без организации масс пролетариат—ничто. Организованный, он — все» (Борьба с кадетствующими социал-демократами и партийная дисциплина, 1906 г.).

«Сознательность передового отряда в том, между прочим, и проявляется, что он умеет организоваться, а, организуясь, он получает единую волю, и эта единая воля тысячи, сотни тысяч, миллиона становится волей класса» (Как В. Засулич убивает ликвидаторство.1913 г.).

Богатство идей Ленина в самых разнообразных областях неисчерпаемо. В частности, Лениным создано учение о революционной партии пролетариата. Учение большевизма о партии заключено не только в произведениях Ленина, но и в постановлениях и резолюциях с'ездов партии и в непосредственной организационной практике партии. Нужно помнить, что за время жизни Ленина не было таких решений партии по главнейшим вопросам, которые прошли бы без участия или совета Ленина или расходились с его идеями. Нельзя отделять Ленина от партии. Нельзя противопоставлять ленинизм большевизму, думать, что это разные вещи. Если мы по некоторым партийным вопросам не находим прямых указаний в произведениях Ленина, их надо искать в постановлениях партии. Речи и статьи Ленина, резолюции и постановления

партии—это две части, взаимно восполняющие друг друга, взаимно раз'ясняющие одна другую. Излагая учение Ленина о партии, мы стремимся прежде всего приводить подлинное мнение Ленина по тому или иному вопросу; реже—пересказываем мнение Ленина, еще реже—даем раз'яснения и выводы, вытекающие из основных идей Ленина.

Гибкость организации и единство действия.

В самом начале 1902 года, выдвигая план построения партии, Ленин спрашивал: какого типа организация нам нужна? И на этот вопрос отвечал: нам нужна такая организация, которая

> «обеспечит необходимую для социал-демократической боевой организации гибкость, т.-е. способность приспособляться немедленно к самым разнообразным и быстро меняющимся условиям борьбы, уменье, с одной стороны, уклониться от сражения в открытом поле с подавляющим своей силою неприятелем, когда он собрал на одном пункте все силы, а с другой стороны, пользовался неповоротливостью этого неприятеля и нападать на него там и тогда, где всего менее ожидают нападения» (Что делать? 1902 г.).

Гибкость, умение быстро перестраивать свои ряды—таково одно из основных требований, которые Ленин пред'являл партии. Много лет спустя, когда началась империалистическая война, Ленин заявил, что западно-европейские социал-демократи-

ческие партии должны от легальных, разрешенных законом организаций перейти к нелегальным, тайным, подпольным, чтобы вести борьбу против буржуазии. Вот что писал тогда Ленин об организации и ее гибкости:

«Возьмем современное войско. Вот один из хороших образчиков организации. И хороша эта организация только потому, что она—гибка, умея вместе с тем миллионам людей давать единую волю. Сегодня эти миллионы сидят у себя по домам в разных концах страны. Завтра приказ о мобилизации, и они собрались в назначенные пункты. Сегодня они лежат в траншеях, лежат иногда месяцами. Завтра они в другом порядке идут в штурм. Сегодня они проявляют чудеса, прячась от пуль и от шрапнели. Завтра они проявляют чудеса в открытом бою. Сегодня их передовые отряды кладут мины под землей, завтра они передвигаются на десятки верст по указаниям летчиков над землей. Вот это называется организацией, когда во имя одной цели, одушевленные одной волей, миллионы людей меняют форму своего общения и своего действия, меняют место и приемы деятельности, меняют орудия и оружия сообразно изменившимся обстоятельствам и запросам борьбы» (Крах 2-го Интернационала. 1915 г.).

Взявши «современое войско», как «один из хороших образчиков организации», особо подчеркнув «гибкость» военной организации, ее умение

давать миллионам людей «единую волю», Ленин прибавляет:

«То же самое относится к борьбе рабочего класса против буржуазии».

Организационная гибкость, умение быстро перестраивать свои ряды, переходить от подпольных форм организации к легальным и обратно при непрерывном сохранении единства руководства, воли и действия—таковы основные организационные качества нашей партии. Партия не признает организационного «фетишизма»*), отстаивания всегда и везде, при всех условиях и всех положениях одной какой-либо раз навсегда устанавливаемой формы строительства. Организационные формы подчиняются требованиям революционной целесообразности. В эпоху подполья (до первой революции 1905 г.) большевики отвергали, напр., «выборное начало» внутри партии, так как при отсутствии свобод в стране внутрипартийную демократию нельзя было осуществлять. Но как только в царской России политическая жизнь на время стала свободнее (после октября 1905 г.), партия тотчас же перешла к демократической организации. Позже, в эпоху реакции (примерно, с 1907 г.), партия снова ушла в подполье, свела демократизм к минимуму. Одно внутреннее устройство партии было в эпоху военного коммунизма (1918—1921 г.г.), другое—в настоящее время.

Партия обязана приспособлять формы своего строения к условиям текущей борьбы.

---

*) Фетиш — предмет, которому приписывают чудодейственную силу и которой поэтому обоготворяют, преклоняются перед ним, веруют в него.

«Всякая форма борьбы требует соответственной техники и соответственного аппарата. Когда главной формой борьбы в силу об'ективных условий ставится парламентская борьба, в партии неизбежно усиливаются черты аппарата для парламентской борьбы. Наоборот, когда об'ективные условия порождают борьбу масс в виде массовых политических стачек и восстаний, партия пролетариата должна иметь «аппарат» для «обслуживания» именно этих форм борьбы и, само собою разумеется, что это должны быть особые «аппараты», не похожие на парламентские» (Кризис меньшевизма. 1906 г.).

Во время гражданской войны партийные организации приняли полувоенный характер («милитаризация партии»): крайний централизм, строжайшая дисциплина, действие путем приказов. Иначе нельзя было победить врага. Поэтому партия была обязана перестроиться на военный лад. За время своей истории партии не раз приходилось изменять свои организационные формы. Но всякий раз, как партия должна была сжиматься, свертывать свои ряды или, наоборот, разворачивать их, постоянным оставался коренной тип большевистской партии.

«В отличие от Европы конца XVIII и первой половины XIX века, — писал Ленин в 1913 году, — Россия именно дала пример страны, в которой старая организация доказала свою жизненность и свою дееспособность. Эта организация сохранилась и во время реакции, несмотря на отпадение ликвидаторов и тьмы обыва-

телей. Эта организация, сохраняя свой коренной тип, умела приспособлять свою форму к изменившимся условиям, умела видоизменять эту форму соответственно требованиям момента...» (Как В. Засулич убивает ликвидаторство. 1913 г.).

Как армия, перестраиваясь, все же остается армией, то-есть мощной военной организацией, так и партия, видоизменяя свои организационные формы, должна сохранить свой коренной большевистский тип. Единство руководства, воли, действия, организации, — это то, что является постоянным в партии. Партия живет и развивается, никогда не разрывая со своей прошлой организацией: она «оставляет» то, что устарело, сохраняет то, что доказало свою жизненость, создает новые формы применительно к новым условиям борьбы, сохраняет преемственность в своей деятельности, блюдет традиции партии, то-есть поучения и уроки прежнего революционного опыта, и во всяком положении отстаивает коренной тип большевистской организации.

Переходим к изучению условий и правил организованности.

Глава II.

Сознательность.

Партия сильна только в том случае, если она состоит из сознательных людей, хорошо понимающих интересы своего класса и умеющих отстаивать их.

«Социалисты,—говорит Ленин.—главной силой считают сознательность масс» (Социал-демократия и выборы в Петербурге. 1907 г.).

Сознательность — это первое, что партия требует от своих членов. Всякому ясно, что если бы партия состояла из людей, которые не разбираются в общественно-политических явлениях, не понимают, что к чему, не представляют себе хорошенько своих собственных задач и не знают, как их разрешать, то такая партия никакой цены для рабочего класса не имела бы. Вот почему одним из условий для вступления в партию является знание и признание партийной программы.

От вступающего в партию простого рабочего нельзя, конечно, требовать, чтобы он знал программу, что называется, «на зубок», умел самостоятельно ее разбирать, об'яснять в ней каждое ученое слово и т. д. Сделать это под силу только теоретически подготовленному товарищу. Но знать и признавать основные идеи, главные мысли нашей программы обязан каждый член партии. Человек, который не знает, как коммунисты понимают ход общественной жизни и чего они добиваются, не может быть признан сознательным идейным членом партии. Понимание идей коммунистической партии и согласие с ними, признание их правильности — это и есть то, что отделяет сознательного человека от несознательного.

Марксизм — классовая идеология пролетариата.

Партийная программа представляет собой краткое изложение марксистского учения. Нам нужно

по этому поводу более подробно поговорить о марксизме, как классовой идеологии пролетариата. Что такое марксизм, социализм, коммунистическое учение? Это, прежде всего, система идей, мыслей, возникших в головах Маркса, Энгельса, Ленина и других, мыслей, правильно и всесторонне выражающих интересы пролетариата, как определенного общественного класса.

> «Марксизм есть теория освободительного движения пролетариата» (Крах II Интернационала. 1915 г.).
>
> «Величайшее в мире освободительное движение угнетенного класса, самого революционного в истории класса, невозможно без революционной теории. Ее нельзя выдумать, она вырастает из совокупности революционного опыта и революционной мысли всех стран света. И такая теория выросла со 2-й половины XIX века. Она называется марксизмом» (Честный голос французского социалиста. 1915 г.).

Но что это значит, когда мы говорим: марксизм есть классовая идеология пролетариата? Может быть, Маркс, Энгельс, Ленин, Плеханов, Каутский писали свои книги под диктовку рабочих, а те им рассказывали, что они думают, как понимают ход общественного развития и свои задачи? Нет, ничего подобного, конечно, не было. Маркс и Энгельс писали, «творили», как говорят, совершенно самостоятельно, никто им ничего не диктовал, и когда они создавали свою теорию, миллионы рабочих, за исключением небольших групп, даже не знали о ее существовании, не слыхали самого имени Маркса

и Энгельса, как не знают этого еще и сейчас многие миллионы рабочих. Как же так: марксизм есть классовая идеология пролетариата, а огромное множество рабочих о нем ничего не знают, не «сознают» этого учения? Рабочие работают на фабриках и заводах, борятся с хозяевами, бастуют, а где-то там, не у них в головах, а в головах Маркса и Энгельса складывалась их, рабочих, классовая идеология? Выходит, что рабочий класс помещается в одном месте, а его идеология в другом? Как это понять? Подойдем к разрешению вопроса издалека. Иногда говорят: «рабочий класс стихийно влечется к социализму» или: «рабочие—прирожденные социалисты». Это и верно, и неверно. Неверно, если думать, что рабочий, стоя у станка, перенося тяжелую трудовую жизнь, сам от себя начинает понимать, что такое капитализм, что такое социализм, как устроено и как развивается современное общество, как надо бороться за социализм и т. д. Всего этого он не знает и сам собою знать не может, потому, что это можно узнать только из науки, из теории. Верно, если понимать это так, что рабочий, стихийно протестующий против эксплоатации, если ему расскажут сущность социализма, марксизма, коммунизма, внимательно подумав над ним, скажет: это то, что мне нужно, это правильно выражает мои интересы, поэтому я за социализм, за коммунистическую партию. Буржуа этого не скажет.

О социализме рабочий узнает не во сне и не по откровению свыше, а со стороны, от сознательного товарища, из листовки, газеты, книжки, листовка и книжка заимствовала свои идеи из других книг, те—из произведений Маркса и Энгельса,

а Маркс и Энтельс были великими учеными, которые овладели всей бывшей до них буржуазной наукой, с ее помощью подошли к изучению общественной жизни, в силу своих гениальных способностей сумели открыть подлинные законы и ход общественого развития, обнаружили великое историческое значение пролетариата, как особого класса в обществе, призванного пересоздать общество на новых началах, выяснили, что самим ходом общественного развития создаются условия освобождения рабочего класса, и указали те способы борьбы, с помощью которых рабочий класс может освободить себя. В виду своих гениальных способностей Маркс, Энтельс, Ленин лучше поняли и выразили интересы рабочеге клаоса, чем кто-либо другой.

Теория марксизма и рабочее движение.

Раньше мы нарочно грубо задавали такой вопрос: разве рабочий класс помещается в одном месте, а его идеология в другом? Так оно и было на первых порах. — Первоначально марксистское учение существовало само по себе и непосредственная, стихийная борьба рабочего класса — тоже сама по себе. Но затем, когда идеями социализма проникает все большее и большее число революционеров, передающих это учение наиболее передовым рабочим, первоначальная, совершенно неизбежная разобщенность коммунизма и рабочего движения исчезает. Социализм охватывает все большие и большие массы пролетариев, сначала организующихся в социалистические кружки и группы, а потом об'единяющиеся в партию. На-

ступает слияние марксистского учения с непосредственным рабочим движением. Последнее начинает развиваться под знаменем марксизма. Коммунизм станет достоянием широких слоев пролетариата, находящих в нем выразителя своих классовых интересов, убеждающихся в том, что марксизм действительно есть классовая идеология пролетариата, понимающих, что вне марксизма нет освобождения пролетариата. Проникнуться марксистским учением — это и значит стать вполне сознательным рабочим. Наша партия является носителем и хранителем марксистского учения. Знакомясь с основными идеями партийной программы, новичек получает самое первое, самое простое, самое общедоступное представление о марксистском понимании хода общественного развития.

Вот что пишет Ленин о взаимоотношении социалистического учения с рабочим движением:

«Учение социализма выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией. Основатели современного научного социализма, Маркс и Энгельс, принадлежали и сами, по своему социальному положению, к буржуазной интеллигенции. Точно так же и в России теоретическое учение социал-демократии возникло совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения, возникло как естественный и неизбежный результат развития мысли у революционно-социалистической интеллигенции. К половине 90-х годов это учение не только было уже вполне сложившейся программой группы

«Освобождение труда», но и завоевало на свою сторону большинство революционной молодежи в России. Таким образом, налицо были и стихийное пробуждение рабочих масс, пробуждение к сознательной жизни и сознательной борьбе, и наличность вооруженной социал-демократическою теориею революционной молодежи, которая рвалась к рабочим» (Что делать? 1902 г.).

Теория марксизма создалась не в процессе непосредственного стихийного рабочего движения, но на основе его опыта, на основе поучений и выводов из него.

«Революционная бацилла».

На первых ступенях рабочего движения носителями и пропагандистами марксистского знания естественно являлись социалисты из революционной интеллигенции; по мере роста движения из рабочей массы все больше и чаще выдвигаются наиболее передовые, развитые и способные рабочие, которые быстрее, чем остальная масса, усваивают идеи марксизма и делаются вполне зрелыми марксистами, пропагандирующими идеи марксизма среди остальной рабочей массы. Тем самым стирается первоначальное различие между «интеллигентами» и «рабочими» в деле овладения и пропаганды социализма. Чем шире и глубже будет поставлено образование и просвещение рабочих в Советской России, тем скорее уничтожится грань между людьми умственного и физического труда, полученная нами в наследство от капитализма.

Революционер-марксист является «революционной бациллой» по отношению к наивному, стихийному сознанию рабочего. Идеи, зароненные им в сознание рабочего, представляют собой, как бы «дрожжи», «бродило»: они будят рабочего от сна, разрушают в нем привычные представления, пробуждают в нем массу вопросов, разлагают старое, косное сознание и превращают его в сознание классовое, коммунистическое. Марксист заставляет рабочего смотреть на мир по-новому, иначе, не так, как прежде.

Важность теории.

Ленин постоянно боролся против тех, кто демагогически*) уверял рабочих, будто одними «мозолистыми руками» или «мускулистыми кулаками», без марксистской теории, без ясного научного сознания можно победить буржуазию и осуществить социализм. Сила партии в ее сознательности. Отсюда важное значение, которое большевики придают теории. Ленин сурово осуждал «беззаботность и беспомощность» в области теории и резко высказывался против всяких попыток «ослабить значение теории».

> «Без революционной теории не может быть и революционного движения... Роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией» (Что делать? 1902 г.).

---

*) Демогогия—игра на темных чувствах масс, подыгрывание под ее случайные настроения.

Такую теорию мы имеем—марксизм. Послушаем, что говорит Энгельс немецким рабочим о наших обязанностях в области теории:

> «В особенности обязанность вождей будет состоять в том, чтобы все более и более просвещать себя по всем теоретическим вопросам, все более и более освобождаться от влияния традиционных, принадлежащих старому миросозерцанию, фраз и всегда иметь в виду, что социализм с тех пор как он стал наукой, требует, чтобы с ним и обращались, как с наукой, т.-е., чтобы его изучали». И дальше: «Приобретенное таким образом, все более проясняющееся сознание необходимо распространять среди рабочих масс со все большим усердием и все крепче сплачивать организацию партии...» (Энгельс. Крестьянская война в Германии. Предисловие к изд. 1874 г.).

Никогда нельзя перестать раз'яснять рабочим всю огромную важность теории. Ошибка в теории ведет в конце-концов к ошибке в политике, в практике, в действии. Новичок в партии не должен удовлетворяться тем, что он прошел «политграмоту». Надо развивать себя, свое сознание. Надо стремиться к тому, чтобы быть теоретически просвещенным членом партии. Надо осуждать и высмеивать тех, кто по своей неразвитости и «чванству» стал бы порицать уважение партии к теории, к более сознательным товарищам и, наоборот, начал бы превозносить «стихийность» над «сознательностью», потакать и льстить отсталым, несознательным элементам.

Коммунизм и вера в бога.

Мы уже говорили о том, что сознательность—это первое, что партия требует от своих членов, и в связи с этим подчеркивали огромное значение теории. Раз речь зашла о сознательности, о важности теории, о научности нашего мировоззрения, то нельзя не коснуться вопроса об отношении коммунистов к религиозным предрассудкам.

Коммунизм и вера в бога—вещи несовместимые. Нельзя верить в бога и в то же время быть или считать себя передовым, сознательным рабочим. Коммунизм не ограничивается одной только политикой, он представляет собою всестороннее учение, освещающее все стороны жизни, в том числе и религиозные верования людей. Некоторые рассуждают так: раз мы хотим бороться с капитализмом и свергать эксплоататоров, то достаточно иметь правильные политические взгляды, быть хорошим и дисциплинированным членом партии и под ее руководством делать то, что нужно для освобождения рабочего класса, а верую ли я в бога или нет—это мое личное, частное дело, которое не касается партии. Такое рассуждение совершенно неправильно, и партия не может с ним согласиться. Разумеется, от члена партии требуются прежде всего твердые коммунистические убеждения, отчетливое понимание стоящих перед партией политических задач, готовность быстро и решительно действовать по приказу партии: это все качества, которые в первую очередь нужны партии от ее членов.

Во главе рабочего класса партия ведет ожесточенную классовую борьбу с эксплоататорами, и по-

этому она ценит в своих членах прежде всего политическую сознательность, организованность, дисциплинированность. Перед этими боевыми требованиями вопрос о религиозных верованиях членов партии отступает, понятно, на задний план, но только отступает, а не совершенно исчезает. Когда идет бой, приходится прежде всего спрашивать: готов ли ты драться? способен ли ты на самопожертвование? можешь ли ты в борьбе с эксплоататорами итти до конца? В горячке классовой борьбы, когда нужно действие, мы можем до поры, до времени не спрашивать члена партии: читал ли ты «Капитал» Маркса и веруешь ли ты в бога, но это отнюдь не означает, что партия не должна «вообще» интересоваться теоретическим развитием членов партии и их религиозными верованиями. Партия, то-есть союз сознательных, передовых борцов за освобождение рабочего класса,

> «не может и не должна безразлично относиться к бессознательности, темноте или мракобесничеству в виде религиозных верований» (Социализм и религия. 1905 г.).

Во время гражданской войны наша партия преднамеренно оставляла без внимания религиозные предрассудки некоторых своих членов, не карала их за это, не исключала из своих рядов. Партия говорила себе: сейчас важнее всего победить врага в открытом бою; товарищи, о которых мы знаем, что они не изжили еще религиозных предрассудков, в борьбе против эксплоататоров ведут себя как хорошие, честные солдаты революции и мужественно несут службу коммуниста; неразумно поэтому и несвоевременно выпячивать сейчас на первое место

вопрос об их религиозном суеверии, подождем; пока кончится военная страда, а потом постараемся переубедить и перевоспитать этих товарищей, показать им всю нелепость их предрассудков и суеверий. В старые годы, когда партия боролась с царизмом, она еще могла допускать в свои ряды верующих рабочих, и Ленин специально писал об этом в своих статьях. Иное дело теперь, когда партия стоит у власти, когда члены ее должны быть во сто раз сознательнее, развитие, культурнее, чем это требовалось для борьбы с самодержавием.

Партия не считала и не считает религиозные верования частным, личным делом членов партии; лишь временно она может терпеть, допускать пребывание в своей среде товарищей, еще не изживших религиозных предрассудков, но тогда она ставит своей задачей по отношению к ним антирелигиозное воспитание. В любой коммунистической партии есть немало рабочих с религиозными предрассудками, быть может, даже скрывающих их. Это не значит, что этих рабочих нужно сейчас же исключить из партии. Нет, нужно действовать по-другому. Партия должна сказать себе: это стыд и срам, что в наших рядах есть отсталые товарищи, которых мы не позаботились просветить и развить, ознакомить их с наукой, поставить среди них антирелигиозную пропаганду; это мы виноваты в их темноте и отсталости. Необходима самая серьезная и решительная работа внутри партии, направленная к искоренению религиозных предрассудков среди членов партии, и в том случае, когда партия имеет дело с безнадежно верующим, неспособным к развитию, она не должна останавливаться перед исключением его из партии.

«Религия,—пишет Ленин,—есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждою и одиночеством. Бессилие эксплоатируемых классов в борьбе с эксплоататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, чудеса и т. п. Того, кто всю жизнь работает и нуждается, религия учит смирению и терпению в земной жизни, утешая надеждой на небесную награду. А тех, кто живет чужим трудов, религия учит благотворительности в земной жизни, предлагая им очень дешевое оправдание для всего их эксплоататорского существования и продавая по сходной цене билеты на небесное благополучие. Религия есть опиум для народа. Религия—род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ, свои требования на сколько-нибудь достойную человека жизнь.

Но раб, сознавший свое рабство и поднявшийся на борьбу за свое освобождение, наполовину перестает уже быть рабом. Современный сознательный рабочий, воспитанный крупной фабричной промышленностью, просвещенный городской жизнью, отбрасывает от себя с презрением религиозные предрассудки, предоставляет небо в распоряжение попов и буржуазных ханжей, завоевывая себе лучшую жизнь здесь, на земле. Современный пролетариат становится на сторону социализма, который привлекает науку к борьбе с религиозным туманом и освобождает рабочего от веры в загробную

жизнь тем, что оплачивает его для настоящей борьбы за лучшую земную жизнь» (Социализм и религия. 1905 г.).

«Религия есть опиум народа,—это изречение Маркса есть краеугольный камень всего миросозерцания марксизма в вопросе о религии. Все современные религии и церкви, все и всяческие религиозные организации марксизм рассматривает всегда, как органы буржуазной реакции, служащие защите эксплоатации и одурманению рабочего класса» (Об отношении рабочей партии к религии. 1909 г.).

Коммунист не может быть верующим. Коммунист, который верит в бога, ходит в церковь и исполняет обряды, — представляет собою смешное, нелепое и унизительное для партии зрелище. Нельзя быть сознательным, опирающимся на науку человеком и в то же время обволакивать свой мозг религиозными предрассудками и суевериями, созданными впервые дикарями и передающимися затем церковью из поколения в поколение. Дикарь создал веру в бога; коммунист, верующий в бога, немного сродни дикарю, как немного похож на дикаря и вообще всякий верующий обыватель. Глубокая ошибка думать, будто вера в бога безразлична для политической сознательности члена партии и не влияет на его политическую деятельность. Рано ли, поздно, но верующий коммунист изменит рабочему классу. Религиозный яд, впрыснутый церковью в мозг пролетария, разлагает и отравляет его классовое сознание, расслабляет и парализует его волю. Кто общается с буржуазией на религиозной почве, кто сливается с нею в одно общее стадо ве-

рующих, молитвенно вздымающих руки к небесам, тот не всегда сможет твердо и решительно в момент острой классовой борьбы опустить молот на череп буржуазии. Религиозные верования, остатки ненаучных представлений, унаследованные от дикарей суеверия туманят мозг рабочего и мешают ему видеть то, что есть. Человек, который верит в бога, в сверх'естественные причины, в нечистую силу, не может быть марксистом, признающим только факты и их действительную связь между собою. Суеверный в одной области, будет суеверным и в другой, и религиозные предрассудки с неизбежностью ведут к предрассудкам политическим. Разве можно проникнуться сознанием всей глубины классовых противоречий современного общества, всей несовместимостью интересов пролетариата и буржуазии и их политической противоположности по всем линиям и по всем направлениям, если одновременно разделять религиозные предрассудки, думать, что буржуа является для рабочего «братом» по вере, и не понимать классового значения религии, как одного из наиболее тонких, сложных и искусных орудий обмана и угнетения буржуазией рабочего класса?

Пролетарская и буржуазная идеология.

Только с того дня, как рабочий класс проникается идеями марксизма, коммунизма, ленинизма, можно говорить о пролетарской идеологии. Мы уже сказали, что эта идеология, теория, наука создана Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом. Возникает такой вопрос: рабочие ведут стихийную борьбу и не зная о марксизме. Какая же в этом случае

бывает у них идеология? Ленин отвечает: буржуазная идеология. Борьба рабочего класса, не освещенная марксизмом, не выходит из круга буржуазных или мелкобуржуазных взглядов, идей, представлений. Рабочий борется потому, что его угнетают: он не может не подыматься стихийно на борьбу, но в этой борьбе он не подымается над уровнем господствующих в капиталистическом обществе буржуазных и мелкобуржуазных взглядов. Поэтому его борьба носит узкий, ограниченный, мелочной, «трэд-юнионовский» характер, как выражается Ленин, от слова «трэд-юнионы». Так называются в Англии профессиональные союзы, которые ни о каком социализме не думают, а поглощены исключительно мелочной экономической борьбой. И только революционный марксизм впервые открывает глаза рабочему, впервые вырывает его из плена буржуазной, «трэд-юнионовской», мещанской идеологии. Взгляды Ленина на этот счет чрезвычайно важны. Поэтому на них нужно остановиться подробнее. Побуждаемые тяжестью своего подневольного положения, рабочие массы стихийно подымаются на борьбу против своих эксплоататоров, стачками добиваясь сносного человеческого существования, лучшей заработной платы, короткого рабочего дня. На первых порах борьба рабочего класса носит чисто экономический характер.

> «История всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами»—вне влияния социалистических идеологов—«рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание трэд-юнионистское, т.-е. убеждение в необходимости об'единяться в союзы, ве-

сти борьбу с хозяевами, добиваться от правительства издания тех или иных необходимых для рабочих законов и т. п.» (Что делать? 1902 г.).

При «трэд-юнионизме» у рабочих еще нет сознания коренной, непримиримой противоположности их интересов с интересами капиталистического, эксплоататорского общества. Они мирятся с капитализмом. Они не думают о том, чтобы перестать быть вольнонаемными рабами капитала. Им чужда великая идея марксизма или ленинизма: революционное ниспровержение буржуазии и диктатура пролетариата. Они озабочены лишь тем, чтобы подороже и повыгоднее продать свою рабочую силу.

Нетрудно видеть, что трэд-юнионовское понимание задач рабочего класса ничуточку не противоречит интересам буржуазии. Буржуазия прекрасно понимает неизбежность пролетарского движения. Так пусть оно сведется к борьбе за мелкие экономические улучшения, к «полюбовным» договорам хозяев с рабочими об условиях труда и вознаграждения, к судебному разбирательству в третейских судах и примирительных камерах взаимных неудовольствий рабочих и хозяев, к мирному и безвредному обсуждению в парламенте «рабочего вопроса». А в этом и заключается трэд-юнионизм, подсказываемый рабочему классу буржуазией. Поэтому Ленин и говорил, что

«трэд-юнионизм означает идейное порабощение рабочих буржуазией».

Разумеется, трэд-юнионизм в миллион раз приемлемее для буржуазии, чем грозное учение коммунистов о диктатуре пролетариата. Буржуазия не

может не трепетать, слыша слова «Коммунистического манифеста»:

> «Коммунисты считают излишним скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего современного общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед коммунистической революцией. Пролетарии могут потерять в ней только свои цепи. Приобретут же они целый мир. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (Маркс и Энгельс. Коммунистический Манифест. 1878 г.).

Подымаясь на борьбу за улучшение своего положения, рабочий класс в поисках средств и способов борьбы невольно, бессознательно попадает в плен к буржуазной идеологии, которая одна только его и окружает.

> «Стихийное движение... идет именно к господству буржуазной идеологии... по той простой причине, что буржуазная идеология по происхождению своему гораздо старше, чем социалистическая, что она более всесторонне разработана, что она обладает неизмеримо большими средствами распространения» (Что делать? 1902 г.).

Буржуазная культура миллионами и миллионами путей—газетой, школой, церковью—обволакивает мозг пролетария и прививает ему мещанские, буржуазные, либеральные *), «трэд-юнионовские»

*) Либерал—сторонник умеренно-буржуазных взглядов, прикрываемых фразами о свободе, народовластии и пр.

взгляды и воззрения на задачи рабочего класса. Пролетариат может инстинктивно, стихийно, «нутром» своим тянуться к социализму, к полному освобождению, но

> «наиболее распространенная (и постоянно воскрешаемая в самых разнообразных формах) буржуазная идеология тем не менее стихийно всего более навязывается рабочему».

Ленин учит, что в современном обществе могут быть только две основные идеологии: идеология буржуазная и идеология социалистическая, коммунистическая, пролетарская, марксистская.

> «Середины тут нет (ибо «никакой» третьей идеологии не выработало человечество, да и вообще в обществе, раздираемом классовыми противоречиями, и не может быть никогда внеклассовой или надклассовой идеологии)».

Для большей точности нужно заметить при этом, что к буржуазной идеологии относится и та ее разновидность, которая носит название идеологии мелкобуржуазной, свойственной мелким хозяйчикам, мелким собственникам. Для пролетариата особенно опасно «заразиться» именно мелкобуржуазной идеологией, которая как-будто бы и заимствует кое-что от социализма,—почему ее и смешать можно с социалистической идеологией, но на самом деле не подымает пролетариат над уровнем буржуазных взглядов и не выводит его из круга буржуазных представлений. О мелкобуржуазности мы будем говорить еще не раз.

Ленин пишет, что о «самостоятельной», то-есть не буржуазной, не мелко-буржуазной, но «трэд-

юнионовской», а подлинно пролетарской, действительно классовой,

> «самими рабочими массами в самом ходе их движения вырабатываемой идеологии не может быть и речи» и что социалистическое сознание рабочим «могло быть принесено только извне», т.-е. революционными марксистами.

Рабочее движение, предоставленное самому себе, не находящееся под влиянием коммунистов, марксистов и, следовательно, подверженное влиянию обволакивающей его со всех сторон буржуазной идеологии, будет носить мелкобуржуазный характер по идеологии, задачам, способам борьбы. Это чрезвычайно важная мысль Ленина.

> «Всякое преклонение пред стихийностью рабочего движения, всякое умаление роли «сознательного элемента» (т.-е. роли марксистов, коммунистов, коммунистической партии. *Вл. С.*)... означает тем самым,—совершенно независимо от того, желает ли этого умаляющий или нет,—усиление влияния буржуазной идеологии на рабочих».

Малейшее отклонение от марксизма, ленинизма представляет собой переход на почву мелкобуржуазных воззрений. История нашей партии особенно наглядно показывает, что группы, сходившие с почвы ленинизма, тотчас же оказывались в плену у мелкобуржуазной идеологии и начинали—против своей воли и желания—проповедывать какую-либо разновидность мелкобуржуазного

мировоззрения. Середины нету: или ортодоксальный (не допускающий никаких отклонений) ленинизм, или мелкобуржуазность.

Ошибка рабочей оппозиции.

В 1920—21 годах в партии существовало течение, именовавшее себя «рабочей оппозицией». Рабочая оппозиция расходилась с партией в целом ряде вопросов, между прочим и в области партийного строительства. Рабочая оппозиция представляла собой антипартийное, враждебное партии течение; поэтому 10-й партийный с'езд осудил рабочую оппозицию и прекратил ее дальнейшее существование. Из многочисленных ошибок рабочей оппозиции нас здесь интересует только одна. Рабочая оппозиция пыталась восстановить одну часть партии (рабочих) против другой (интеллигенты, служащие). Она, между прочим, требовала, чтобы членов партии нерабочих каждый год отправлять на три месяца на фабрики и заводы для физического труда. В основе этого предложения лежала следующая, примерно, мысль: рабочий класс по природе своей социалистичен; интеллигенты или служащие по природе своей мелкобуржуазны; надо, поэтому, время от времени ставить их в положение рабочего, заставлять заниматься физическим трудом, и тогда они приобретут социалистическое (коммунистическое) сознание. Представитель рабочей оппозиции высказал на 10 с'езде партии такой взгляд: «В партии нужно провести коммунистическое воспитание. Это коммунистическое воспитание заключается не только в том, чтобы **рабочие по книжке понимали теорию марксизма, когда они**

хорошо понимают ее и на практике, но в том, чтобы тот нерабочий элемент, который вошел в ряды партии, понял трудовую пролетарскую психологию». Дальше пояснялось, что в целях «коммунистического воспитания» надо каждого нерабочего посылать на завод и каждый новичек (нерабочий) «должен изучить простейшие процессы физической работы». В подчеркнутых нами словах представителя рабочей оппозиции сквозит та мысль, что для коммунистического воспитания можно было бы, собственно, обойтись и без «книжки», так как рабочие все равно хорошо постигают марксистскую теорию и «на практике», независимо от «книжки». Вот это-то и неверно. Это та же ошибочная мысль, о которой мы уже говорили раньше, будто рабочий класс сам собой, собственными усилиями, из практики своего быта и своего стихийного движения может вывести марксистскую идеологию. Не может. «Трэд-юниоиовскую», мещанскую, либеральную, мелкобуржуазную (под влиянием буржуазной идеологии)—да, марксистскую—нет. «Трудовая пролетарская психология», о которой говорила рабочая оппозиция, создается, разумеется, на фабрике и заводе процессом и условиями самой работы, но в том-то и дело, что из самой наилучшей трудовой пролетарской психологии никогда не может само собою вырасти марксистское, коммунистическое сознание, а оно приходит, грубо выражаясь, только из книжки, из теории, только «со стороны,—от Маркса, Энгельса, Ленина и других, и самое внимательное, самое терпеливое и добросовестное изучение и применение «простейших процессов физического труда» никогда не озарит нас теорией марксизма. Тому наилучшее доказатель-

ство—сама рабочая оппозиция: людей с «трудовой пролетарской психологией» у рабочей оппозиции было достаточно, но это нисколько не помешало тому, что идеология ее была насквозь мелкобуржуазной, антимарксистской.

Наивно до последней степени думать, будто достаточно людям стоять у станков, чтобы у них сама собой образовалась коммунистическая (марксистская) идеология. Если бы вопрос о классовой идеологии пролетариата решался так просто, мы уже давно имели бы социализм. Дело обстоит гораздо сложнее. В Англии, например, больше 10 миллионов человек стоит у станков, а лишь немного больше 10 тысяч из них—коммунисты, то-есть люди с действительно классовой идеологией. И эту идеологию они получили не сами от себя, так сказать «изнутри», а именно «извне», из теории, от агитаторов и пропагандистов марксизма, от революционеров-марксистов. Пролетариат существует более ста лет. Высвобождение его от мелкобуржуазной идеологии, стихийно навязываемой ему капиталистическим обществом, и проникновение его идеологией коммунистической есть долгий и трудный процесс. Вовсе это не происходит само собой, но благодаря усилиям марксистских групп, организаций, партий, «терпеливо» и настойчиво раз'ясняющих рабочим их классовые интересы и тем высвобождающих их от влияния мелкобуржуазной идеологии.

Извращение марксизма (ленинизма).

В своей деятельности партия опирается на марксизм—единственно правильное, единственно верно учение об освобождении рабочего класса.

«А правильность этой—и только этой—революционной теории показал не только всемирный опыт всего XIX века, но и в особенности опыт блужданий и шатаний, ошибок и разочарований революционной мысли в России... Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине выстрадала полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззавестности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы» (Детская болезнь левизны в коммунизме. 1920 г.).

Что ленинизм (марксизм)—правильное учение, это знает сейчас каждый рабочий и крестьянин, который сам непосредственно наблюдал политику нашей партии в течение семи лет и который знает, что эта политика верна. Наша партия полностью разделяет марксистское учение. Она не допускает ни малейшего искажения и извращения марксизма или ленинизма. В этом смысле она последовательница «ортодоксального» («правоверного», не допускающего никаких отклонений) марксизма. Партия отвергает всякие попытки изменить в буржуазном направлении учение Маркса-Энгельса-Ленина, пересмотреть его, «обревизовать», т.-е. внести мелкобуржуазные «поправки» и «поправочки», исказить суть нашей революционной науки, сделать ее менее опасной или совсем неопасной для буржуазии.

«Ревизионизм или «пересмотр» марксизма является в настоящее время одним из главных,

если не самым главным, проявлением буржуазного влияния на пролетариат и буржуазного развращения пролетариев» (Поспешишь — людей насмешишь. 1914 г.).

Ленин говорил рабочим: смотрите внимательно за тем, чтобы буржуазия и ее сторонники не превращали учения Маркса в безвредную «икону». Буржуазия прекрасно видит тот авторитет, который имеет учение Маркса в глазах рабочих. Ей ясно, что скрыть это учение, замолчать его— нельзя. Нужно поэтому обезвредить его, вытравить из него революционную душу. Буржуазия и ее агенты в рабочем классе, проводники буржуазного влияния на пролетариат, говорят рабочим: да, да, верно: Маркс был великим ученым, он стоял за рабочих, отстаивал их интересы. Но ведь Маркс жил давно, это с одной стороны; нет людей, которые не ошибались бы—это с другой стороны; поэтому многое в учении Маркса устарело, оказалось якобы несостоятельным. Например, его учение о революции, о диктатуре пролетариата нельзя уже считать правильным, надо отвергнуть. И незаметно, шаг за шагом, слуги буржуазии выбрасывают из учения Маркса то, что в нем главного, что отличает это учение от всякого другого и делает его учением революционного пролетариата. Словом, слуги буржуазии превращают Маркса в «дюжинного либерала», как говорил Ленин, делают Маркса безобидным сторонником существующего капиталистического строя. При этом, конечно, извратители Маркса не забывают для утешения рабочих приговаривать: да, да, Маркс был другом рабочего класса; мы тоже за Маркса. «О бернштенианстве», «струвизме»

«критике марксизма», вообще «ревизионизме» Ленин писал:

> «Развитие науки дает все больше материала, доказывающего правоту Маркса. Приходится бороться с ним лицемерно, не идя открыто против основ марксизма, а якобы признавая его, выхолащивая софизмами *) его содержание, превращая марксизм в безвредную для буржуазии святую «икону» (Крах 2 Интернационала 1915 г.).

Партия всегда боролась против ревизионизма и отстаивала марксистское учение. То, что Ленин писал о Марксе, то нам нужно памятовать в применении и к Ленину. Партия должна бороться с малейшими попытками извратить ленинизм, переделать его в мелкобуржуазном духе, подвергнуть его «ревизии». Когда говорят: да, учение Ленина мы признаем, но это учение все же не есть десять заповедей, вырезанных на скрижалях завета, то такими неосторожными фразами подготовляют почву для ревизионистов, подрывая и ослабляя силу учения Ленина, оставляя лазейки для тех, кто пожелал бы заняться разрушением основ ленинизма под тем предлогом, что ведь ленинизм—это же не десять заповедей! Раз мы считаем себя убежденными последователями и сторонниками ленинизма, то свое отношение к нему мы должны определять так, чтобы всякому было ясно: этих людей увести в сторону от учения Ленина нельзя, подсунуть им что-нибудь под видом «исправления» в ленинизме не удастся. Когда я говорю: учение Ле-

*) Ухищрениями, подтасовкой.

нина не десять заповедей, то всякому ясно, что я с чем-то в учении Ленина несогласен, но что именно отвергаю, каковы размеры моих расхождений с ленинизмом,—это от читателя скрыто. Тем-то и опасна такая формула, что она представляет собою лазейку для оппортунистов: с учением Ленина я, дескать, «во всем» согласен, но ведь это же учение не десять заповедей—и в самом деле я вот «несогласен» насчет союза рабочих и крестьян или насчет централизованной, дисциплинированной, единой партии. Другой оппортунист, опять-таки ссылаясь на те же десять заповедей, выдвинет свое несогласие с какой-нибудь другой основной идеей Ленина. И так во имя десяти заповедей можно камешек за камешком растаскать все мощное здание ленинизма. Фраза насчет десяти заповедей служит целью для оппортунистов, которые пожелали бы подтачивать основы ленинизма.

Раз вы так отрицательно относитесь к выражению: «учение Ленина не есть десять заповедей»,—значит вы считаете, что Ленин во всю свою жизнь никогда не ошибался и все написанное им в двадцати томах истинно и безошибочно до последней строчки? Нет, мы этого не считаем. Разумеется, и у Ленина были ошибки, как они были у Маркса и Энгельса, как они бывают у всякого человека. Но эти ошибки касались третьестепенных вещей, относились к сравнительно мелочам, о которых не стоит и упоминать. А вот, что касается учения Ленина, его основных идей, принципов ленинизма, то это учение, являющееся продолжением и развитием марксизма, есть единственно верное, единственно правильное, до конца революционное учение пролетариата, и мы заявляем

себя безоговорочными и безусловными сторонниками и последователями этого учения, непримиримо относящимися к малейшей попытке извратить или исказить его. Раз мы так скажем о ленинизме, тут оппортунисту ухватиться не за что. А когда говорят «ленинизм—не десять заповедей», тут для оппортуниста приоткрывается дверца.

Идейная непримиримость большевизма.

«Мы видим в самостоятельной, непримиримо марксистской партии революционного пролетариата единственный залог победы социализма и путь к победе, наиболее свободный от шатаний. Мы никогда поэтому, не исключая самых революционных моментов, не откажемся от полной самостоятельности социал-демократической партии, от полной непримиримости нашей идеологии» (О боевом соглашении для восстания. 1905 г.).

«Охрана идейной и политической самостоятельности партии пролетариата есть постоянная, неизменная и безусловная обязанность социалистов. Кто не исполняет этой обязанности, тот на деле перестает быть социалистом, как бы искренни ни были его «социалистические» (на словах социалистические) убеждения» (Социалистическая партия и беспартийная революционность. 1905 г.).

Большевики являются убежденными сторонниками марксизма (ленинизма). Отсюда вытекает идейная непримиримость большевизма, борьба его с малейшими неправильностями в понимании хода

общественного развития и задач рабочего класса. Всякая фальшивая нота, малейшая неверность или неточность мысли, совсем маленькая и как-будто ничтожная ошибка тотчас же встречает со стороны большевизма строгую критику. В старое время шутили, что вот, мол, большевики спорят с меньшевиками из-за каждой запятой. Люди без твердых убеждений находили в таких спорах придирчивость и мелочность со стороны большевиков, а на самом деле это была борьба за абсолютную чистоту классового сознания пролетариата.

Тем, кто глумился над ожесточенной борьбой, которую большевики вели против меньшевиков, осуждал резкость и «раскольничество» большевиков, противопоставляя им показное «благополучие» своей партии (эс-эровской), Ленин отвечал так:

«Много дурного в этой борьбе, слов нет. Много гибельного в этих расколах для дела социализма, бесспорно. И все же ни на одну минуту не пожелали бы мы променять этой тяжелой правды на вашу «легенькую» ложь. Тяжелая болезнь нашей партии—болезнь роста массовой партии. Ибо не может быть массовой партии, партии класса без полной ясности существенных оттенков, без открытой борьбы между разными тенденциями, без ознакомления масс с тем, какие деятели партии, какие организации партии ведут ту или иную линию. Без этого нельзя сложить партии, достойной этого слова, и мы складываем ее. Мы добились того, что взгляды наших обоих течений стоят перед всеми правдиво, ясно, отчетливо. Личная резкость, фракционная склока и свора, скандалы

и расколы,—все это мелочь по сравнению с тем, что на опыте двух тактик учатся действительно пролетарские массы, учатся действительно все, способные сознательно относиться к политике. Наши драки и расколы позабудутся. Наши тактические принципы, отточенные и закаленные, войдут в историю рабочего движения и социализма России, как краеугольные камни. Пройдут годы,—может быть, даже десятилетия, а на сотне разнообразных практических вопросов будут прослеживать влияние того или иного направления. И рабочий класс России, и весь народ знают, с кем имеют они дело в лице большевизма или меньшевизма» (А судьи кто? 1907 г.).

Партия не может мириться с тем, что она понимает свои задачи так, как того требует марксизм, а какая-нибудь группа коммунистов начинает проводить взгляды, отклоняющиеся от марксистской точки зрения, и, следовательно, мелкобуржуазные. Раз в партии наметился хоть самый небольшой, самый незначительный уклон в сторону от марксизма, партия обязана немедленно подвергнуть критическому разбору наметившееся отклонение и вскрыть его ошибку. В области идейной никакая «терпимость» недопустима, ибо из маленькой ошибки может вырасти большая, если с ней не бороться, а от теоретической ошибки (ошибка мысли) рукой подать до ошибки практической (ошибка в действии).

Кто внимательно присматривался и прислушивался к старым большевикам, «изучал» их, тот не мог не заметить у них высокоценной черты: уменье быстро и сразу уловить фальшивую ноту, если она

прозвучала, подметить и указать ошибочную мысль там, где молодой или неопытный коммунист ее не заметил бы, даже при большом напряжении. Эта способность приобретается в результате постоянного, тщательного продумывания с марксистской точки зрения всех задач, встающих перед партией.

Бороться надо с ошибками и уклонами не только в области «чистой» теории или тактики, но и в вопросах организационных. Попытки перестроить партию на других, не большевистских, не ленинских началах должны встречать самый решительный отпор.

Для отклонений от марксизма в области организационной у Ленина было такое выражение: оппортунизм в организационных вопросах. Оппортунизмом вообще называется принижение и сужение задач рабочего класса, приспособление движения к мелочным задачам сегодняшнего дня, забвение основных, коренных задач пролетариата. В связи с этим оппортунизм в организационных вопросах означает построение партии по таким правилам, в силу которых партия не будет стальной, дисциплинированной, централизованной партией пролетариата, а будет партией рыхлой, рассыпчатой, киселеобразной, неспособной бороться за власть, взять ее и удержать. С оппортунизмом в организационных вопросах, с попытками «разбольшевичить» партию, расслабить ее, уничтожить ее твердокаменный характер партии приходилось бороться не раз. Нужно уметь отстаивать марксизм или ленинизм не только в теории и тактике, но и в организационных вопросах.

Об авторитетах.

Крайне поучительно мнение Ленина о значении авторитетов в рабочем движении. Среди интеллигентской молодежи, даже сочувствующей рабочему классу, можно иногда слышать такие «задорные» голоса: да что вы все ссылаетесь на мнение Маркса или Энгельса? И к чему вообще ссылки на авторитеты? Я вот никаких авторитетов не признаю! Рассуждающий так воображает, будто он проявил ни весть какую «самостоятельность» мысли, выскажавшись против «авторитетного» образа мыслей. На самом деле эта «независимость» от основных идей марксизма, от выводов и поучений всего предшествующего революционного опыта обнаруживает как раз «зависимость» нашего молодого человека от мелкобуржуазных идей, «самостоятельность» в худом смысле слова. Вот что писал Ленин в 1906 г. о значении авторитетов, в частности авторитета Каутского, который в 1905—6 г.г. сочувствовал большевистской тактике, и его мнение было весьма ценно для русских рабочих:

«Марксисты не могут стоять на обычной точке зрения интеллигента-радикала *) с его якобы революционной отвлеченностью: «никаких авторитетов». Нет. Рабочему классу, ведущему во всем мире трудную и упорную борьбу за полное освобождение, нужны авторитеты,— но, разумеется, в том только смысле, в каком молодым рабочим нужен опыт старых борцов против угнетения и эксплоатации, борцов, про-

*) Радикал—человек, держащийся „крайних" взглядов.

ведших много стачек, участвовавших в ряде революций, умудренных революционными традициями и широким политическим кругозором. Авторитет всемирной борьбы пролетариата нужен пролетариям каждой страны. Авторитет теоретиков всемирной социал-демократии нужен нам для уяснения программы и тактики нашей партии. Но этот авторитет не имеет, конечно, ничего общего с казенными авторитетами буржуазной науки и полицейской политики. Этот авторитет есть авторитет более разносторонней борьбы в тех же рядах всемирной социалистической армии» (Предисловие к брошюре К. Каутского. 1906 г.).

Мнение авторитета ценно, разумеется, до тех пор, пока оно не расходится с требованиями революционной борьбы. Если «авторитет» начинает тащить рабочий класс назад, он перестает быть авторитетом. Плеханов долгое время был крупнейшим авторитетом для русской социал-демократии, большевиков в том числе. Но когда он стал проповедывать оппортунизм, Ленин об'явил ему «беспощадную войну». Вот что писал Ленин тогда же о Плеханове:

«Теоретические работы последнего — главным образом критика народников и оппортунистов — остаются прочным приобретением социал-демократии всей России, и никакая «фракционность» не ослепит человека, обладающего хоть какой-нибудь «физической силой ума», до забвения или отрицания важности этих приобретений. Но как политический вождь русских социал-демократов в буржуазной российской

революции, как тактик, Плеханов оказался ниже всякой критики. Он проявил в этой области такой оппортунизм, который повредил русским социал-демократическим рабочим во сто раз больше, чем оппортунизм Бернштейна — немецким. И с этой кадетообразной политикой Плеханова... мы должны вести самую беспощадную войну».

Позже, во время войны, большевики разошлись и с Каутским, принявшим сторону буржуазии. Мы и сейчас ценим Плеханова и Каутского того периода, когда они были еще революционерами, и воздаем им должное. Здесь мнение их имеет для нас цену. То, что есть у Плеханова и Каутского лучшего, революционного, мы считаем достоянием и нашей партии, а их оппортунистические идеи оставляем буржуазии и ее сторонникам.

Глава III.

Дисциплина.

Особенностью коммунистической партии является строжайшая дисциплина в ее рядах, то-есть точное и безоговорочное выполнение всеми членами партии и партийными организациями всех распоряжений вышестоящих органов. Можно быть несогласным с тем или иным постановлением партии, можно считать его неправильным, но раз партия вынесла свое решение,—его нужно тотчас же выполнять. Невыполнение постановлений партии, неподчинение, нарушение дисциплины большевики рассматривают

как серьезнейшее нарушение основ партийности и к нарушителям дисциплины применяют—в зависимости от важности проступка—самые суровые меры наказания, вплоть до исключения из партии. Больше того: в эпоху гражданской войны, в особенно острые для республики моменты, партия требовала от своих членов военной дисциплины. Бывали даже случаи, когда партийные организации расстреливали тех коммунистов, которые отказывались итти по приказу партии на фронт и своим малодушием могли поколебать настроение других членов партии.

Почему коммунисты придают такое большое значение дисциплине? Да потому, что без дисциплины партия не могла бы выполнить те громадные задачи, которые перед нею стоят. Что было бы, если предоставить в армии каждому солдату право подчиняться или неподчиняться приказам военного командования? Тогда, по сути дела, никакой армии не было бы. Штаб отдает распоряжение наступать; одна воинская часть решает подчиниться и итти в бой; другая находит, что бой давать невыгодно, и поэтому она не пойдет; по мнению третьей части гораздо лучше вообще покинуть позиции и уйти в тыл. Такая армия была бы побита в два счета, так как у нее вместо дисциплины—своеволие, разброд и развал.

Также, примерно, дело обстоит и с партией. Партия сильна, если все члены ее действуют, как один, если она выступает, как одно целое. Если бы каждому коммунисту было предоставлено на его усмотрение подчиняться или не подчиняться постановлениям партии, то это не была бы партия, а любительский кружок. Если бы каждый коммунист

соглашался выполнять только те постановления, которые ему нравятся, и не выполнять тех, с которыми он несогласен, то тогда вообще незачем было бы создавать партию.

Партия должна быть уверена, что каждый член ее выполнит то, к чему его обязывает партия, даже, если он не согласен с ее решением. В том-то вся суть. Маленькое дело выполнять постановления, с которыми согласен; трудность в том, чтобы подчиниться постановлению, с которым несогласен. Дисциплинированность как раз в том и заключается, чтобы подчинить свою личную волю воле коллектива, воле партийного большинства, делать то, чего хочет партия, что она считает нужным.

Люди вступают в партию добровольно. По доброй же воле они могут и выйти из нее. Никого нельзя силою принудить войти в партию или насильно удерживать в ней. Но раз люди состоят в партии, они тем самым берут на себя обязательство выполнять все постановления партии. Партийная дисциплина зиждется на сознательности членов партии, на их убеждении, что без подчинения меньшинства большинству, без подчинения низших партийных инстанций высшим невозможна крепкая, сплоченная партия пролетариата.

Большевики гордятся дисциплиной своей партии. Эта дисциплина была одним из условий победы большевиков. Летом 1920 г. Ленин писал:

«Наверное, теперь уже почти всякий видит, что большевики не продержались бы у власти не то что 2½ года, но и 2½ месяца без строжайшей, поистине железной дис-

циплины в нашей партии...» И дальше: «Опыт победоносной диктатуры пролетариата в России показал наглядно тем, кто не умеет думать или кому не приходится размышлять о данном вопросе, что безусловная централизация и строжайшая дисциплина пролетариата являются одним из основных условий для победы над буржуазией» («Детская болезнь левизны в коммунизме», 1920 г.).

За все время своего существования большевики отличались от других партий между прочим и своей дисциплиной. Ни одна партия не знала и не знает такой дисциплинированности в своих рядах, как наша партия. Роль и значение дисциплины для пролетарской партии Ленин подчеркивал всегда. Партии нужно единство действий. Вся партия сверху до низу и от одного ее края до другого должна действовать, как один человек. Такое единство возможно только в том случае, если все члены партии годами и десятилетиями воспитываются в духе строжайшей пролетарской дисциплины.

Партия обсуждает различные вопросы, освещает их с разных сторон, выносит их иногда даже на «дискуссию», т.-е. особенно широкое, подробное, массовое обсуждение, но раз постановление принято, все члены партии немедленно выполняют его.

Дисциплина и мелко-буржуазная стихия.

Дисциплина, твердая и непреклонная, нужна не только в эпоху подполья и борьбы с царизмом, не только в годы гражданской войны, но и в сравни-

тельно более спокойные времена, какие, например, переживает советская республика сейчас, когда партия уверенно и твердо стоит у власти и разрешает уже не военные задачи, как в 1917—1921 годах, а хозяйственные и культурные. Послушаем, что говорил Ленин о дисциплине партии, осуществляющей диктатуру пролетариата. Мы боремся в стране по преимуществу мелкобуржуазной: рабочий класс в Советской России представляет собой небольшой островок в крестьянском море. Мы хотим осуществить социализм, то-есть уничтожить разделение общества на классы, на группы людей с противоположными интересами.

«Уничтожить классы,—пишет Ленин,—значит не только прогнать помещиков и капиталистов—это мы сравнительно легко сделали; это значит также уничтожить мелких товаропроизводителей, а их нельзя прогнать, их нельзя подавить, с ними надо ужиться, их можно (и должно) переделать, перевоспитать только очень длительной, медленной, осторожной организаторской работой».

Перевоспитание десятков миллионов мелких товаропроизводителей (крестьянство)—это задача на годы и десятилетия. Задача может быть выполнена только в том случае, если партия сумеет всегда противостоять мелкобуржуазной стихии и не поддаваться ей. А опасности, которые связаны с соседством рабочего класса со многими миллионами мелких и мельчайших товаропроизводителей, чрезвычайно велики.

«Они (товаропроизводители) окружают пролетариат со всех сторон мелко-буржуазной сти-

хией, пропитывают его ею, развращают его ею, вызывают постоянно внутри пролетариата рецидивы *) мелко-буржуазной бесхарактерности, раздробленности, индивидуализма, переходов от увлечений к унынию».

Что опасность мелко-буржуазного влияния на пролетариат и его партию есть опасность не выдуманная, а действительная, это показывает опыт всех оппозиций, бывших внутри партии против ее политики, руководимой Лениным.

Все эти оппозиции без малейшего исключения («левый коммунизм» в 1918 г., «группа демократического централизма»—1920—21 г., «рабочая оппозиция»—1920—21 г., последняя по счету оппозиция во главе с т.т. Троцким, Сапроновым, Преображенским—1923—24 г., и др.) представляют собой мелкобуржуазные течения внутри партии. Дело в том, что рабочий класс и его партия не отделены непроницаемой стеной от остальных слоев населения. Есть целый ряд промежуточных переходов от мелкого, распыленного трудящегося собственника до чистого пролетария крупной машинной индустрии. Внутри пролетариата имеются прослойки, тесно связанные с крестьянством: полурабочие, полукрестьяне. Партия в свою очередь не может состоять из совсем-совсем одинаковых людей. В ней всегда найдутся элементы, которые не сумели полностью и навсегда стать на точку зрения пролетариата. Поэтому происходит следующее. В моменты какого-либо политического или экономического кризиса, поворота, невязки, расстройства мелко-буржуазная стихия, на-

*) Рецидив—возврат, повторение.

ходящаяся вне партии (мелкие товаропроизводители), начинает особенно колебаться, особенно волноваться. Составляющие ее человеческие частицы чувствуют себя выбитыми из колеи, из привычных экономических условий. Они мечутся, нервничают, бросаются из стороны в сторону, переходят от одного настроения к другому, теряют голову, пускаются на крайности и т. д. Такие колебания могут носить самый разнообразный характер и быть различными по степени, силе и размерам. Поскольку неустойчивые элементы имеются и внутри партии, они способны обнаруживать особую чувствительность и податливость к напору мелкобуржуазной стихии и под ее влиянием и давлением проводить взгляды, свойственные именно мелкой буржуазии, в основе враждебные пролетариату. В таких случаях мы имеем проявление мелкобуржуазности внутри партии со стороны тех элементов, которые не сумели стать на точку зрения пролетариата до конца и навсегда. Но мелкобуржуазная стихия оказывает давление и влияние на партию не только в особо острые моменты, а всегда, постоянно: от нее ведь никуда нельзя уйти. Мелко-буржуазное влияние сказывается в проникновении в среду тех или иных членов партии мещанских, обывательских взглядов, настроений и нравов. Против давления мелко-буржуазной стихии

«нужна строжайшая централизация и дисциплина внутри политической партии пролетариата, чтобы этому противостоять, чтобы организаторскую роль пролетариата (а это его главная роль) проводить правильно, успешно, победоносно».

Для тех, кто думает, что можно было бы обойтись и без дисциплины, раз мы победили буржуазию, надо припомнить сущность пролетарской диктатуры и того мелкобуржуазного «врага», которого нужно победить. Ленин продолжает:

«Диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и административная против сил и традиций старого общества. Сила привычки миллионов и десятков миллионов — самая страшная сила.

Без партии, железной и закаленной в борьбе, без партии, пользующейся доверием всего честного в данном классе, без партии, умеющей следить за настроением массы и влиять на него, вести успешно такую борьбу невозможно».

Самая большая опасность для рабочей партии в такой стране, как наша, это раствориться в мелкобуржуазной стихии. Сейчас борьба в известных отношениях труднее, чем в 1917—20 г.г.

«Победить крупную централизованную буржуазию в тысячу раз легче, чем «победить» миллионы и миллионы мелких хозяйчиков, а они своей повседневной, будничной, невидной, неуловимой, разлагающей деятельностью осуществляют те самые результаты, которые нужны буржуазии, которые реставрируют*) буржуазию».

---

*) Реставрировать—восстанавливать в прежнем виде.

И Ленин так заканчивает свою мысль:

«Кто хоть сколько-нибудь ослабляет железную дисциплину партии пролетариата (особенно во время его диктатуры), тот фактически помогает буржуазии против пролетариата».

Дисциплина и переход к НЭП'у.

Дисциплинированность, выдержка, твердость духа, самообладание, ясность мысли нужны членам партии всегда, в особенности же в моменты опасности, в период отступления, в период крутого перелома, когда с привычных, знакомых рельс приходится переходить на новые, еще неиспытанные. В 1921 г. партия отказалась от военного коммунизма и перешла к новой экономической политике. Это было отступлением партии, совершавшимся в крайне тяжелой обстановке. Были одиночки, которые растерялись и закричали: мы отступаем, сдаем позиции капиталу: значит, все пропало! коммунизм погиб! Если бы партия заразилась подобным паническим настроением, утратила самообладание, советская власть возможно погибла бы. Но под руководством Ленина партия перешла на новые позиции.

«Отступление в общем и целом мы все-таки произвели в сравнительном порядке», хотя со стороны одиночек «не было недостатка в голосах, которые это отступление хотели обратить в паническое». (Речь на XI с'езде 1922 г.)

До 1921 г. мы в общем и целом наступали. Теперь пришлось отступать. Вот что говорил Ленин о дисциплине партии в период именно отступления:

«Самая опасная штука при отступлении, это — паника. Тут уже на каждом шагу вы встретите настроение до известной степени подавленное. Отступать после победоносного великого наступления страшно трудно... (При наступлении) дисциплину, если не поддерживаешь, все сами собой прут и летят вперед... (При отступлении) дисциплина должна быть сознательной и во сто раз нужнее, потому что, когда армия отступает, ей неясно, она не видит, где остановится, а видит лишь отступление; тут иногда достаточно и немногих панических голосов, чтобы все побежали, тут опасность громадная. Когда происходит такое отступление с настоящей армией—ставят пулеметы, и тогда, когда правильное отступление переходит в беспорядочное, командуют: «стреляй»! И правильно. Если люди вносят панику, хотя бы и руководствуясь лучшими побуждениями, в такой момент, когда мы видели неслыханно трудное отступление, и когда все дело в том, чтобы хороший порядок сохранить, — в этот момент необходимо карать строго, жестоко, беспощадно малейшее нарушение дисциплины...»

Величайший враг дисциплины — паникерство, сеяние паники, повторение вслед за буржуазией и распространение злостных слухов, сплетен, мешающих правильному, спокойному переходу партии

с одних позиций на другие. Сплетня, слух, выдумка — одно из орудий буржуазии. «Большевики сдают железные дороги капиталистам», — пускала буржуазия в оборот «слух», т.-е. агитировала за сдачу, и находились малодушные коммунисты, которые этому верили и, впадая сами в паническое настроение, пугали других, договаривались чуть-ли не до необходимости «отказа от власти» («большевики хотят и советскую власть сдать в концессию»,—шутили в те времена) и создавая в организации нервное, напряженное состояние. Когда паникеров стыдили и не позволяли им разлагать партию, они, разумеется, кричали о том, что им не дают говорить, что они хотят «только» указать на опасности, подстерегающие партию, и т. д.

Сплетня, слух—вовсе не такая мелочь и пустячок, о котором не стоило бы говорить в книжке, посвященной нашей партии. В Советской России, где буржуазия лишена свободы печати, сплетня и слух есть политическое орудие буржуазии. Это надо себе хорошенько усвоить. Любой рабочий знает, что всякий раз, как советская власть или партия испытывает малейшее затруднение во вне или внутри себя (последняя дискуссия, например), тотчас же появляется масса сплетен и слухов, распускаемых буржуазией и обывательской массой и увы! — подхватываемых иногда коммунистами (плохими). Податливость на буржуазную сплетню— это и есть признак мелко-буржуазной бесхарактерности. Смутить, вызвать подозрение, неуверенность, заставить колебнуться, — вот цель буржуазной сплетни. Надо уметь противостоять буржуазным уловкам.

О подрыве дисциплины.

Буржуазия прекрасно понимает значение дисциплины внутри рабочей партии. Чем строже дисциплина, тем сильнее партия, тем она опаснее для капиталистов. Буржуазия заинтересована в том, чтобы эту дисциплину расшатать, ослабить. Как это сделать? Надо высмеять эту железную дисциплину партии пролетариата, опорочить ее в глазах наименее крепких коммунистов и рабочего класса, вызвать в них сомнение в ее необходимости, выставить эту дисциплину, как гнет над свободной личностью. Поэтому буржуазия на все лады повторяет, что дисциплина—это подавление и стеснение свободы личности, что это новый вид рабства, партия—казарма, в партии — слепое повиновение и т. д. Таким взглядам поддаются иногда и наименее стойкие коммунисты, не высвободившиеся еще из-под влияния буржуазной идеологии. Один норвежский коммунист писал: «Дисциплина, дисциплина! Я не могу терпеть этого слова. В нем есть нечто унизительное для достоинства свободного человека». В этих словах обнаруживается полное непонимание значения дисциплины для рабочей партии. Но большевики хорошо знают, что без дисциплины не может быть и речи о хорошей, боеспособной партии. Оппозиция против дисциплины есть оппозиция против одной из основ партийного строительства.

Проникая в партию, мелко-буржуазная стихия не только пытается нарушать дисциплину, обходя и саботируя стеснительные для нее распоряжения партии; она старается подорвать значение дисциплины вообще.

Выступить прямо и открыто против дисциплины с заявлением «дисциплина не нужна», — на это мелкобуржуазные элементы отваживаются не всегда. Такая позиция слишком невыгодна. Гораздо выгоднее и «убедительнее» повернуть дело так: «мы все за дисциплину, строгую, пролетарскую дисциплину, но...»—и дальше следует такой вопрос: «но, что, собственно, понимать под дисциплиной?». Люди не желают брать дисциплину в простом, естественном, всякому понятном смысле («постановление есть, его надо выполнить»), а начинают вкладывать в это слово такое «понимание», при котором «дисциплина», как форма «связи» всех коммунистов в одно железное целое, исчезает.

Начинают проводить «тонкое» различие между «дисциплиной по существу» и «формальной, механической дисциплиной», между «просто дисциплиной» и «дисциплиной разумной, сознательной». Смысл этих глубокомысленных рассуждений тот, что можно не исполнять распоряжений партии под тем предлогом, что ты лучше знаешь, чем партия, какие действия являются вполне целесообразными, разумными, а какие—нет, лучше, чем партия, знаешь, что нужно делать, чего не нужно. Подобные взгляды в корне противоречат большевизму. Идея крепкой, централизованной, дисциплинированной организации требует подчинения части—целому, низшей инстанции—высшей.

«Вы стоите за крепкую дисциплину и за безоговорочное выполнение всех постановлений партии — может сказать кто-нибудь большевикам — что же, вы, значит, считаете, что высшие учреждения партии непогрешимы? никогда не ошибаются? всегда принимают абсолютно правильные, абсо-

лютно верные решения? Но, ведь, вы не можете не знать, что и в «центре» сидят такие же люди, как и мы с вами, и точно так же могут ошибаться. Да, ведь, вот и сам Ленин не раз говорил об ошибках. Скажите лучше прямо, что вы—за слепое, механическое подчинение, и ваш лозунг такой: «не рассуждать»!

Не с того конца подходите — можно сказать в ответ на эти «недоуменные» вопросы. Не в том вовсе «оправдание» дисциплины, что будто бы партия в целом или ее учреждения и органы «непогрешимы» и нигде, никогда не ошибаются. Не в том вовсе дело. Разумеется, бывают случаи, и они неизбежны (чем более опытен и политически зрел состав руководящих групп, тем таких случаев меньше), когда высшая инстанция может принять по отношению к низшей или отдельному члену партии решение, которое позже придется отменить или перерешить. Но разве это довод за невыполнение распоряжений партии? Никоим образом. Если решение партии кажется кому-либо неправильным, надо требовать его пересмотра, обсуждения заново, но нельзя отказывать партии в повиновении на том основании, что партия решила, а я (видите ли, я!) несогласен с ее решением. Отказ в подчинении означает разрыв организационных связей с партией. Предоставить каждому право нарушать дисциплину, это и значит разрушать партию, как единое целое. Большевики стоят за твердую, железную дисциплину партии и борются против всяких попыток ослабить или подорвать значение дисциплины в нашей партии.

Во время последней дискуссии оппозиция, выражавшая мелкобуржуазные настроения в партии,

обнаружила совершенно небольшевистские взгляды на значение партийной дисциплины. «Выступления целого ряда представителей оппозиции — отмечает XIII конференция—представляют собой вопиющее нарушение партийной дисциплины и напоминают те времена, когда т. Ленину приходилось бороться против «интеллигентского анархизма» в организационных вопросах и защищать основы пролетарской дисциплины в партии». В 1903—1904 г.г. меньшевики (Мартов, Аксельрод, т. Троцкий, который тогда был меньшевиком, и другие) проявляли в своих взглядах на строение партии «интеллигентский анархизм», то-есть подрыв, отрицание, высмеивание дисциплины. Нечто подобное имело место и во время дискуссии. XIII конференция запретила «прибегать к неправильным ссылкам на партийную дисциплину, когда дело идет о праве и обязанности членов партии на обсуждение интересующих их вопросов и вынесение решений». Рабочие в ячейках должны беспрепятственно обсуждать те вопросы, которые вызывают их интерес. Поскольку, однако, оппозиция нарушила дисциплину, образовала «фракцию» вопреки постановлению X с'езда, конференция должна была напомнить оппозиции, что «свобода обсуждения внутри партии ни в коем случае не означает свободы подрыва партийной дисциплины»; поэтому «Центральный Комитет партии и все партийные центры на местах» должны немедленно принять самые суровые меры для охраны железной, большевистской дисциплины всюду, где ее пытаются колебать».

Надо постоянно помнить слова Ленина:

«Кто хоть сколько-нибудь ослабляет железную дисциплину партии пролетариата (особенно

во время его диктатуры), тот фактически помогает буржуазии против пролетариата».

Централизм.

Партия руководится из единого центра.

«Без единого руководящего центра, без единого центрального органа действительное единство партии невозможно». (Предисловие к брошюре: «Рабочие о партийном расколе», 1905 г.)

Верховным органом партии является с'езд. С'езд избирает Центральный Комитет, который в промежутках между с'ездами представляет собой высшее партийное учреждение. ЦК обладает громадной властью в партии.

Наша партия строится в настоящее время на начале демократического централизма. Это означает следующее: все руководящие учреждения и органы партии снизу до верху избираются; чем выше стоит партийный орган, чем большую часть партии он представляет, тем больше полномочий и власти он имеет по отношению к нижестоящим инстанциям; постановления вышестоящих органов обязательны для нижестоящих.

«Демократический централизм значит только то, что представители с мест собираются и выбирают ответственный орган, который и должен управлять... Демократический централизм заключается в том, что с'езд проверяет ЦК, смещает его и назначает новый». (Заключительное слово по докладу ЦК на 9 с'езде партии. 1920 г.)

Низшим звеном партии, наиболее близким к массам, является ячейка, состоящая из коммунистов данного завода, фабрики, учреждения, села, воинской части. Общее собрание ячейки избирает свой руководящий центр—бюро, которое может быть всегда переизбрано. Все вопросы на общем собрании или на собрании бюро решаются простым большинством голосов. Как только постановление принято—оно обязательно для всех членов данной организации. Меньшинство подчиняется большинству—таково основное правило демократизма.

Группа ячеек составляет районную или уездную организацию, выбирающую свой районный или уездный комитет. Несколько районных и уездных организаций образуют губернскую организацию, которая избирает губернский комитет. На общепартийном с'езде избирается Центральный Комитет партии. Каждое партийное учреждение ответственно за свою деятельность перед своей организацией и перед вышестоящим органом.

Федерализм.

Централизму противоположен федерализм, который наша партия отвергает. Если бы партия строилась на начале федерализма, это значило бы, что все организации независимы одна по отношению к другой и заключают между собою соглашения и договоры. При федерализме нельзя требовать подчинения части целому или меньшинства—большинству. Каждая организация—сама для себя верховный орган. Комитеты составлялись бы по правилу равного представительства всех органи-

заций; исполнялись бы только те постановления комитетов, на которые дали согласие «наши» представители. При централизме партийные комитеты имеют большие права и полномочия, чего нет при федерализме. При централизме партия строится на основе подчинения низшего — высшему, при федерализме—на принципе соглашения высшего с низшим. При федерализме не может быть крепкой, сплоченной организации и властных, авторитетных руководящих органов

> «До сих пор принцип «соглашения» между членами одной и той же организации или партии, во всех существенных вопросах программы и тактики между собою спевшихся, считался принципом анархизма. Социал-демократы всего мира в таких случаях проводили и проводят принцип подчинения меньшинства большинству». (Третий шаг назад. 1905 г.)

Большевики против того, чтобы партия представляла собой сумму сговаривающихся друг с другом организаций и групп.

Накануне 2 с'езда (1903 г.) шли переговоры с еврейской рабочей партией («Бунд») о вхождении ее в российскую социал-демократическую рабочую партию. Бундовцы предлагали союз обеих партий, соглашение. Ленин отвечал: не соглашение, а слияние, не федерация, а единая партия.

> «В вопросах борьбы с самодержавием, борьбы с буржуазией всей России мы должны выступать как единая, централизованная, боевая организация, мы должны опираться на весь пролетариат, без различия языка и национальности,

сплоченные совместным постоянным решением теоретических и практических, тактических и организационных вопросов, а не создавать отдельно идущих, каждая своим путем, организаций, не ослаблять силы своего натиска дроблением на многочисленные самостоятельные политические партии, не вносить отчужденность и обособленность, с тем, чтобы потом лечить искусственно привитую себе болезнь пластырями пресловутой «федерации». (Нужна ли «самостоятельная политическая партия» еврейскому пролетариату. 1903 г.)

Строгий централизм в партии отнюдь не означает стеснения самодеятельности низших организаций: напротив, каждая организация вполне самостоятельна в своей внутренней деятельности, но при этом она помнит, что она есть не независимая единица, а часть общего целого. Только при централизме, при наличии единого властного центра, управляющего партией, возможна планомерная, согласованная деятельность всей партии в целом, одновременно и всюду выдвигающей перед собой одинаковые задачи, проводящей везде, во всех частях республики, одинаковую политику.

Центральный Комитет (Ц. К.).

Во всякой партии, в том числе и в нашей, Центральный Комитет имеет большое значение, ибо он управляет и руководит всей партией. Партия выбирает в ЦК людей, которые пользуются ее особым доверием, как испытанные, опытные

дальновидные вожди. Первым среди них был, разумеется, Ленин.

«У нас в России—писал Ленин в 1921 г.—выработка группы руководителей шла 15 лет (1903—1917), 15 лет борьбы с меньшевизмом, 15 лет преследований царизма, 15 лет, среди коих были годы первой революции (1905), великой и могучей революции». (Письмо к немецким коммунистам. 1921 г.)

ЦК партии в большинстве своем состоит из людей, работавших под непосредственным руководством Ленина, его учеников. Поэтому ЦК пользуется громадным авторитетом в партии.

«Наш ЦК—писал Ленин за год до своей кончины—сложился в группу строго централизованную и высоко авторитетную». (Как нам реорганизовать Рабкрин. 25 января 1923 г.)

Обязанность партии—сохранять авторитет своего Центрального Комитета.

Спор на II-м с'езде о членстве в партии.

Партия требует, чтобы все члены ее входили в какую-либо из партийных организаций и в ней работали. Так как вопрос об участии членов партии в партийных организациях имеет свою историю, то о ней надо рассказать.

На втором с'езде партии (1903 г.) между большевиками, руководимыми Лениным, и меньшевиками (Мартов, Аксельрод, т. Троцкий) обнаружилось резкое разногласие по вопросу о том, кого считать членом партии.

Ответ на этот вопрос до известной степени предопределял характер партии. Обе стороны были согласны в том, что членом партии может быть только тот, кто признает программу партии и поддерживает ее материальными средствами. Дальше шло разногласие. От члена партии требуется «личное участие в одной из партийных организаций»—говорил Ленин. По мнению Мартова достаточно «оказывать партии регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций». При голосовании большинством 28 голосов против 22 прошло предложение меньшевиков. Это, так называемый параграф первый устава: весь устав прошел ленинский, но первый параграф с'езд принял в меньшевистской редакции.

При обсуждении знаменитого в истории партии первого параграфа обнаружилось, что меньшевики и большевики совсем по разному представляют себе партию. Кто может быть членом партии? На этот вопрос меньшевики давали «широкую» формулировку, большевики «узкую». Ленин пред'являл к члену партии такие требования, которые затрудняли бы доступ в партию мелкобуржуазным, интеллигентским элементам.

Меньшевики открывали им дорогу в партию. По-нашему, членом партии может быть только тот, кто состоит в организации (ячейке, районе), работает в ней, принимает участие в ее деятельности. Нельзя быть членом партии и в то же время не состоять в организации. По мнению меньшевиков можно. Достаточно оказывать партии содействие, чтобы считаться членом. По-нашему содействующий или сочувствующий—это одно, член партии—это другое, особь статья. Наше понятие

о члене партии—строже, оформленнее, чем меньшевистское.

Меньшевики смешивали в одну кучу организованные и неорганизованные элементы и называли все это «партией». Своей формулировкой Ленин предостерегал от подобного смешения.

> «Я выражаю этим совершенно ясно и точно свое пожелание, свое требование, чтобы партия, как передовой отряд класса, представляла собою нечто возможно более организованное, чтобы партия воспринимала в себя лишь такие элементы, которые допускают хоть минимум организованности». (Шаг вперед, два шага назад. 1904 г.)

Помогающий партии, но не входящий в ее организацию, не может считаться членом партии, ибо вне организации невозможен контроль, руководство, дисциплина. Аксельрод взял для примера «профессора, который считает себя социал-демократом и заявляет об этом». Разве такой профессор не может считаться членом партии?

> «Чтобы довести до конца мысль, заключающуюся в этом примере, тов. Аксельрод должен был бы сказать далее: признают ли сами организованные социал-демократы этого профессора социал-демократом?.. В самом деле, одно из двух. Или организованные социал-демократы признают интересующего нас профессора социал-демократом,—и тогда почему бы им не включить его в ту или другую социал-демократическую организацию? Только при условии такого включения «заявления» профессора

будут соответствовать его делам, будут не пустыми фразами (каковыми слишком часто остаются профессорские заявления). Или организованные социал-демократы не признают профессора социал-демократом, — и тогда нелепо, бессмысленно и вредно давать ему право носить почетное и ответственное звание члена партии».

И в наше время можно иногда слышать такие рассуждения: хотя я и не имею партийного билета, но я коммунист в душе. В том-то и дело, что коммунистом можно считаться только тогда, если партия признает тебя своим членом.

Строго отграничивая члена партии от не-члена, партия, разумеется, нисколько не заинтересована в то же время в том, чтобы отталкивать от себя сочувствующих, содействующих, помогающих.

«Напротив, чем крепче будут наши партийные организации, включающие в себе действительных социал-демократов, чем меньше шаткости и неустойчивости будет внутри партии, тем шире, разностороннее, богаче и плодотворнее будет влияние партии на окружающие ее, руководимые ею элементы рабочих «масс».

Меньшевики с одной стороны заботились о профессорах, гимназистах, революционной молодежи, которым нельзя будет считаться членами партии, если пройдет ленинская формулировка. С другой стороны, меньшевики считали, что каждый стачечник может об'явить себя членом партии. С этой мыслью Ленин также не мог согла-

ситься. Стачечник—это еще не значит социал-демократ, член партии. Быть стачечником еще не значит быть сознательным социал-демократом. Говорить так—это значит принимать социал-демократизм.

На примере стачечника видно, что меньшевики смешивали партию и класс.

«Было бы маниловщиной *) и «хвостизмом» **) думать, что когда-либо почти весь класс или весь класс в состоянии, при капитализме, подняться до сознательности и активности своего передового отряда, своей социал-демократической партии. Ни один еще разумный социал-демократ не сомневался в том, что при капитализме даже профессиональная организация (более примитивная, более доступная сознательности нераэвитых слоев) не в состоянии охватить почти весь или весь рабочий класс. Только обманывать себя, закрывать глаза на громадность наших задач, суживать эти задачи—значило бы забывать о различии между передовыми отрядами и всеми массами, тяготеющими к нему, забывать о постоянной обязанности передового отряда подниматьвсе более и более обширные слои до этого передового уровня. Именно таким закрыванием глаз и забвением является стирание разницы между примыкающими и входящими, между сознательными и активными и помогающими».

*) Маниловщина—бесплодная мечтательность, „блажь".
**) „Хвостизм" от слова „хвост". Хвостистами Ленин называл людей, плетущихся в хвосте рабочего движения, защищающих отсталые взгляды.

Мы—партия класса, но это не значит, что мы должны забывать различие между партией и классом, допускать организационную расплывчатость. Мы строим партию, говорил Ленин, исходя из уже создавшегося и сплотившегося ядра социал-демократов, которое создало партийный с'езд (второй) и которое должно расширять и умножать всяческие партийные организации. Только партия может облечь кого-либо званием члена партии, а для этого нужно, между прочим, участие в партийной организации. Ленин базировался на пролетариат, меньшевики на профессоров (Аксельрод), гимназистов (Либер), революционную молодежь (Аксельрод), интеллигентную молодежь (Троцкий), на мелкобуржуазные элементы.

«Формула тов. Мартова либо останется мертвой буквой, пустой фразой, либо она принесет пользу, главным образом и почти исключительно, «интеллигентам, насквозь пропитанным буржуазным индивидуализмом» и не желающим входить в организацию. На словах формула Мартова отстаивает интересы широких слоев пролетариата; на деле эта формула послужит интересам буржуазной интеллигенции, чурающейся пролетарской дисциплины и организации. Никто не решится отрицать, что интеллигенция, как особый слой современных капиталистических обществ, характеризуется, в общем и целом, именно индивидуализмом и неспособностью к дисциплине и организации...; в этом, между прочим, состоит невыгодное отличие этого общественного слоя от пролетариата; в этом за-

ключается одно из об'яснений интеллигентской дряблости и неустойчивости, так часто дающей себя чувствовать пролетариату; и это свойство интеллигенции стоит в неразрывной связи с обычными условиями ее жизни, условиями ее заработка, приближающимися в очень и очень многом к условиям мелко-буржуазного существования (работа в одиночку или в очень мелких коллективах и т. д.)... В спорах о § 1... сторонники буржуазно-интеллигентского индивидуализма столкнулись с сторонниками пролетарской организации и дисциплины».

У Ленина было неизмеримо более высокое понятие о члене партии пролетариата, чем у меньшевиков.

«Мы должны стараться поднять звание и значение члена партии выше, выше и выше»— говорил Ленин на 2 с'езде... «Лучше, чтобы десять работающих не называли себя членами партии... чем, чтобы один болтающий имел право и возможность быть членом партии».

Активность.

Член партии не может ограничиться тем, что он состоит членом такой-то организации, аккуратно платит членские взносы и присутствует на всех собраниях, куда его приглашают. Надо не просто «участвовать» в организации, надо работать в ней, делать что-нибудь для партии. Даже на собрании нельзя ограничиваться заслушиванием доклада

и принятием его к сведению. Надо самому принимать участие в обмене мнений, высказывать свои взгляды, вносить предложения. Нужно как можно больше времени отдавать партийной деятельности, брать на себя какую-нибудь партийную работу, отвечать за нее перед партией. Коммунист не имеет права быть пассивным, безгласным, безответным, инертным существом. Он должен проявлять почин, инициативу, самодеятельность, активность всюду, куда его пошлет партия. Коммунисты везде должны быть энергичным, активным, деятельным элементом в рабочем движении, должны «энергично функционировать» (энергично действовать), как выразился рабочий-коммунист у одного писателя.

Обсуждение партией различных вопросов.

Обсуждение партией различных мероприятий является одним из совершенно естественных, само собой разумеющихся, условий партийной жизни. Партия выигрывает в том случае, если ее мероприятия подвергаются возможно более широкому обсуждению со стороны членов партии: обеспечивается максимальная правильность и верность линии, ее наивозможная застрахованность от ошибок, ибо в обсуждении принимают участие в с е и рассматривают вопрос со в с е х сторон, с самых р а з н о о б р а з н ы х точек зрения. Вместе с тем, повышается активность и политический уровень членов партии, так как опять-таки в с е втягиваются в обсуждение вопроса и на этом обсуждении воспитываются.

Само собой разумеется, что в такой большой партии, как наша, разбросанной при этом на огромном пространстве (в партии считается 50.000 ячеек)

и, сверх того, управляющей государством, на общее обсуждение всей многотысячной массы членов партии могут ставиться только самые основные, самые важные вопросы. Невозможно строить партию так, чтобы вся партийная масса в целом решала все вопросы, а руководящие органы партии только исполняли решения низовых организаций. Партия предоставляет своим руководящим органам, в первую очередь Центральному Комитету, власть самостоятельно принимать решения по всем вопросам, не терпящим отлагательства, не допускающим по своему характеру массового обсуждения. Иначе управлять нельзя. За управлением, руководством должны быть обеспечены твердость, непрерывность и авторитетность. Вместе с тем «обязательно ставить все существенные вопросы партийной политики, поскольку этому не препятствуют какие-либо исключительные обстоятельства, на обсуждение ячеек и партийной массы в целом» (Постановление XIII конференции). Надо добиваться того, чтобы возможно более широкие круги партии проявляли интерес к возможно большему числу различных вопросов, обсуждали их, определяли свое отношение к ним, принимали решения по ним.

О свободе критики.

Внутрипартийное обсуждение различных вопросов невозможно без критического разбора тех или иных мероприятий и противопоставления им других предложений. Каковы пределы критики внутри партии? Насколько допустима «свобода» критики? Критиковать, подвергать разбору ошибки, непра-

вильности в политике партии или ее учреждений или отдельных лиц безусловно необходимо, но критика должна при этом удовлетворять определенным условиям, именно: никоим образом не сходить с почвы большевизма, не ударять по его основам и быть революционно-целесообразной, быть критикой к месту.

Раз мы являемся убежденными большевиками, разделяем все идеи ленинизма, мы не только можем, но обязаны подвергать самой жестокой критике все то, что представляет собою отклонение от ленинизма, искажение его. Но партия не может не бороться всеми мерами против той «свободы критики», которая представляла бы собою внутри партии «свободное» проповедывание мелкобуржуазных взглядов и идей, бьющих по самым основам партии.

Свобода критики есть само собою разумеющееся правило внутрипартийной жизни. Как же можно членам партии не критиковать бюро или комитет, если комитет плохо работал, если он наделал ошибок или еще что-нибудь? Как же можно не критиковать, если я вижу, что допущены неправильности? Без этого нет партии. О такой критике нечего и говорить: она нужна, она всегда была и всегда будет. Но надо предостеречь от специального лозунга: «за свободу критики»! История партии показывает, что под таким лозунгом всегда выступали мелкобуржуазные группы и течения, пытавшиеся получить право «свободно» проповедывать внутри партии мелкобуржуазные взгляды. Вот этого партия не может допускать. Есть критика и критика. Есть деловая, партийная критика и есть навязывание партии мелкобуржуазных идей. Мы за первое и против второго.

В конце прошлого, начале нынешнего века существовало течение в марксистской литературе, выступавшее под лозунгом «свободы критики». Лозунг был очень «модным», очень привлекательным. Кому, в самом деле, приятно заявить, что «я—против свободы критики» и на этом основании получить звание отсталого человека? Ленин быстро разоблачил это течение.

> «Свобода—писал он—великое слово, но под знаменем свободы промышленности велись самые разбойнические войны, под знаменем свободы труда—грабили трудящихся. Такая же внутренняя фальшь заключается в современном употреблении слова: «свобода критики».
>
> «Свобода критики» есть свобода оппортунистического направления в социал-демократии, свобода превращать социал-демократию в демократическую партию реформ, свобода внедрения в социализм буржуазных идей и буржуазных элементов». (Что делать? 1902 г.)

И в наше время лозунгом «да здравствует свобода критики» прикрываются оппортунисты, как это было во время последней дискуссии, когда оппозиция пыталась произвести ревизию ленинизма *). Когда оппозиции на это указывали, она отвечала так: да вы боитесь всякого свободного слова! неужели в партии не допускается никакая критика?

Всякий раз, как выдвигается вопрос о свободе критики, рабочие должны разбирать, о какой критике идет речь: о той ли, что помогает партии укре-

---

*) Резолюция 13 конференции РКП.

пить ее основы, или о той, которая ведет к просачиванию в партию мелкобуржуазных взглядов.

Вернемся к Ленину. Разоблачив мелкобуржуазный уклон тех, кто требовал «свободы критики», то-есть свободы подрыва основ марксизма, Ленин продолжает:

> «Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда итти под их огнем. Мы соединились, по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами и не оступаться в соседнее болото, обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не путь примирения».

«Особая группа», «тесная кучка» — это наша небольшая еще тогда рабочая партия. «Болото»— либералы, буржуазия; обитатели болота порицают партию за революционную тактику, советуют встать на путь примирения. В среде рабочей партии появляются «ревизионисты».

> «И вот некоторые из нас принимаются кричать: пойдемте в это болото! А когда их начинают стыдить, они возражают: какие вы отсталые люди! И как вам не совестно отрицать за нами свободу звать вас на лучшую дорогу».

Оппортунисты всегда жалуются на то, что их лишают свободы критики, что на них нападают, что их обижают. Ленин отвечает требующим «свободы»:

> «О, да, господа, вы свободны не только звать, но и итти куда вам угодно, хотя бы в болото;

мы находим даже, что ваше настоящее место именно в болоте, и мы готовы оказать вам посильное содействие к вашему переселению туда. Но только оставьте тогда наши руки, не хватайтесь за нас и не пачкайте великого слова «свобода», потому что мы ведь тоже «свободны» итти, куда мы хотим, свободны бороться не только с болотом, но и с теми, кто поворачивает к болоту».

Говоря об отношении большевиков к «свободе критики» нельзя не привести на этот счет замечательных мыслей Ленина, высказанных им в 1905 г. Когда партия начала переходить к легальной, открытой организации, Ленин поставил вопрос о том, чтобы вся партийная литература была подчинена партийному контролю, чего до тех пор в полной мере не было. Так как можно было ожидать протестов со стороны некоторых «пылких сторонников свободы», то Ленин счел нужным высказать взгляды партии относительно свободы критики и ее границ внутри партии.

«Каждый волен писать и говорить все, что ему угодно, без малейших ограничений. Но каждый вольный союз (в том числе партия) волен также прогнать таких членов, которые пользуются фирмой партии для проповеди антипартийных взглядов. Свобода слова и печати должна быть полная. Но ведь и свобода союзов должна быть полная. Я обязан предоставить, во имя свободы слова, полное право кричать, врать и писать что угодно. Но ты обязан мне, во имя свободы союзов, предоставить право заключать или расторгать союз с людьми, гово-

рящими то-то и то-то. Партия есть добровольный союз, который неминуемо бы распался, сначала идейно, а потом и материально, если бы он не очищал себя от членов, которые проповедуют антипартийные взгляды. Для определения же грани между партийным и антипартийным служит партийная программа, служат тактические резолюции партии и ее устав, служит, наконец, весь опыт международной социал-демократии, международных добровольных союзов пролетариата, постоянно включавшего в свои партии отдельные элементы или течения не совсем последовательные, не совсем чисто марксистские, не совсем правильные, но также постоянно предпринимавшего периодические «очищения своей партии. Так будет и у нас, господа сторонники буржуазной «свободы критики», внутри партии: теперь партия у нас сразу становится массовой, теперь мы переживаем крутой переход к открытой организации, теперь к нам войдут неминуемо многие непоследовательные (с марксистской точки зрения) люди, может быть, даже некоторые христиане, может быть, даже некоторые мистики. У нас крепкие желудки, мы твердо-каменные марксисты. Мы переварим этих непоследовательных людей. Свобода мысли и свобода критики внутри партии никогда не заставят нас забыть о свободе группировки людей в вольные союзы, называемые партиями». (Партийная организация и партийная литература. 1905 г.)

Во всей большевистской литературе нет другого места, которое с такой ясностью, отчетливостью и последовательностью излагало бы взгляды партии

на свободу критики. Кстати, Ленин отдавал себе отчет в том, что вся партия поголовно не может состоять из безукоризненных революционеров до конца, без всякой мелкобуржуазной примеси. Формально—мы все члены партии, все равны, все большевики, все ленинцы. На деле в партии время от времени проступает мелкобуржуазность, там или сям пробивается мелкобуржуазный ручеек. Каково должно быть отношение партии к мелкобуржуазным элементам, хорошо видно из приведенных выше слов Ленина.

Еще раз—последний—о свободе критики.

В 1920 году итальянский «социалист» Нобс защищал свободу отстаивания оппортунистических идей в Коммунистическом Интернационале.

> «Вы «свободны», товарищ Нобс,—писал Ленин,—защищать те взгляды, которые вы защищаете! Но мы также «свободны» об'являть эти взгляды мелкобуржуазными предрассудками, вредными для дела пролетариата, полезными для капитала; мы также «свободны» отказываться от вступления в союз или в общество с людьми, защищающими эти взгляды или соответствующую им политику». (Фальшивые речи о свободе. 1920 г.)

Глава IV.

Класс и партия.

Очень важно не смешивать два понятия: понятие класса и понятие партии. Чтобы у нас была полная ясность в этом отношении, припомним, каково строго научное определение класса.

«Классами—пишет Ленин—называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы—прибавляет дальше Ленин — это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства». (Великий почин. 1919 г.)

Приведенные нами только-что слова взяты из брошюры 1919 года. А вот другое, не менее важное место по тому же вопросу из статьи 1902 года.

«Основной признак различия между классами — их место в общественном производстве, а, следовательно, их отношение к средствам производства. Присвоение той или другой части общественных средств производства и обращение их на частное хозяйство, на хозяйство для продажи продукта — вот основное отличие одного класса современного общества (буржуазии) от пролетариата, который лишен средств производства и продает свою рабочую силу». (Вульгарный социализм и народничество, воскрешаемые социал-революционерами. 1902 г.)

В промежутке между буржуазией и пролетариатом располагается мелкая буржуазия, особенно многолюдная у нас в Советской России (крестьян-

ство): это «класс» мелких хозяев, мелких собственников, мелких товаропроизводителей. Таковы три основные силы в современном обществе: буржуазия, мелкая буржуазия, пролетариат. Классы не отрезаны, как ножем, один от другого и не представляют собою чего-то совершенно однородного. Если провести более дробное, мелкое разделение, допустим, внутри крестьянства, то обнаружится, что в нем есть, по крайней мере, три заметных слоя: 1) крестьяне-бедняки, безземельные и малоземельные, приближающиеся по своему положению к пролетариям; 2) крестьяне-кулаки, сельская буржуазия; 3) наконец, крестьяне-середняки.

Внутри городской буржуазии можно провести такое, например, деление: мелкая, средняя и крупная буржуазия. Пролетариат, в свою очередь, бывает, как известно, «чистый» и «связанный с крестьянством». Следовательно, в обществе есть множество различных общественных «групп» и «слоев», но все они покрываются указанным выше разделением на три основные силы: буржуазию, мелкую буржуазию и пролетариат.

В головах передовых представителей класса или группы возникают мысли и идеи, выражающие состояние, настроение, интересы, стремления, задачи класса или группы. Образуется «сознание класса», его «идеология».

> «Не сознание людей определяет их бытие, но, напротив, общественное бытие определяет их сознание». (Маркс. К критике политической экономии. 1859 г.)

Вокруг определенной политической идеологии группируются единомышленники. Из них склады-

вается партия, выражающая интересы данного класса или части его.

«Классами руководят обычно и в большинстве случаев, по крайней мере, в современных цивилизованных странах, политические партии». (Детская болезнь левизны в коммунизме. 1920 г.)

Партия об'единяет меньшинство класса.

Коммунистическая партия представляет собой наиболее сознательную, передовую, революционную часть рабочего класса. Она составляет меньшинство пролетариата и иначе быть не может в капиталистическом обществе, где рабочий класс угнетен; после свержения буржуазии пройдет не мало времени, прежде чем пролетариат духовно окрепнет, освободится от наследия капитализма и сможет выделить в партию большинство рабочих. При капитализме не могут быть сознательными все рабочие, но лишь меньшинство их.

«В капиталистическом обществе даже передовой класс, пролетариат, не в состоянии создать партии, охватывающей весь класс». (Последнее слово «искровской» тактики. 1905 г.)

На втором с'езде (конгрессе) Коммунистического Интернационала Ленину особенно подробно пришлось раз'яснять эту мысль иностранным товарищам.

«В эпоху капитализма, когда рабочие массы подвергаются беспрерывной эксплоатации и не могут развивать своих человеческих способностей, наиболее характерным для рабочих поли-

тических партий является именно то, что они могут охватывать лишь меньшинство своего класса. ...Действительно сознательные рабочие во всяком капиталистическом обществе составляют лишь меньшинство всех рабочих... Лишь это сознательное меньшинство может руководить широкими рабочими массами и вести их за собою». (Речь на 2 конгрессе Коминтерна о роли коммунистической партии. 1920 г.)

И наша партия составляет пока еще меньшинство рабочего класса. Но с каждым годом, по мере укрепления и развития нашего производства, по мере роста и развития рабочего класса, будет расти это меньшинство, становиться все многочисленнее. Еще несколько лет, и партия вырастет до весьма внушительных размеров. А потом составит и большинство пролетариата.

О замене партии другими рабочими организациями.

Большевизм признает необходимость для рабочего класса организационно обособленной, самостоятельно политической партии и решительно борется с теми, кто стремится заменить партию какими-либо другими организациями: советами, профессиональными союзами, кооперативами и др. под тем предлогом, будто профессиональные союзы, например, сами, без руководства со стороны партии, могут осуществить диктатуру пролетариата, организовать управление и оборону страны и прочее. Признавать только профсоюзы (по французски «синдикаты»; отсюда и все направление назы-

вается синдикализмом), приспособленные главным образом для чисто экономической борьбы, и отрицать необходимость партии, это значит суживать и урезывать задачи рабочего движения, принижать их, оставлять движение на низшей ступени развития. «Синдикализм» или «анархо-синдикализм» (ибо он почти всегда связывается с отрицанием необходимости для пролетариата государственной власти, а это главное в анархизме) представляет собой одно из проявлений мелкобуржуазности в рабочем классе.

Ленинизм учит, что освобождение пролетариата невозможно без коммунистической партии, состоящей из наиболее сознательных рабочих и руководящей всеми сторонами рабочего движения, в том числе и профессиональными союзами, и советами, и другими рабочими организациями. Руководство осуществляется через коммунистов, работающих в советах, профсоюзах, кооперативах и прочих выборных учреждениях: коммунисты составляют в них коммунистические фракции и в своей деятельности проводят директивы партии. Партия борется против тех, кто отрицает необходимость для рабочего класса политической партии (анархо-синдикалисты), а также против тех, кто стремится отодвинуть партию от советов или профсоюзов, уменьшить или ослабить влияние партии на эти организации, сделать «фракции коммунистов» в советах, профсоюзах, кооперативах, парламентах (в Западной Европе) «независимыми» от партии. Подобную «независимость» партия отвергает в корне. Все коммунисты, где бы они ни находились, целиком подчинены партии, проводят ее линию, отвечают перед партией за свою деятельность.

Партия, советы, профсоюзы.

Посмотрим теперь, как партия руководит различными рабочими организациями, согласовывает их деятельность и направляет ее к общей цели.

«Партией, собирающей ежегодные с'езды, руководит выбранный на с'езде Центральный Комитет, при чем текущую работу в Москве приходится вести еще более узким коллегиям, именно так называемому «Оргбюро» (Организационному Бюро) и «Политбюро» (Политическому Бюро), которые избираются на пленарных заседаниях Цека... Ни один важный политический или организационный вопрос не решается ни одним государственным учреждением в нашей республике без руководящих указаний Цека партии». (Детская болезнь левизны в коммунизме. 1920 г.)

Партия руководит советским правительством. Партия руководит советами на местах: губернскими, уездными. Советы избираются миллионами рабочих и крестьян и являются формально, по закону, беспартийными.

«Диктатуру осуществляет организованный в советы пролетариат, которым руководит коммунистическая партия».

Дальше идут профсоюзы, об'единяющие рабочих и тоже формально беспартийные.

«Фактически все руководящие учреждения громадного большинства союзов и в первую голову, конечно, общепрофессионального всерос-

сийского центра или бюро (В. Ц. С. П. С. — Всероссийский Центральный Совет Профессиональных Союзов) состоят из коммунистов и проводят все директивы партии. Получается, в общем и целом, формально не коммунистический, гибкий и сравнительно широкий, весьма могучий пролетарский аппарат, посредством которого партия связана тесно с классом и с массой, посредством которого, при руководстве партии, осуществляется диктатура класса. Управлять страной и осуществлять диктатуру без теснейшей связи с профсоюзами, без горячей поддержки их, без самоотверженнейшей работы их не только в хозяйственном, но и в военном строительстве мы, разумеется, не смогли бы. Понятно, что эта теснейшая связь на практике означает очень сложную и разнообразную работу пропаганды, агитации, своевременных и частых совещаний не только с руководящими, но и вообще влиятельными деятелями профсоюзов»...

Через советы, профсоюзы, беспартийные конференции рабочих и крестьян партия осуществляет связь с массами и проводит среди них свое влияние.

«Таков — говорит Ленин — общий механизм пролетарской государственной власти, рассмотренный «сверху», с точки зрения практики осуществления диктатуры».

Связь с массами.

Тесная, непрерывная, постоянная связь партии с рабочими массами является одной из основных

идей ленинизма. Ленин всю свою жизнь учил членов партии как можно теснее, как можно ближе связываться с массами.

«Чтобы обслуживать массу и выражать ее правильно сознанные интересы, передовой отряд, организация должна всю свою деятельность вести в массе, привлекая из нее все без исключения лучшие силы, проверяя на каждом шагу, тщательно и об'ективно, поддерживается ли связь с массами, жива ли она. Так, и только так, передовой отряд воспитывает и просвещает массу, выражая ее интересы, уча ее организации, направляя всю деятельность массы на пути сознательной классовой политики». (Как В. Засулич убивает ликвидаторство. 1913 г.)

Коммунист должен быть близок и понятен массе, знать ее нужды, откликаться на запросы массы, уметь подходить к ней. Не должно быть отчужденности партии от рабочей массы и массы от партии. Необходимо постоянное взаимное понимание. Это вовсе не значит, что партия должна всегда разделять настроения массы. Нет, надо уметь и противостоять этим настроениям, если они ошибочны, вредны для рабочего класса, надо уметь бороться с ними и побороть их, но надо всегда быть с массами, следить за тем, чтобы не получилось отрыва, вести массу за партией. Ближе к массам! — это главнейший лозунг большевизма.

Диктатура партии или диктатура класса?

Необходимым условием для уничтожения эксплоатации и осуществления коммунизма является

завоевание власти рабочим классом, диктатура пролетариата. Как рабочий класс осуществляет свою власть? Через посредство коммунистической партии. Дело не может обстоять так, чтобы рабочий класс всей своей массой, всей совокупностью миллионов людей непосредственно управлял страной, государством. Не только рабочий класс, но и никакой другой этого не может. Для управления государством, для осуществления своей власти рабочий класс выделяет людей, которым он доверяет, которых поддерживает, которые представляют его интересы и умеют их отстаивать. Никак иначе диктатура рабочего класса невозможна. Диктатура пролетариата есть диктатура нашей партии. Можно ли противопоставлять одно другому? Можно ли задавать такой, например, вопрос: что предпочтительнее — диктатура класса или диктатура партии? Ленин писал, что уже одна постановка такого вопроса «свидетельствует о самой невероятной и безысходной путанице мысли».

Класс, лишенный коммунистической партии, предоставленный самому себе и потому образующий бесформенную массу, не может ни взять власть ни удержать ее. Нельзя противопоставлять диктатуру пролетариата диктатуре партии, нельзя думать, будто это разные вещи. У нас, в Советской России, диктатура пролетариата. Что это значит? Это значит, что непосредственно власть находится в руках коммунистической партии, опирающейся на широчайшие массы рабочих и крестьян, пользующейся их полным доверием, втягивающей в дело управления широкие слои беспартийных и совместно со всем рабочим классом и крестьянством борющейся за коммунизм. Условием прочной и твер-

дой диктатуры является самая тесная связь партии с рабочим классом и их взаимное понимание и доверие. Чем больше рабочих будет в нашей партии, чем больше выделит рабочий класс культурных, знающих, просвещенных, сознательных людей, чем больше их разойдется по всему нашему государственному аппарату снизу до верху, всюду заменяя собой старых чиновников, тем прочнее и крепче будет и диктатура пролетариата.

Противопоставлять диктатуру партии диктатуре класса могут только меньшевики, которые кричат, что в России диктатура н а д пролетариатом. Делается это, разумеется, для того, чтобы навязать рабочему мысль, будто коммунистическая партия есть нечто чуждое и враждебное пролетариату.

Рабочий с'езд.

Нам нужно ознакомиться с одной из попыток (меньшевиков) растворить партию в классе, заменить ее бесформенной, расплывчатой организацией. На почве усталости от революции 1905 г. и растерянности перед победой самодержавия в среде меньшевиков возникает идея «рабочего с'езда», в туманной форме выдвинутая впервые Аксельродом (сентябрь 1906 г.). Чтобы лучше уяснить себе эту идею, посмотрим, как ее представлял тогдашний крайний меньшевик и ярый защитник «рабочего с'езда»—Ларин, подхвативший и разработавший брошенный Аксельродом лозунг. По мнению Ларина, вместо прежней социал-демократической рабочей партии нужна новая «всероссийская рабочая партия», «широкая» или «беспартийная партия», как он ее называет. Для создания «беспар-

тийной» партии нужно взять старые партии: социал-демократическую, эсеровскую, польскую партию социалистов (вроде русских эсеров), белорусскую громаду (тоже мелкобуржуазная партия), прибавить сюда профессиональные союзы и из всех этих организаций создать на «рабочем с'езде» одну большую «широкую» партию, «беспартийную партию», в которой будет не 120—150 тысяч человек, как сейчас в социал-демократии *), а 900 тысяч — весь пролетарский «авангард», куда «было бы собрано все, что может выдвинуть из себя пригодного для активной политической жизни рабочий класс». Социал-демократическую «вывеску» с этого беспартийного политического об'единения надо, разумеется, снять: социал-демократия должна превратиться в «пропагандистское общество внутри широкой партии». Почему нужно изменить характер партии? Ларин об'ясняет: раньше, во время революции, партия представляла собою якобы только «технический аппарат для обслуживания стихии», и это было достаточно, но теперь (конец 1906 г.) обстановка перестала быть революционной, и мы должны вместо «партии—аппарата» создать «партию—авангард», вмещающий в себе передовой слой рабочего класса. За этими рассуждениями Ларина и других меньшевиков пряталось стремление отказаться от тяжелой подпольной революционной борьбы, изменить характер партии, обкарнать ее задачи, сделать партию «легальной», приемлемой для царского правительства. Аксельрод—так тот прямо добивался отказа

*) В партию тогда входила и польская и латышская соц.-демократия.

социал-демократов от наиболее «крайних» требований, чтобы партия могла выйти из подполья и стать легальной.

Расширение партии пролетарскими элементами.

Ленин и большевики энергично боролись против идеи рабочего с'езда, видя в ней стремление,

> «направленное к уничтожению социал-демократической рабочей партии и к замене ее беспартийной политической организацией пролетариата». (Проекты резолюции к пятому с'езду Р. С.-Д. Р. П. 1907 г.)

Разберем доводы Ларина. Ларин предлагал партии пролетариата отказаться от своей политической самостоятельности и слиться с мелкобуржуазной партией эсеров, партией мелких хозяйчиков.

> «Большевики отвергают рабочий с'езд между прочим, именно потому, что он затемнил бы различие точек зрения пролетария и мелкого хозяйства». (Кризис меньшевизма. 1906 г.)

Точно так же Ленин и большевики не могли согласиться на включение в нашу партию профессиональных союзов, ибо последние представляют собою более простую, более примитивную организацию, ставящую перед собой другие задачи (экономические), требующую меньшей сознательности от своих членов, чем политическая партия. Вместо партии Ларин предлагал бесформенное об'единение рабочих организаций, которые должны заменить

собою партию. Надо не упразднять партию—говорил Ленин—не сливать ее с эсерами, а увеличивать число рабочих в партии.

«В противовес авантюре «рабочего с'езда» и «беспартийной партии» мы выдвигаем лозунг: расширение впятеро и вдесятеро нашей социал-демократической партии, но только преимущественно и почти исключительно чисто-пролетарскими элементами и исключительно под идейным знаменем революционного марксизма... Мы добьемся ларинского «идеала» (900 тысяч членов партии)—мы даже перегоним этот идеал посредством упорной работы на том же пути, а не посредством авантюр. Расширять партию пролетарским элементом теперь действительно надо».

Указав на малолюдность партийных организаций в Питере и Москве, Ленин прибавляет:

«Рабочих надо уметь включать в партию в таких центрах впятеро и вдесятеро больше». И дальше: «Наш лозунг: расширение социал-демократической рабочей партии против беспартийного рабочего с'езда и беспартийной партии».

Ленин всегда стремился к усилению пролетарского элемента в нашей партии, но только сейчас мы можем надеяться, что выдвинутый недавно лозунг «миллион членов партии, из них девять-десятых рабочие» осуществится в ближайшие годы. Под ударами царизма об'ем партии сузился до нескольких десятков тысяч человек, в годы империа-

листической войны и того меньше; в эпоху военного коммунизма партия разрослась до 700 тысяч, к концу 1923 года сузилась до 400 тысяч (из них рабочих 150 тысяч), в начале 1924 года снова пополнилась 100 и 150 тысячами рабочих. Наверное, ленинский призыв явится поворотным пунктом к постепенному и неуклонному расширению нашей партии пролетарскими элементами. Мы осуществим тот «идеал», о котором Ленин говорил в 1906 году.

Либералы и рабочий с'езд.

Грубейшая ошибка думать, будто ленинизм вообще отрицательно относится к беспартийным рабочим организациям, не дооценивает их значения, пренебрежительно относится к ним. Не в этом совсем дело. Больше, чем кто-либо другой, большевики понимают роль и значение беспартийных организаций, об'единяющих массы рабочих: профессиональные союзы, советы рабочих депутатов и друг. Партия понимает, что без нашего влияния в этих организациях, без подчинения их нашему идейному руководству победа невозможна. Но в то же время партия решительно отрицает мысль, будто какая-бы то ни было беспартийная организация может заменить собой партию и руководить всеми сторонами рабочего движения. Мы против анархо-синдикалистов, которые говорят: партия не нужна, все, что необходимо для победы пролетариата, сделают профессиональные союзы (синдикаты); мы против тех немецких «левых коммунистов», которые в 1920 году думали, что партия есть подсобное учреждение для советов, и советы могут заменить партию; по этой же причине мы

в 1906—7 годах были против идеи рабочего с'езда, который должен был растворить в себе партию и заменить ее собою. Партия превыше всего — вот наш лозунг.

Либералы прекрасно понимали суть аксельродовской идеи, управдняющей партию пролетариата, поддерживали Аксельрода и спрашивали с важным видом: класс для партии или партия для класса?

«Мы ответим на этот мудрый вопрос тоже вопросом по адресу буржуазных писателей: голова для брюха или брюхо для головы?» (Обывательщина в революционной среде. 1906 г.)

Ленин, как видит читатель, не очень вежливо разговаривал с теми либералами, которые пытались противопоставить партию—классу.

Почему возникла идея рабочего с'езда.

Как Ленин об'яснял возникновение в нашей партии «рабочес'ездовских идей» (и не только в нашей: у эс-эров тоже были родственные настроения) и как оценивал их?

«Контр-революционные периоды»—а к такому периоду может быть отнесена вторая половина 1906 года—«знаменуются, между прочим, распространением контр-революционных идей не только в грубой и прямой форме, но также более тонкой, именно в виде роста обывательского настроения среди революционных партий». (Обывательщина в революционной среде. 1906 г.)

Оппортунисты начинают ругать революцию, осуждать вооруженное восстание, бранить все революционные идеи, мечтать о мирной, легальной работе.

«Люди обывательского, мелкобуржуазного типа утомлены революцией. Лучше маленькая, серая, убогая, но спокойная законность, чем бурная смена революционных порывов и контрреволюционного бешенства. Изнутри революционных партий это стремление выражается в желании преобразовать эти партии. Пусть основным ядром партии станет обыватель: «партия должна быть, массовой»—(свое стремление растворить партию в бесформенной организации меньшевики прикрывали тем предлогом, что партия слишком узка, ее нужно сделать массовой. Вл. С.).—«Долой нелегальщину, долой... конспирацию! Надо легализировать старые революционные партии».

А для легализации надо отказаться от революционной программы, сделать партию ручной. Рабочий с'езд, говорил Ленин, это хлороформ, при помощи которого меньшевики хотят проделать операцию над партией, чтобы изменить ее характер.

«Рабочий с'езд... есть мелкая оппортунистическая авантюра. Мелкая, ибо никакой широкой идеи тут нет в подкладке, а только усталость интеллигента от упорной борьбы за марксизм. Оппортунистическая—по той же причине и потому, что в рабочую партию впускают тысячи далеко не определившихся еще окончательно мелких буржуа. Авантюра, ибо при современ-

ных условиях такая попытка принесла бы не мир, не положительную работу, не сотрудничество эс-эров и эс-дэков, которым Ларин отводит любезно роль «пропагандистских обществ внутри широкой партии», а безграничное увеличение борьбы, раздоров, расколов, спутанности идейной, дезорганизации практической». (Кризис меньшевизма. 1906 г.)

Интеллигентская причуда—вот что такое рабочий с'езд — говорил Ленин, а возникла эта причуда в силу интеллигентского малодушия и неверия в партию.

Меньшевик Хрусталев представлял рабочий с'езд в несколько ином виде, чем Ларин. По мнению Хрусталева, рабочий с'езд должен составиться из депутатов от всех рабочих организаций: профессиональных союзов, потребительских обществ, рабочих касс, обществ взаимопомощи и друг. Эта беспартийная организация, а не партия, должна была руководить борьбой пролетариата. Партия оттеснялась на задний план. Иначе, чем Ларин, но Хрусталев тоже стремился к замене партии непартийной организацией.

Большевики вели борьбу против рабочего с'езда, но если бы агитация меньшевиков имела успех, мы приняли бы в нем участие.

«Мы принимали участие в зубатовском и гапоновском рабочем движении для борьбы за социал-демократию. Примем участие и в трудовом рабочем с'езде для борьбы против трудовых и трудовическо-беспартийных идей за социал-демократию». (Ларин и Хрусталев, 1907 г.)

В основе своей идея рабочего с'езда была близка анархо-синдикализму и содержала в себе в зародыше мысль об упразднении («ликвидации») партии. Благодаря большевикам, 5 с'езд (1907 г.) отверг эту идею, но она все же развернулась позднее у меньшевиков в ликвидаторство, стремившееся уничтожить революционную партию.

Партия и вожди.

«Политические партии, в виде общего правила, управляются более или менее устойчивыми группами наиболее авторитетных, влиятельных, опытных, выбираемых на самые ответственные должности лиц, называемых вождями». (Детская болезнь «левизны» в коммунизме. 1920 г.)

Партия в целом, партия, как таковая, руководит рабочим классом; партией управляют вожди. Если мы говорим, что партия—авангард рабочего класса, то вожди—головной отряд авангарда. Чем умнее, опытнее, преданнее, дальновиднее вожди, тем выгоднее для рабочего класса. Значение вождей особенно сказалось на примере Ленина, который имеет совершенно исключительный, ни с чем несравнимый авторитет среди широчайших рабочих и крестьянских масс всего мира. Великий гений Ленина наложил отпечаток не только на всю деятельность русской партии большевиков, но и на все международное революционное движение в целом.

Каждый хороший вождь, лидер, руководитель позволяет рабочему классу с'экономить массу энергии, сил и крови в классовой борьбе. Чем

опытнее, авторитетнее и дальновиднее вожди, тем увереннее движется партия, тем скорее и лучше находит она выход из всякого положения, спокойно и твердо, без излишних препирательств, пререканий и суетни, маневрирует, меняет позиции, дает лозунги рабочему классу, определяет очередные задачи и т. д.

Партия должна беречь своих вождей, как берегут мозг от поранения. Немецкие рабочие не сумели сберечь Либкнехта и Люксембург от руки белогвардейских офицеров, и эта утрата тяжело отразилась на развитии немецкой коммунистической партии. Западно-европейское коммунистическое движение вообще пока еще не выдвинуло особо крупных, влиятельных, авторитетных вождей, и это обстоятельство весьма ощутительно сказывается на развитии коммунистических партий в Западной Европе: они совершили бы вдесятеро меньше ошибок, имей таких вождей, какие есть у русских большевиков.

Буржуазия прекрасно знает то, чего еще не понимают некоторые отсталые рабочие в Западной Европе и Америке, именно, что «вожди» составляют один из важнейших и существеннейших элементов в развитии революционного движения. Поэтому буржуазия совершенно сознательно и обдуманно стремится лишить рабочий класс его руководителей: убийство «по плану» немецкими белогвардейцами Карла Либкнехта, Розы Люксембург и Тышко-Иохигеса; розыски русскими белогвардейцами Ленина после «июльских дней» (1917 г.) с целью убить его, и позднее (1918 г.) тяжелое ранение Ленина эсеркой—политическим агентом буржуазии; убийство буржуазией разных стран многих

сотен и тысяч руководителей рабочего движения в эпоху «наступления капитала» (с 1920 года).

Чтобы ослабить, расстроить, дезорганизовать рабочее движение, нужно размозжить голову рабочего класса, истребить его вождей—эту «мудрость» буржуазия прекрасно понимает. Если нельзя, неудобно, рискованно убить вождя, то нужно подорвать его авторитет в рабочих массах, опорочить его имя, оклеветать: для дезорганизации рабочего движения в июльские дни буржуазия фабрикует и опубликовывает фальшивые документы о том, что Ленин якобы немецкий шпион; бездонное количество лжи и клеветы, ежедневно возводимой заграничной белогвардейской печатью на всех руководителей советской власти, и т. д.

Никакого мало-мальски серьезного движения без вождей вообще не бывает. Даже маленькая стачка и та выдвигает каких-нибудь вожаков. Даже какое-нибудь «стихийное» движение, бунт имеет каких-нибудь вожаков, случайно вынырнувших на поверхность и также быстро и бесследно исчезающих. Буржуазия тоже имеет своих вождей. Она прекрасно оценивает их значение в классовой борьбе. Такие люди, как Ллойд-Джордж или Пуанкаре, как бы воплощают в себе весь опыт, весь разум, все политическое искусство своего класса. Вожди—крупные, опытные, авторитетные (рабочих или буржуазии) не вдруг рождаются. Они вырабатываются в ходе самой борьбы, растут и крепнут вместе с нею, проверяются массами в течение многих лет и десятилетий, как бы процеживаются и просеиваются.

Вожди не «герои», которые сами от себя могут делать чудеса, масса не «толпа», которую «герой»

может повести, куда ему заблагорассудится. Вожди же «дух», который оживляет и оплодотворяет мертвую «материю» (массу). Кто так себе представляет взаимоотношение между вождями и партией, тот мистик и суеверный человек, которому лучше в церковь ходить и петь на клиросе, чем состоять членом коммунистической партии. Наше понимание роли вождей ни капельки мистицизма в себе не заключает.

Маркс и Ленин.

Всякий понимает, что армия, имеющая прекрасный, хорошо обученный, закаленный командный состав и опытных военачальников, находится в лучшем положении, чем та армия, которая, при прочих равных условиях, этими качествами не обладает. То же приблизительно применимо и к политическим партиям. Наблюдение над жизнью и деятельностью тех больших общественных организмов, которые называются партиями, показывает, что наряду с инициативой, активностью, сознательностью, готовностью к борьбе и самопожертвованию масс, наряду с их героизмом, энтузиазмом, твердостью и порывом, громадное значение имеют вожди, которые в силу ума, опыта, дальновидности дают возможность рабочему классу скорее ориентироваться и нащупать правильный путь. С потерею вождей, даже крупных, движение не может прекратиться, ибо оно вызывается об'ективными причинами, а не волею отдельных лиц, но тогда бороться труднее, больше ошибок, некому во-время предостеречь, дать правильные указания.

Когда умер Маркс, Энгельс писал о его смерти следующее:

«Человечество сделалось ниже на целую голову, при чем на самую гениальную из всех тех, каким оно располагало в последнее время. Движение пролетариата пойдет своим путем, но не будет уже центра, к которому в критические минуты спешили за помощью французы, русские, американцы и немцы, получавшие от него всегда ясные и верные советы, такие советы, которые мог дать только гений и человек, в совершенстве владеющий предметом». (Энгельс. Письмо к Зорге о смерти Маркса. 1883 г.)

Читатель видит, что оценка Энгельсом значения Маркса вполне применима и к Ленину. Со смертью Ленина человечество в самом деле стало ниже на целую голову. Но, как и Энгельс, мы можем сказать: движение пролетариата пойдет своим путем. Своим, то-есть тем, которым шел Ленин. Рабочие всего мира не будут иметь такого центра, каким являлся Владимир Ильич, но все же у них есть с кем советоваться, у кого получать указания и руководство: это партия Ленина, его единомышленники, его ученики. Такие люди, как Маркс и Ленин, рождаются раз в сто лет. Ленин имел громадное значение для партии. Раз Ленина нет, Ленин ушел, нам всем нужно удесятерить свои силы, чтобы возместить потерю, нанесенную рабочему классу кончиной Ленина.

О лозунге: долой вождей!

Мы уже сказали, что рабочие вожди составляют один из важнейших и существеннейших элементов в рабочем движении. Отрицание роли и значения вождей и их безусловной необходимости основано на упрощенном, вульгарном понимании демократизма, на анархо-бунтарских настроениях, на непонимании самого существа борьбы, которая требует, чтобы класс имел своего руководителя в лице коммунистической партии, а последняя—руководителей в лице вождей, как имеет этих руководителей в виде штаба и командного состава армии. Это только по внешности выходит очень радикально, что «мы, мол, без всяких вождей отстоим свое рабочее дело», одними «мускулистыми кулаками» или «мозолистыми руками» добьемся социализма. Никакое серьезное движение без кадра испытанных вождей невозможно, и возгласы в роде вышеуказанных исходят либо от тех, кто на беду свою действительно не понимает, каковы условия организованности, либо от тех, кто сам претендует на руководство движением: в этом случае лозунг «долой вождей!» есть демагогическая уловка для того, чтобы свалить «старых» вождей и заменить их «новыми».

В самом намерении поставить одних вождей и руководителей на место других—ничего «принципиально» недопустимого, разумеется, нет: вожди не суть священные лица, особы которых неприкосновенны, и замена одного руководителя другим не представляет собою святотатства. Партия выбирает себе руководителей, партия вольна их и переизбрать, это ясно без дальнейших пояснений. Но

с точки зрения большевизма недопустимы две вещи: во-первых, «принципиальное» отрицание необходимости для партии кадра испытанных вождей: нам не нужны никакие руководители! обойдемся без «опекунов» над партией и пр. Это анархизм. Недопустимо, во-вторых, стремление заменить хороших руководителей, твердых, закаленных большевиков—плохими руководителями, неустойчивыми, колеблющимися, легко поддающими под мелкобуржуазное влияние. Это оппортунизм.

Ленин всегда доказывал рабочим необходимость для движения вождей и боролся с теми, кто «отрицал» роль руководителей и «признавал» только массу. Мы уже приводили слова Ленина о вождях, сказанные им в 1920 году. В 1902 году, Ленин, оспаривая взгляды «отрицателей», приводил в пример немецкую социал-демократическую партию, сотни тысяч членов которой умели ценить своих вождей (Бебеля, Либкнехта) и крепко отстаивать их.

> «У немцев — писал Ленин — достаточно уже развита политическая мысль, достаточно накоплено политического опыта, чтобы понимать, что без «десятка» талантливых (а таланты не рождаются сотнями), испытанных, профессионально подготовленных и долгой школой обученных вождей, превосходно спевшихся друг с другом, невозможна в современном обществе стойкая борьба ни одного класса». (Что делать? 1902 г.)

В 1920 году немецкие «левые» коммунисты горячо возражали против необходимости вождей для революционного рабочего движения. Зачем нам

вожди —говорили они.—вся сила в массах! Нельзя противопоставлять одно другому,—отвечал им Ленин.—Класс руководится партией, партия—вождями. Тут ничего нельзя разделять. А ваши возгласы против вождей происходят лишь от вашей неопытности и незрелости. Вы—члены еще молодой партии. Повоюете, поборетесь с капитализмом, и тогда сами увидите, что вожди нужны для движения. Для примера Ленин ссылался на опыт нашей партии.

«Нападки на «диктатуру вождей» в нашей партии были всегда: первый раз я вспоминаю такие нападки в 1895 году, когда формально еще не было партии, но центральная группа в Питере начала складываться и должна была брать на себя руководство районными группами. На IX с'езде нашей партии (IV. 1920) была небольшая оппозиция, тоже говорившая против «диктатуры вождей», «олигархии» *) и т. п. Ничего удивительного поэтому, ничего нового, ничего страшного в «детской болезни» «левого коммунизма» у немцев нет. Это болезнь проходит безопасно, и организм после нее становится даже крепче». (Детская болезнь левизны в коммунизме. 1920 г.)

«Небольшая оппозиция», о которой говорит Ленин, состояла из т.т. Сапронова, Максимовского и др.

---

*) Олигархия означает господство немногих лиц.

Глава V.

Партия четверть века тому назад.

Для лучшего уяснения организационного существа нашей партии нам нужно обратиться к тем временам борьбы с самодержавием, когда Ленин впервые выдвинул организационные идеи, легшие затем в основу построения большевистской партии.

Четверть века тому назад у русского рабочего класса не было еще никакой мощной, сплоченной, дисциплинированной и авторитетной для рабочих масс партии, какой сейчас является российская коммунистическая партия большевиков. Еще в преддверии нынешнего века, примерно, около 1900 года, даже в 1901—1902 г.г., вместо большой, хорошо организованной рабочей партии, у нас в России существовали только небольшие, несвязанные друг с другом, социал-демократические «кружки» и «группы», называвшиеся иногда «союзами борьбы». Это был период кружковщины и кустарничества. Вот что рассказывает Ленин о партийной деятельности того времени (1894—1901 г.г.).

> «Кружок студентов, без всякой связи со старыми деятелями движения, без всякой связи с кружками в других местностях или даже в других частях города, без всякой организации отдельных частей революционной работы, без всякого систематического плана деятельности на сколько-нибудь значительный период, заводит связи с рабочими и берется за дело. Кружок развертывает постепенно более и более широкую пропаганду и агитацию, привлекает фактом

своего выступления сочувствие довольно широких слоев рабочих, сочувствие некоторой части образованного общества, доставляющего деньги и отдающего в распоряжение «комитету» новые и новые группы молодежи. Растет обаяние комитета (или союза борьбы), растет размах его деятельности, и он расширяет эту деятельность совершенно стихийно. Люди заводят связи с другими группами революционеров, раздобывают литературу, берутся за издание местной газеты, начинают говорить об устройстве демонстрации, переходят, наконец, к открытым военным действиям (при чем этим открытым военным действиям может явиться, смотря по обстоятельствам, и первый же агитационный листок, и первый номер газеты, и первая демонстрация)». (Что делать? 1902 г.)

Словом, революционная деятельность как-будто развертывается полным ходом, но так как на самом деле

«военные действия явились не результатом систематического, заранее обдуманного и исподволь подготовленного плана длинной и упорной борьбы, а просто стихийным ростом традиционно ведущейся кружковой работы», и так как, с другой стороны, «полиция, естественно, почти всегда знала всех главных деятелей местного движения и только выжидала самого удобного для нее момента облавы, нарочно давая кружку достаточно разрастись и развернуться», то в результате «обыкновенно первое же начало этих действий ведет за собой немедленный полный провал».

Стоило революционной группе приступить к мало-мальски серьезной деятельности, как полиция и жандармы, прекрасно осведомленные шпиками и провокаторами о работе группы, тотчас ее ликвидировали. Царизм представлял собой мощную силу, а ведшие с ним войну революционеры были недостаточно подготовлены, недостаточно крепко связаны с рабочими массами, разрознены, неорганизованы, не умели соблюсти строжайшей конспирации, то-есть уменья обставлять свою революционную деятельность так, чтобы оставаться неуловимыми для полиции, чтобы жандармы не могли проникнуть в тайную, подпольную организацию и раскрыть ее.

«Такую войну — писал Ленин — нельзя не сравнить с походом вооруженных дубинами шаек крестьян против современного войска».

Стихийное движение рабочего класса росло. Росла и борьба самодержавия с революционерами.

«Погромы стали так часто повторяться, захватывать такую массу лиц, выметать до такой степени начисто местные кружки, что рабочая масса теряла буквально всех руководителей, движение приобретало невероятно скачкообразный характер, и абсолютно никакой преемственности и связности работы не могло установиться. Поразительная раздробленность местных деятелей, случайность состава кружков, неподготовленность и узкий кругозор в области теоретических, политических и организационных вопросов были неизбежным результатом описанных условий».

При такой раздробленности, распыленности, неорганизованности, кустарничестве рабочий класс не мог бы победить самодержавие. Ко всем этим организационным болезням партии надо прибавить еще и идейный разброд ее: далеко не все группы отстаивали революционный марксизм, не у всех было одинаковое понимание стоящих перед рабочим классом политических задач. Сторонникам революционного марксизма, главным образом, будущим большевикам, ленинцам, приходилось бороться с различными искажениями марксизма в буржуазном духе, в роде «бернштейнианства», «легального марксизма», «критики марксизма», «экономизма», умалявших и принижавших задачи рабочего класса. Пролетариат не имел единой идеологии, единой тактики, единого понимания организационных задач.

> «Наше движение и в идейном и в практическом, организационном отношении всего более страдает от своей раздробленности, от того, что громадное большинство социал-демократов почти всецело поглощено чисто местной работой, суживающей и их кругозор, и размах их деятельности, и их конспиративную сноровку и подготовленность. (С чего начать. 1901 г.)

Изучая рабочее движение 1900—1902 г.г. Ленин находил в нем, помимо раздробленности, распыленности, идейного разброда, еще следующие крупные недостатки, указанные им в «Письме к товарищу о наших организационных задачах» (1902 г.):

1. Отсутствие серьезной подготовки и революционного воспитания не только у рабочего, но и у интеллигентов, которые в те времена по преимуществу

являлись руководителями движения.—Чтобы быть хорошим революционером, действительно опасным для самодержавия, действительно способным руководить рабочим классом, для этого мало одного настроения, чувства, порыва. Надо серьезно работать над собой, изучать и исправлять ошибки, перенимать все лучшее и ценное из старого опыта революционной борьбы.

2. Неуместное и неумеренное применение выборного начала (демократии) в партийных организациях.—Участники движения считали, что партия рабочего класса обязательно должна строиться на демократическом начале и избирать руководителей движения. Между тем, для успешности революционной деятельности требовалась строжайшая конспирация, сохранение в тайне руководителей и участников движения. Ленин стоял против «игры в демократизм», так как стремление устраивать собрания и выбирать руководителей облегчало полиции слежку и вылавливание революционеров.

3. Отчужденность рабочих от активной революционной деятельности.—Ленин постоянно требовал того, что в наше время называется «выдвижением» рабочих на ответственную, активную, руководящую работу.

Борьба за партию против кустарничества.

Тогдашние социал-демократы в массе своей даже не понимали, что по старому работать нельзя, что при распыленности и раздробленности социалистических сил пролетариат не сможет выполнить своих исторических задач.

«Преклонение перед стихийно складывающимися формами организации, отсутствие сознания того, насколько узка и примитивна *) наша организационная работа, какие еще мы «кустари» в этой важной области, отсутствие этого сознания, говорю я, представляет собою настоящую болезнь нашего движения. Это не болезнь упадка, — прибавлял Ленин, — а болезнь роста, само собой разумеется». (Что делать? 1902 г.)

Идейный разброд и организационная раздробленность—вот что представляла собой партия четверть века тому назад. По сути дела, партии, в строгом смысле этого слова, не было. Были только элементы, из которых можно было создать партию. Правда, в 1898 году состоялся первый с'езд социал-демократических групп, на котором было заложено основание партии и избран центральный комитет.

«Но центральные учреждения партии были разгромлены полицией и не могли быть восстановлены. Фактически единства партии не было: оно осталось лишь идеей, директивой». (Предисловие к сборнику «За 12 лет». 1907 г.)

Нужно было эту идею осуществить. Нужно было из независимых кружков и групп, в значительной мере находящихся во власти мелкобуржуазных взглядов на характер и цели рабочего движения («экономизм»), создать единую, могучую партию пролетариата. Во имя создания партии кружок,

*) Примитивный—чересчур упрощенный, слишком простой.

группировавшийся вокруг руководимой Лениным газеты «Искры», вел самую острую борьбу с другими кружками за выработку марксистской идеологии, тактики, организации. В этой борьбе сложился и окреп большевизм.

Оценка кружковщины.

В 1907 году Ленин дал оценку периода «кружковщины» и подвел итоги тогдашней групповой борьбе, носившей чрезвычайно страстный характер. Оппортунисты упрекали ленинскую «Искру» за ее непримиримость, за беспощадное разоблачение и вскрывание всех вредных и опасных для рабочего движения уклонов и направлений.

«В свое время кружки были необходимы и сыграли положительную роль. В самодержавной стране—вообще, в тех условиях, которые созданы были всей историей русского революционного движения, в особенности, социалистическая рабочая партия не могла развиться иначе, как из кружков. Кружки, то-есть тесные, замкнутые, почти всегда на личной дружбе основанные сплочения очень малого числа лиц, были необходимым этапом развития социализма и рабочего движения в России. По мере роста этого движения стала задача об'единения этих кружков, создания прочной связи между ними, установления преемственности.

«Решить эту задачу нельзя было без создания крепкой оперативной базы «за пределами досягаемости» самодержавия, т.-е. за границей. Заграничные кружки возникли таким образом

в силу необходимости. Между нами не было связи, над ними не было авторитета русской партии, они расходились неизбежно в понимании основных задач движения в данный момент, т.-е понимании того, как именно следует строить ту или иную операционную базу и в каком направлении помогать общепартийному строительству. При таких условиях борьба между этими кружками была неотвратима.

«Теперь, глядя назад, мы ясно видим, какой кружок действительно в состоянии был выполнить функцию операционной базы» (Таким кружком оказался кружок «Искры». «Но тогда, в начале деятельности различных кружков, этого никто не мог сказать, и только борьба могла решить спор».

Особую опасность для рабочего движения представлял кружок «экономистов»—предшественников меньшевизма. Можно ли обвинять эти кружки и группы, в частности «Искру», во взаимной борьбе? Казалось бы, к чему столь острая борьба, раз все кружки состоят из социал-демократов, людей одной партии?

«Сказать это—значит обнаружить непонимание тогдашних условий. Во-первых, не было никакого критерия силы и серьезности тех или иных кружков. Много было дутых, которые теперь забыты, но которые в свое время борьбой хотели доказать свое право на существование. Во-вторых, разногласия между кружками состояли в том, как направить новую еще тогда работу».

Спор шел, ни более ни менее, как о характере и существе будущей партии рабочего класса: будет ли она революционной партией или оппортунистической.

«Кружковщина,—прибавляет Ленин, — сделала свое дело и теперь, конечно, пережила себя. Но она пережила себя потому и только потому, что борьба кружков самым острым образом поставила краеугольные вопросы социал-демократии, решила их в непримиримом революционном духе и создала тем прочную базу для широкой партийной работы».

Так оценивал Ленин в 1907 году роль кружковщины дореволюционной эпохи. Без ожесточенной, непримиримой борьбы ленинской группы (старая «Искра») со всеми «инакомыслящими», со всеми оппортунистами не было бы нашей партии. Ленин беспощадно разоблачал каждую оппортунистическую мысль, каждую неправильную организационную идею, каждый неверный тактический шаг. Только этой борьбой и можно было заложить основы большевизма. Ленин и наша партия всегда, всю свою жизнь боролись с опасными и вредными для рабочего класса направлениями, уклонами и идеями. Ленинизм всегда был, есть и будет воинствующим. Защищая революционный марксизм, Ленин не останавливался перед разрывом со своими вчерашними единомышленниками, если они становились на неверный путь. Никогда большевики не позволяли «замазывать» расхождений и разногласий, прятать их, как прячут дурную болезнь. Если обнаружилось расхождение, уклон, неправильный круг взглядов,—их надо немедленно, всесторонне, вдум-

чиво, тщательно вскрыть, разоблачить, обсудить, чтобы все рабочие знали, где есть ошибка и в чем она заключается. Этому учил нас Ленин. В этом сила ленинизма.

В 1921 году Ленин констатировал наличие в партии «анархо-синдикалистского уклона» (Шляпников, Медведев, Коллонтай), указал, в чем он проявился, и определил отношение партии к нему. В 1924 году, в отсутствие Ленина, партия обнаружила наличие мелкобуржуазного уклона в своих рядах (Троцкий, Радек, Преображенский, Сапронов и др.) и тотчас же дала разбор этого направления и причины его возникновения. Вся партия, весь рабочий класс должны видеть ошибку, должны знать, в чем она заключается, должны знать, как ошибку исправлять, иначе, без непримиримой, беспощадной борьбы со всеми и всяческими отклонениями от революционного марксизма, невозможно сохранение большевистской партии.

Временная необходимость двух руководящих центров.

Посмотрим теперь, как Ленин учил строить партию взамен раздробленных кружков и групп. Самое замечательное произведение Ленина, посвященное этому вопросу,—«Что делать?»(февраль, 1902 г.), затем «Письмо к товарищу о наших организационных задачах» (сентябрь, 1902 г.). Еще раньше того статья «С чего начать?» (май, 1901 г.) и ряд других статей в «Искре» (1900—1903 г. г.). После борьбы с меньшевиками на II с'езде взгляды большевиков Ленин изложил в книге «Шаг вперед, два шага назад» (1904 г.).

«При необходимости строжайшей конспирации и охраны преемственности движения,—писал Ленин в «Письме к товарищу»,—у нашей партии могут и должны быть два руководящих центра: Ц. О. (центральный орган) — подразумевается «Искра»—и Ц. К. (центральный комитет)».

Партийная деятельность распределяется между обоими этими центрами так, что

«первый должен руководить идейно, второй — непосредственно и практически».

Ближе это разграничение определяется следующим образом:

«Газета может и должна быть идейным руководителем партии, развивать теоретические истины, тактические положения, общие организационные идеи, общие задачи всей партии в тот или другой момент».

«Искра» находилась за границей, вне пределов досягаемости русских жандармов, вне опасности провала и ликвидации.

«Непосредственным же практическим руководителем движения может быть только особая центральная группа (назовем ее хоть Центральным Комитетом), сносящаяся лично со всеми комитетами, включающая в себя лучшие революционные силы всех русских социал-демократов и распоряжающаяся всеми общепартийными делами, как-то: распределение литературы, издание листков, распределение сил, назначение лиц и групп для заведывания осо-

быми предприятиями, подготовка общерусских демонстраций и восстания и т. д.».

Но не получится ли при «двоецентрии» раздвоения и расщепления партийной власти? будет ли достигнуто единство действия?

«Единство в действии и необходимая солидарность между этими группами должны быть обеспечены не только единой программой партии, но и составом обеих групп (надо, чтобы в обеих группах, и в Ц. О. и в Ц. К., были вполне спевшиеся между собою люди) и учреждением регулярных и постоянных совещаний между ними».

Позже для этой задачи был создан Совет Партии, куда входили представители и Ц. О. и Ц. К.

«Только тогда, с одной стороны, Ц. О. будет поставлен вне действий русских жандармов и ему будет обеспечена выдержанность и преемственность, а с другой стороны, Ц. К. будет всегда солидарен с Ц. О. во всем существенном и достаточно свободен для непосредственного распорядительства всей практической стороной движения».

В наше время несколько непривычно слышать, что большевики, сторонники строжайшего централизма, отстаивали в дореволюционный период «двоецентрие». По сути дела, однако, в 1900—1903 г.г., когда издавать настоящую революционную газету можно было только за границей, а «Искра» играла исключительно важную идейную и организационную роль в нашем движении, такое

разделение труда было вполне целесообразным, а двоевластие лишь кажущимся, ибо единым революционным центром должен был являться Совет Партии.

Общерусская политическая газета.

Руководимая Лениным газета «Искра» сумела стать центром революционной социал-демократии. Революционеры, сгруппировавшиеся вокруг «Искры», создали партию из разрозненных кружков и групп. При господстве кустарничества приходилось доказывать необходимость для рабочего движения «общерусской политической газеты», которая вела бы всестороннюю агитацию и пропаганду, откликаясь на все запросы рабочих, сплачивала их вокруг себя. Но газета «Искра» должна была, по плану Ленина, не ограничиваться агитационно-пропагандистской деятельностью.

«Газета—не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор. В этом последнем отношении ее можно сравнить с лесами, которые строятся вокруг возводимого здания, намечают контуры постройки, облегчают сношения между отдельными строителями, помогают им распределять работу и обозревать общие результаты, достигнутые организованным трудом. При помощи газеты и в связи с ней сама собой будет складываться постоянная организация, занятая не только местной, но и регулярной общей работой, приучающая своих членов внимательно следить за политическими событиями, оцени-

вать их значение и их влияние на разные слои населения, вырабатывать целесообразные способы воздействия на эти события со стороны революционной партии. Одна уже техническая задача—обеспечить правильное снабжение газеты материалами и правильное распространение ее—заставляет создать сеть местных агентов единой партии, агентов, находящихся в живых сношениях друг с другом, знающих общее положение дел, привыкающих регулярно исполнять дробные функции общерусской работы, пробующих свои силы в тех или иных революционных действиях. Эта сеть агентов будет остовом именно такой организации, которая нам нужна: достаточно крупной, чтобы охватить всю страну; достаточно широкой и разносторонней, чтобы провести строгое и детальное разделение труда; достаточно выдержанной, чтобы уметь при всяких обстоятельствах, при всяких «поворотах» и неожиданностях вести неуклонно свою работу; достаточно гибкой, чтобы уметь, с одной стороны, уклониться от сражения в открытом поле с подавляющим своею силою неприятелем, когда он собрал на одном пункте все силы, а с другой стороны, чтобы уметь пользоваться неповоротливостью этого неприятеля и нападать на него там, где всего менее ожидают нападения» (С чего начать? 1901 г.).

Агенты «Искры» сыграли великую роль в деле преобразования местных групп и кружков в строго централизованные и конспиративные организации, как того требовал Ленин, и в деле подготовки об'единения кружков и групп в партию. Ленинская «Искра» и «искровцы» преодолели сопротивление

«экономистов», «кустарей» и заложили фундамент партии. Само-собой разумеется, что «экономисты страшно кричали при этом о навязывании планов сверху, о нарушении демократии, о самозванстве «Искры», которая хочет перестроить партию, и т. д.

Комитеты.

Во главе каждой местной организации должен стоять комитет партии. Разделение вверху на два комитета—один из рабочих, другой из интеллигентов, как это бывало до сих пор, вредно.

> «Комитет партии должен быть один, и в нем должны быть вполне сознательные социал-демократы, посвящающие себя целиком социал-демократической деятельности» (Письмо к товарищу о наших организационных задачах. 1902 г.).

Комитеты не избираются всей партийной массой; по условиям нелегальной работы выборы, как они происходят в наше время, были и невозможны, и нецелесообразны. Комитеты должны составляться местными активными участниками движения.

> «Когда у нас будет Ц. О. и Ц. К., новые комитеты должны образовываться не иначе, как при их участии и с их согласия».

Для руководства революционным движением нужны тщательно подобранные и проверенные работники. Подбор таких работников должен происходить при участии руководящих центров партии, голос которых имеет решающее значение при составлении комитетов. Комитеты имеют право «кооп-

тации» или самопополнения, т.-е. комитет может облекать полномочиями членов комитета тех лиц, которых он признает достойными этого звания. В наше время члены комитетов избираются, в эпоху подполья они могли кооптироваться.

Число членов комитета должно быть по возможности не очень велико (чтобы уровень этих членов был выше и их специализация в революционной профессии полнее), но в то же время достаточное для заведывания всеми сторонами дела и обеспечения полноты совещаний и твердости решений».

Обязательно заранее подготовлять кандидатов— на случай провалов, чтобы работа не останавливалась.

Рабочие и интеллигенты в комитетах.

Во времена подполья руководителями революционного движения, членами комитетов, были по преимуществу революционеры из интеллигенции. На первых порах это было, разумеется, совершенно неизбежным явлением. Ленин придавал большое значение тому, чтобы в комитеты вводились не только интеллигенты, но и рабочие.

«Надо особенно стараться о том, чтобы как можно более рабочих становилось вполне сознательными и профессиональными революционерами и попадали в комитет. В комитет надо стараться ввести рабочих - революционеров, имеющих наибольшие связи и наилучшее «имя» в рабочей массе... Чтобы руководить всем, что

происходит в рабочей среде, надо иметь возможность всюду попасть, надо очень многих знать, иметь все ходы и т. д., и т. д. В комитете должны быть, поэтому, по возможности все главные вожаки рабочего движения из самих рабочих».

Партия заинтересована в том, чтобы как можно больше сознательных, развитых, передовых рабочих - революционеров подымались к управлению и руководству партией.

Ленин порицал недостаточную деятельность партийных комитетов по подбору рабочих для руководящей работы, и в этом направлении развивал свою мысль на 3 с'езде партии (1905 г.).

«Вводить рабочих в комитеты есть не только педагогическая *), но и политическая задача,— говорил Ленин.—У рабочих есть классовый инстинкт, и при небольшом политическом навыке рабочие довольно скоро делаются выдержанными социал-демократами. Я очень сочувствовал бы тому, чтобы в составе наших комитетов на каждых двух интеллигентов было восемь рабочих» (Речь на 3-м с'езде партии. 1905 г.).

Когда возникла «рабочая оппозиция» (1920 г.), Ленин особенно внимательно отнесся к тем (лучшим) представителям оппозиции, которые ставили задачей партии «привлечение рабочих на местах на более ответственные должности». Все, что есть передового в рабочей среде, нам нужно ставить на работу по управлению партией и страной.

---

*) Воспитательная.

Районные группы.

«Комитет, — скажем московской организации, — должен руководить всеми сторонами местного движения и заведывать всеми местными учреждениями, силами и средствами партии» (Письмо к товарищу о наших орган. задач. 1902 г.).

Ниже комитета расположены «районные группы». Как они строятся? По правилу подбора сверху.

«Состав районной группы должен определяться комитетом, т.-е. комитет назначает одного-двух своих членов (или даже и не членов) в делегаты по такому-то району и поручает этим делегатам составить районную группу, все члены которой опять-таки комитетом утверждаются, так сказать, в должности. Районная группа — филиальное*) отделение комитета, только от него заимствующее свои полномочия».

Районные группы в старое время помещались в партийном строении на том же, примерно, месте, где сейчас расположены районные комитеты (райкомы), но только имели они много меньше прав и власти, чем теперешние райкомы.

«Районные группы должны быть, главным образом, посредниками между комитетами и заводами, посредниками и даже преимущественно передатчиками».

---

*) Филиальный—представляющий собой ветку, ответвление целого, главного и большого, отделение целого.

Заводские кружки.

Дальше вниз идут «заводские кружки», по-теперешнему ячейки. Ленин придавал им исключительно важное значение, и наша партия хорошо усвоила взгляды Ленина на этот счет: большевики рассматривают фабрично-заводские ячейки, как основную базу партии, ее фундамент.

«Заводские кружки,—писал Ленин,—для нас особенно важны; ведь вся главная сила движения—в организованности рабочих на крупных заводах, ибо крупные заводы (и фабрики) включают в себя не только преобладающую по численности, но еще более преобладающую по влиянию, развитию, способности ее к борьбе часть всего рабочего класса. Каждый завод должен быть нашей крепостью».

Требование Ленина превратить каждый завод, каждую фабрику в крепость, оплот нашей партии, является одной из основных «заповедей» ленинизма. И сейчас, как и 20 лет тому назад, партия говорит: в первую очередь нам нужно базироваться не на деревню, не на учебное заведение, не на воинскую часть, не на советское учреждение, а на фабрику и завод; не на крестьянина, не на интеллигента, не на советских служащих, не на учащуюся молодежь, а на пролетариев у станка. Кто выдвигает другую «базу», кто об'являет «барометром» партии и революции не рабочих у станка, а какую-нибудь другую общественную группу, тот отступает от ленинизма.

Чтобы каждый завод стал нашей крепостью, — продолжает Ленин,—

«для этого «заводская» рабочая организация должна быть так же конспиративна внутри себя, так же «ветвиста» вовне, т.-е. во внешних ее сношениях, так же далеко должна просовывать, и в самые разные стороны просовывать, свои щупальцы, как и всякая революционная организация».

Ячейка, которая не умеет охватить рабочую массу своего завода со всех сторон, не умеет подойти ко всем ее нуждам и потребностям, не удовлетворяет своему назначению.

«Я подчеркиваю—продолжает Ленин — что ядром и руководителем, «хозяином», должна быть и здесь обязательно группа революционеров-рабочих».

Как составляется заводский комитет? Он должен

«состоять из очень небольшого числа революционеров, получающих непосредственно от комитета поручения и полномочия вести всю социал-демократическую работу на заводе».

Снова идея централизма, идея подбора руководителей движения сверху.

«Все члены заводского комитета должны смотреть на себя, как на агентов комитета, обязанных подчиняться всем распоряжениям его, обязанных соблюдать все «законы и обычаи» той «действующей армии», в которую они вступили и из которой они в военное время не имеют права уйти без разрешения начальства».

Ленин придавал огромное значение тщательному подбору руководителей для фабрик и заводов, чтобы не ошибиться, не облечь доверием и полномочиями недостаточно твердого, проверенного работника. Для работы на заводах нужно образовать заводские комитеты или «подкомитеты», как их временами называет Ленин. Кому доверить эту работу, из кого составить подкомитет? Особая комиссия, выделенная комитетом всей организации,

«назначает ряд свиданий, испытывает хорошенько кандидатов в члены заводских подкомитетов, подвергает их перекрестному допросу «с пристрастием», подвергает их, буде надобно, искусу, старается при этом посмотреть и испытать сама непосредственно возможно большее число кандидатов в заводский подкомитет данного завода, и, наконец, предлагает комитету утвердить такой-то состав каждого заводского кружка или уполномочить такого-то рабочего составить, наметить, подобрать целый комитет».

Связь заводского кружка с подпольным комитетом всей организации осуществляется посредством лица, назначенного непосредственно комитетом.

Разделение труда в организации.

Вверху — центральные органы партии; им подчинены комитеты; комитеты связаны непосредственно с фабрично-заводскими кружками и районными группами.

«По тому же... типу филиальных отделений комитета или его учреждений должны быть орга-

низованы все разнообразные группы, обслуживающие движение, — и группы студенческой и гимназической молодежи, и группы, скажем, содействующих чиновников, и группы: транспортная, типографская, паспортная, группы по устройству конспиративных квартир, группы по слежению за шпионами, группы военных, группы по снабжению оружием, группы по организации, например, «доходного финансового предприятия» и т. д.

«Все искусство конспиративной организации должно состоять в том, чтобы использовать все и вся, «дать работу всем и каждому», сохраняя в то же время руководство всем движением, сохраняя, разумеется, не силой власти, а силой авторитета, силой энергии, большей опытности, большей разносторонности, большей талантливости.

«Комитет должен стараться возможно полнее проводить разделение труда, памятуя, что для разных сторон революционной работы нужны разные способности, что иногда человек, совершенно негодный в организаторы, будет незаменимым агитатором, или человек, неспособный к конспиративной строжайшей выдержке, будет превосходным пропагандистом и т. п.».

Наши комитеты и ячейки должны думать о том, чтобы дать работу каждому члену организации. Не должно быть коммунистов, вся партийная деятельность которых ограничивается посещением собраний и молчаливым заслушиванием докладов. Этого мало: надо что-нибудь делать для партии, вести какой-нибудь род партийной работы, отвечать за нее.

Использовать каждого человека по его способностям и наклонностям—одна из важнейших наших задач.

Осведомленность и ответственность.

«Мы должны безусловно требовать максимальной оформленности дела во всех этих филиальных группах, именно: каждый член партии, в них участвующий, обязан формальной ответственностью за ведение дела в этих группах, обязан также принять все меры к тому, чтобы перед Ц. К. и Ц. О. были наиболее открыты и состав каждой такой группы, и весь механизм ее работы, и все содержание этой работы. Это необходимо и для того, чтобы центр имел полную картину всего движения, и для того, чтобы можно было из наиболее широкого круга лиц делать выбор на разные партийные должности, и для того, чтобы у одной группы могли учиться (через посредство центра) все группы подобного рода по всей России, и для того, чтобы предупреждать появление провокаторов и сомнительных лиц,—одним словом, это безусловно и во всех случаях настоятельно необходимо».

Центр должен быть полно и всесторонне осведомлен о всей внутренней жизни партии. Снизу вверх должны итти все сведения о состоянии партийной работы, о деятельности каждой из ее групп. Центр должен видеть всю жизнь партии, как на ладони, и руководить деятельностью партии.

«Мы должны централизовать руководство движением. Мы должны также децентрали-

зовать возможно более ответственность перед партией каждого отдельного ее члена, каждого участника работы, каждого входящего в партию или примыкающего к ней кружка».

Каждый большевик обязан держать связь с партийной организацией, осведомлять ее о своей деятельности, отчитываться перед нею.

Пропаганда.

Крайне поучительны мысли Ленина о постановке пропаганды.

«Кстати — пишет Ленин — по поводу пропагандистов я хотел бы еще сказать несколько слов против обычного переполнения этой профессии малоспособными людьми и приниженния этим уровня пропаганды. У нас иногда всякий студент без разбора считается пропагандистом, и вся молодежь требует, чтобы ей «дали кружок» и т. п.».

К сожалению, еще и поныне наблюдается недостаточно серьезное отношение к пропаганде. Еще и сейчас к пропаганде допускаются люди, по своему развитию, подготовке, знаниям неимеющие права вести пропаганду марксизма и ленинизма. Еще и сейчас наши рабочие вынуждены учиться по разным учебникам политграмоты, нещадно вульгаризирующим, упрощающим, искажающим марксизм.

«С этим—продолжает Ленин,—то-есть, с поручением пропаганды первому встречному интеллигенту или студенту—надо бы бороться, ибо

вреда от этого бывает очень много. Действительно выдержанных принципиально и способных пропагандистов очень немного (и чтобы стать таковым, надо порядочно поучиться и понабрать опыта), и таких людей надо специализировать, занимать их целиком и беречь сугубо».

Пожалуй, никакое звание в нашей партии в эпоху НЭП'а не стоит так низко, как звание пропагандиста или агитатора. Директор завода, председатель треста, член президиума, секретарь комитета— это люди с весом, а что такое пропагандист? Так себе. В корне надо изменить отношение «свысока» к пропагандистской профессии. Партия побеждает сознательностью, идейностью. Нужно поэтому особенно внимательно, особенно вдумчиво относиться к делу пропаганды.

Глава VI

Профессиональные революционеры.

«Я работал в кружке, который ставил себе очень широкие, всеоб'емлющие задачи—писал Ленин в «Что делать?»—и всем нам, членам этого кружка, приходилось мучительно, до боли, страдать от сознания того, что мы оказываемся кустарями в такой исторический момент, когда можно было бы, видоизменяя известное изречение, сказать: дайте нам организацию революционеров,—и мы перевернем мир» (Что делать? 1902 г.).

Чтобы рабочее движение не было разрозненным, неорганизованным, узким по своим задачам и целям, чтобы оно постепенно, планомерно и неуклонно росло и ширилось, нужно было создать кадр революционеров, которые руководили бы этим движением. В широких кругах тогдашних работников, зарывавшихся в мелкую, кустарническую работу, главным образом по отстаиванию экономических нужд рабочих, не было ясного сознания того, что

> «для «обслуживания» массового движения нужны люди, специально посвящающие себя целиком социал-демократической деятельности, и что такие люди должны с терпением и упорством вырабатывать из себя профессиональных революционеров».

Чтобы понять значение выдвинутой Лениным идеи организации революционеров, читателю надлежит вспомнить, что еще в начале нынешнего века деятельность тогдашних социалистов сводилась, по преимуществу, к защите экономических нужд рабочего класса, организации касс взаимопомощи, устройству стачек и пр. Профессиональных союзов еще не существовало, и тогдашние социалисты делали, конечно, нелегально, главным образом то, что делают сейчас профсоюзы. Их деятельность во многом носила «профсоюзный», «тред-юниоповский», «экономический» характер. Ленин поставил вопрос о политической деятельности, о создании политической организации, о выделении людей для революционной работы. Широкие профессиональные организации рабочих — это одно, организация революционеров, «способных руководить всей освободительной борьбой пролетариата»,—другое.

«Я утверждаю,—говорил Ленин:—1) что ни одно революционное движение не может быть прочно без устойчивой и хранящей преемственность организации руководителей; 2) что, чем шире масса, стихийно вовлекаемая в борьбу, составляющая базис движения и участвующая в нем, тем настоятельнее необходимость в такой организации и тем прочнее должна быть эта организация (ибо тем легче всяким демагогам увлечь неразвитые слои массы); 3) что такая организация должна состоять главным образом из людей, профессионально занимающихся революционной деятельностью; 4) что в самодержавной стране, чем более мы сузим состав членов организации до участия в ней таких только членов, которые профессионально занимаются революционной деятельностью и получили профессиональную подготовку в искусстве борьбы с политической полицией, тем труднее будет «выловить» такую организацию, и 5) тем шире будет состав лиц и из рабочего класса и из остальных классов общества, которые будут иметь возможность участвовать в движении и активно работать в нем».

Партия придает большое значение тому, чтобы руководство ею носило устойчивый характер и сохраняло бы преемственность—требование, которое выдвигал в свое время Ленин. Разумеется, кадр руководителей партии должен постоянно пополняться, освежаться; менее способные руководители должны заменяться более даровитыми, энергичными, но эта замена должна проводиться так обдуманно, осторожно, чтобы она обеспечивала сохра-

нение непрерывности и преемственности руководства, а не носила характера «ломки» аппарата, массового «снятия с постов» и т. д.

Сущность «организации революционеров» Ленин поясняет так:

> «Организация революционеров должна обнимать, прежде всего и главным образом, людей, которых профессия состоит из революционной деятельности (потому я и говорю об организации революционеров, имея в виду революционеров—социал-демократов). Перед этим общим признаком членов такой организации должно совершенно стираться всякое различие рабочих и интеллигентов. Эта организация необходимо должна быть не очень широкой и возможно более конспиративной».

Профессиональными революционерами могло, естественно, стать не так много людей. Поэтому, организация революционеров представляла собой по сути дела основное руководящее ядро нашей партии. Вот что пишет один из историков партии (Лядов) о профессиональных революционерах: «Жестокие преследования, которым подвергались местные работники, частые провалы местных организаций заставили быстро развить кадры профессионалов-революционеров, которые целиком отдавались делу революции, жили нелегально под чужими именами, отказывались от какой бы то ни было личной жизни, порывали связь с семьей и часто меняли свое место работы» *).

---

*) 25 лет Росс. Ком. Парт. (б.).

Рабочий-революционер.

Отстаивая идею организации профессиональных революционеров, Ленин громадное значение придавал выработке профессиональных революционеров рабочих и жестоко осуждал тех социалистов, которые невнимательно относились к этому вопросу. Ленин признавал, что, примерно, к 1902 году:

«не только вообще отстают революционеры от стихийного под'ема масс, но даже и рабочие-революционеры отстают от стихийного под'ема рабочих масс» (Что делать? 1902 г.).

Из этого факта Ленин делал тот вывод, что:

«Самая первая, самая настоятельная наша обязанность — содействие выработке рабочих-революционеров, стоящих на таком же уровне в отношении партийной деятельности, как и интеллигенты-революционеры... Поэтому, главное внимание должно быть обращено на то, чтобы поднимать рабочих до революционеров, отнюдь не на то, чтобы опускаться самим» до уровня середняка или рядовика.

«Мы не сознаем своей обязанности помогать всякому выдающемуся по своим способностям рабочему превращаться в профессионального агитатора, организатора, пропагандиста и проч. и проч. В этом отношении мы прямо позорно расхищаем свои силы, не умеем беречь то, что надо особенно заботливо растить и выращивать. Посмотрите на немцев: у них во сто раз больше сил, чем у нас, но они прекрасно понимают, что действительно способные агитаторы

и пр. выделяются «середняками» вовсе не слишком часто. Поэтому они тотчас же стараются поставить всякого способного рабочего в такие условия, при которых его способности могли бы получить полное развитие и полное применение: его делают профессиональным агитатором, его побуждают расширить поприще его деятельности, распространяя ее с одной фабрики на все ремесло, с одной местности на всю страну. Он приобретает опытность и ловкость в своей профессии, он расширяет свой кругозор и свои знания, он наблюдает бок-о-бок выдающихся политических вождей других местностей и других партий, он старается подняться сам на такую же высоту и соединить в себе знание рабочей среды и свежесть социалистических убеждений с той профессиональной выучкой, без которой пролетариат не может вести упорную борьбу с великолепно обученными рядами его врагов. Так и только так выдвигаются из рабочей массы Бебели и Ауэры *). Но то, что в политически свободной стране делается в значительной степени само собою, то у нас должны систематически проводить наши организации. Сколько-нибудь талантливый и «подающий надежды» агитатор из рабочих не должен работать на фабрике по 11 часов. Мы должны позаботиться о том, чтобы он жил на средства партии, чтобы он умел во-время перейти на нелегальное положение, чтобы он переменял места своей деятельности, ибо иначе он не выработает большой опытности, не расширит своего кругозора, не су-

*) Ауэр и особенно Бебель — крупные вожди немецкой социал-демократической партии; оба — рабочие.

меет продержаться несколько, по крайней мере, лет в борьбе с жандармами. Чем шире и глубже становится стихийный под'ем рабочих масс, тем больше выдвигают они не только талантливых агитаторов, но и талантливых организаторов и пропагандистов и «практиков» в хорошем смысле (которых так мало среди нашей интеллигенции, большею частью немножко по-российски халатной и неповоротливой). Когда у нас будут отряды специально подготовленных и прошедших длинную школу рабочих-революционеров (и притом, разумеется, революционеров «всех родов оружия») — тогда с этими отрядами не совладает никакая политическая полиция в мире, ибо эти отряды людей, беззаветно преданных революции, будут пользоваться также беззаветным доверием самых широких рабочих масс».

Значение организации революционеров.

Идея организации профессиональных революционеров, людей, которые целиком посвящали себя делу революции, сыграла громадную роль в истории нашей партии. После революции 1905 года меньшевики задним числом кричали, что Ленин в «Что делать?» и «Искре» якобы «преувеличивал» эту идею. Возражая меньшевикам, Ленин указывал им на превосходство нашей партии «в отношении ее сплоченности, организованности, преемственной цельности» по сравнению с другими партиями.

«Спрашивается, кто же реализовал в жизнь эту наибольшую сплоченность, прочность и устойчивость нашей партии? Это сделала создав-

шаяся больше всего при участии «Искры» организация профессиональных революционеров. Кто знает хорошо историю нашей партии, кто переживал сам ее строительство, тому достаточно простого взгляда на состав делегации любой фракции, скажем, Лондонского с'езда *), чтобы убедиться в этом, чтобы сразу заметить то старое, основное ядро, которое усерднее других партий пестовало и партию выпестовало. Конечно, основным условием этого успеха было то, что рабочий класс... из всех классов капиталистического общества отличается наибольшей способностью к организации... Но об'ективно максимальная способность пролетариата к об'единению в класс реализуется живыми людьми, реализуется не иначе, как в определенных формах организации. И никакая другая организация, кроме искровской, не могла бы в наших исторических условиях, в России 1900—1905 годов, создать такой социал-демократической рабочей партии, которая теперь создана. Профессиональный революционер сделал своё дело в истории русского пролетарского социализма. И никакие силы не разрушат теперь этого дела, которое давно переросло узкие рамки «кружков» 1902—1905 годов...». (Предисловие к сборнику «За 12 лет». 1907 г.)

«Профессиональные революционеры»—это люди, которые камешек за камешком строили нашу партию и в значительной мере еще и сейчас составляют руководящее ядро партии, наиболее крепкую и выдержанную часть ее «аппарата». Да и что другое

*) 1907 г.

представляли профессиональные революционеры в годы подполья и реакции, как не аппарат партии, ее узловые пункты, ее «скрепы»?

Недавняя оппозиция называла людей, руководящих и управляющих партией, «аппаратчиками». Но эти аппаратчики, партийцы-профессионалы являются прямыми продолжателями и преемниками «профессиональных революционеров». Нападая на аппарат, оппозиция стремилась ударить по руководящему партией кадру старых большевиков-ленинцев.

Боевая организация народовольцев и организационные идеи Ленина.

В пятой главе и в начале шестой мы изложили те организационные идеи, которые Ленин развивал на страницах «Искры» и в отдельных брошюрах. Эти идеи, легшие в основу построения нашей партии, уже при первом своем возникновении, еще до 2-го партийного с'езда, вызвали нападки оппортунистов, сводившиеся к тому, что Ленин по своим взглядам приближается к народовольцам, отстаивает заговорщическую организацию и не признает внутрипартийного демократизма.

Ленина и его единомышленников — «старо-искровцев» — упрекали, прежде всего, в том, что в области организационных вопросов они, со своей идеей крепкой централизованной революционной партии, примыкают к «устаревшим» народовольческим взглядам: пока не было массового рабочего движения, как во времена народовольцев, до тех пор была нужна боевая революционная организа-

ция, а теперь в такой организации, якобы, нет необходимости. Вот ответ Ленина обвинителям:

«У нас так плохо знают историю революционного движения, что называют «народовольчеством» всякую идею о боевой централизованной организации, об'являющей решительную войну царизму. Но та превосходная организация, которая была у революционеров 70-х годов и которая нам всем должна бы была служить образцом, создана вовсе не народовольцами, а землевольцами, расколовшимися на черно-передельцев и народовольцев. Таким образом, видеть в боевой революционной организации что-либо специфически народовольческое нелепо и исторически и логически, ибо всякое революционное направление, если оно только действительно думает о серьезной борьбе, не может обойтись без такой организации. Не в том состояла ошибка народовольцев, что они постарались привлечь к своей организации всех недовольных и направить эту организацию на решительную борьбу с самодержавием. В этом состоит, наоборот, их великая историческая заслуга. Ошибка же их была в том, что они опирались на теорию, которая в сущности была вовсе не революционной теорией, и не умели или не могли неразрывно связать своего движения с классовой борьбой внутри развивающегося капиталистического общества. И только самое грубое непонимание марксизма (или «понимание» его в духе «струвизма») могло породить мнение, что возникновение массового, стихийного рабочего движения избавляет нас от обязанности создавать такую же хорошую, какая была у зем-

левольцев, создать еще несравненно лучшую организацию революционеров. Напротив, это движение именно возлагает на нас эту обязанность, ибо стихийная борьба пролетариата и не сделается настоящей «классовой борьбой» его до тех пор, пока эта борьба не будет руководима крепкой организацией революционеров» (Что делать? 1902 г.)

Заговорщическая организация.

Следующее обвинение оппозиции заключалось в том, что своим требованием построить строго конспиративную, тайную организацию, Ленин, якобы, встает на путь заговора.

«Мы восстали — пишет Ленин — и всегда будем, конечно, восставать против сужения политической борьбы до заговора, но это, разумеется, вовсе не означало отрицания необходимости крепкой революционной организации».

Еще в 1897 году, в брошюре «Задачи русских социал-демократов», где Ленин указывал на ту «массу дела», которая предстоит русским социал-демократам

«по об'единению разбросанных по всем концам России рабочих кружков и социал-демократических групп в единую социал-демократическую рабочую партию!»—

в этой брошюре, наряду с полемикой против сведения политической борьбы к заговору,

«обрисовывается (как социал-демократический идеал) организация, настолько крепкая,

чтобы она могла «прибегнуть для нанесения решительного удара абсолютизму*) и к восстанию», и ко всякому «другому приему атаки». По своей форме такая крепкая революционная организация в самодержавной стране может быть названа и «заговорщической» организацией, ибо французское слово «конспирация» равносильно русскому «заговор», а конспиративность необходима для такой организации в максимальной степени. Конспиративность есть настолько необходимое условие такой организации, что все остальные условия (число членов, подбор их, функции и проч.) должны быть сообразованы с ним. Было бы поэтому величайшей наивностью бояться обвинения в том, что мы, социал-демократы, хотим создать заговорщическую организацию. Эти обвинения должны быть так же лестны для каждого врага экономизма, как и обвинение в «народовольчестве». (Что делать? 1902 г.)

Об игре в демократизм.

Наконец, последнее обвинение, пред'являвшееся Ленину «экономистами» и другими мелкобуржуазными течениями, заключалось в том, что Ленин в построении партии нарушает «демократический принцип», что взамен ленинского подбора работников сверху нужно проведение выборного начала, и что решения комитетов должны вступать в силу только в том случае, если эти решения предварительно обойдут все кружки.

---

*) Абсолютизм—самодержавие.

«Всякий согласится, вероятно — писал Ленин, — что «широкий демократический принцип» включает в себя два следующие необходимые условия: во-первых, полную гласность и, во-вторых, выборность всех функций»

Начнем сначала с гласности, с открытого ведения всех партийных дел.

«Без гласности смешно было бы говорить о демократизме, и притом такой гласности, которая не ограничивалась бы членами организации. Мы назовем демократической организацию немецкой социалистической партии, ибо в ней все делается открыто, вплоть до заседаний партийного с'езда; но никто не назовет демократической организацией—такую, которая закрыта от всех не-членов покровом тайны. Спрашивается, какой же смысл имеет выставление «широкого демократического принципа», когда основное условие этого принципа неисполнимо для тайной организации? «Широкий принцип» оказывается просто звонкой, но пустой фразой».

Какая, в самом деле, могла быть гласность при царе, раз партия находилась в подпольи, скрывалась от царских жандармов? Ленин решительно высказывался также против требования «избирать всех руководителей и должностных лиц партии».

«Не лучше обстоит дело и со вторым признаком демократизма,—с выборностью. В странах с политической свободой это условие подразумевается само собою. «Членом партии считается всякий, кто признает принципы партий-

ной программы и поддерживает партию по мере своих сил» — гласит первый параграф организационного устава немецкой социал-демократической партии. И так как вся политическая арена открыта перед всеми, как подмостки сцены перед зрителями театра, то это признание или непризнание, поддержка или противодействие известны всем и каждому и из газет и из народных собраний. Все знают, что такой-то политический деятель начал с того-то, пережил такую-то эволюцию *), проявил себя в минуту жизни трудную так-то, отличается вообще такими-то качествами, — и потому, естественно, такого деятеля могут с знанием дела выбирать или не выбирать на известную партийную должность все члены партии. Всеобщий (в буквальном смысле слова) контроль за каждым шагом человека партии на его политическом поприще создает автоматически действующий механизм, дающий то, что называется в биологии**) «выживанием наиболее приспособленных». «Естественный отбор» полной гласности, выборности и всеобщего контроля обеспечивает то, что каждый деятель оказывается, в конце концов, «на своей полочке», берется за наиболее подходящее его силам и способностям дело, испытывает на себе самом все последствия своих ошибок и доказывает перед глазами всех свою способность сознавать ошибки и избегать их.

«Попробуйте-ка вставить эту картину в рамки нашего самодержавия! Мыслимо ли у нас, чтобы все, «кто признает принципы партийной про-

*) Эволюция—постепенное развитие, изменение.
**) Биология—наука о жизни, о живых существах.

граммы и поддерживает партию по мере своих сил», контролировали каждый шаг революционера-конспиратора? Чтобы все они выбирали из числа последних того или другого, когда революционер обязан в интересах работы скрывать от девяти десятых этих «всех», кто он такой? Вдумайтесь хоть немного в настоящее значение тех громких слов, с которыми выступает «Раб. Дело»*), и вы увидите, что «широкий демократизм» партийной организации в потемках самодержавия, при господстве жандармского подбора, есть лишь пустая и вредная игрушка. Это — пустая игрушка, ибо на деле никогда никакая революционная организация широкого демократизма не проводила и не может проводить даже при всем своем желании. Это — вредная игрушка, ибо попытки проводить на деле «широкий демократический принцип» облегчают только полиции широкие провалы и увековечивают царящее кустарничество, отвлекают мысль практиков от серьезной настоятельной задачи вырабатывать из себя профессиональных революционеров....».

«Экономисты» и другие мелкобуржуазные группировки занимались демагогией, раздаванием невыполнимых по условиям революционной борьбы обещаний, в роде «широкой демократии», выборности всех должностных лиц и пр. Проведение демократии в годы подполья было вредно для партии, и Ленин это прямо говорил, называя демагогами тех, кто делал вид, будто демократия осу-

*) «Рабочее Дело»—журнал экономистов.

ществима, но только зловредные ленинцы не хотят проводить ее.

«Единственным серьезным организационным принципом для деятелей нашего движения должно быть: строжайшая конспирация, строжайший выбор членов, подготовка профессиональных революционеров. Раз есть налицо эти качества,—обеспечено и нечто большее, чем «демократизм», именно: полное товарищеское доверие между революционерами. А это большее безусловно необходимо для нас, ибо о замене его демократическим всеобщим контролем у нас в России не может быть и речи. И было бы большой ошибкой думать, что невозможность действительно «демократического» контроля делает членов революционной организации бесконтрольными: им некогда думать об игрушечных формах демократизма (демократизма внутри тесного ядра пользующихся полным взаимным доверием товарищей), но свою ответственность чувствуют они очень живо, зная притом по опыту, что для избавления от негодного члена организация настоящих революционеров не остановится ни перед какими средствами».

Большевики и меньшевики.

На втором партийном с'езде те оппортунисты, против которых боролся Ленин, роптали против ленинского «чудовищного централизма», якобы ведущего к «уничтожению» низших организаций, «проникнутого насквозь стремлением предоставить цен-

тру неограниченную власть, право неограниченного вмешательства во все», предоставляющего организациям «одно лишь право — повиноваться безропотно тому, что будет приказано свыше» и т. д. На с'езде, как известно, произошло разделение на большевиков и меньшевиков. Уже на с'езде меньшевики начали развивать такие взгляды на партию (спор о первом пункте устава), которые являлись продолжением—в измененной форме—прежних организационных идей оппортунистов, а когда после с'езда руководящие центры партии оказались на короткий срок в руках большевиков, меньшевики подняли крик об «осадном положении», якобы введенном в партии Лениным, о том, что он превращает членов партии в «колесики и винтики», и начали раскалывать только-что созданное единство партии. Меньшевики не желали признавать централизма и строгой дисциплины, отстаиваемых Лениным. Ленин требовал, чтобы партия строилась сверху, строилась на основе строжайшего централизма, на основе подчинения меньшинства большинству, части—целому, на основе точного выполнения нижестоящими учреждениями партии постановлений вышестоящих органов. То, что приходилось терпеть в эпоху кустарничества и кружковщины, в период разброда и шатания, то уже было недопустимым после создания партии: теперь нельзя было все внутрипартийные отношения сводить исключительно к убеждению, уговариванию тех, кто не хотел подчиняться постановлениям партии. Нет, раз партия создана, то наряду с убеждением начинает действовать и дисциплина, подчинение меньшинства — большинству. Меньшевики не желали признавать партий-

ной дисциплины. Выполнять, по их мнению, нужно только то, с чем согласен, а если несогласен, то можно и не выполнять. Меньшевикам была чужда и ненавистна мысль о твердой, железной дисциплине внутри партии пролетариата. Они никогда не понимали, что такое организованность.

«Наивные люди! — писал Ленин после 2-го с'езда. — Они уже забыли, что прежде наша партия не была организованным формально целым, а лишь суммой частных групп, и потому иных отношений между этими группами, кроме идейного воздействия, и быть не могло». (Шаг вперед, два шага назад. 1904 г.)

Пока мы составляли самостоятельные, независимые кружки и группы, до тех пор мы могли лишь убеждать друг друга («идейное воздействие»), если хотели добиться единства действий. Но, раз мы решили об'единиться в партию, то извините: меньшинство обязано подчиняться большинству.

«Теперь мы стали организованной партией, а это и означает создание власти, превращение авторитета идей в авторитет власти, подчинение партийным высшим инстанциям со стороны низших».

Ленин добивался того, чтобы никто в партии не смел подрывать дисциплину, ослаблять влияние центральных учреждений, уменьшать чувство ответственности отдельных членов и отдельных организаций перед партией в целом. Иметь для всей партии единую программу — это очень хорошо; единую тактику—тоже хорошо, но, помимо единой программы и тактики, нужно иметь еще и единую

организацию. Только после этого можно говорить о настоящей партии в полном смысле этого слова.

«Пока у нас не было единства в основных вопросах программы и тактики, мы прямо и говорили, что живем в эпоху разброда и кружковщины».

Но вот удалось добиться единой программы и единой тактики.

«Теперь нам надо сделать следующий шаг, и мы его, по общему нашему соглашению, сделали: выработали формы единой, сливающей все кружки воедино, организации».

Возникновение меньшевизма, начавшего раскалывать партию, показало, что достигнутое с таким трудом единство организации является непрочным и неполным. Со времени 2 с'езда в рамках формально «единой» российской социал-демократической рабочей партии фактически существовало две разных партии: большевистская и меньшевистская. Они временами сближались, временами отдалялись, не переставая на деле быть отдельными партиями, со своими собственными центрами и со своей внутренней дисциплиной. Поскольку большевики и меньшевики не разрывали окончательно и целиком всех организационных связей между собой, они являлись двумя «фракциями» официально единой партии. Понадобилось не мало лет упорной борьбы за влияние на рабочий класс, прежде чем большевикам удалось сплотить вокруг себя подавляющее большинство рабочих, порвать с меньшевиками-ликвидаторами и оформиться уже не так фракция, а так партия (в 1912 г.), как единая партия пролетариата.

Бюрократизм и демократизм.

Послушаем теперь, как оппортунисты изображали идею Ленина о единой, централизованной, дисциплинированной партии пролетариата. Ленин, говорили меньшевики, ставит на первый план «не внутреннее об'единение, а внешнее, формальное единство, осуществляемое и охраняемое чисто механическими средствами, путем подавления инициативы общественной самодеятельности»; Ленин-де проповедует «бюрократический централизм», отстаивает систему «самодержавно-бюрократического управления партией»; мы не крепостные и проч. О самом Ленине заявлялось, что он—бюрократ, самодержец, формалист, сверхцентр, односторонний, прямолинейный, упрямый, узкий, подозрительный, неуживчивый. Так титуловали меньшевики Ленина и его идею централизованной партии. Мы нарочно привели оценку меньшевиками большевистского понимания партии, ибо не раз и не два, а постоянно нашей партии делались подобные упреки распущенными мелкобуржуазными элементами. Почти в тех же выражениях, как и меньшевики, люди, непонимающие существа пролетарской организованности, кричали и кричат о подавлении самодеятельности, о бюрократическом централизме и т. д. и т. п. Ленин выводил меньшевиков на чистую воду и говорил им: вы кричите о бюрократизме потому, что партия действует не по вашей воле, а вопреки ей; своими криками о бюрократизме вы лишь прикрываете свое недовольство личным составом партийных центров; вы кричите о «механическом» давлении потому, что не хотите подчиниться воле большинства и тем проявляете худ-

ние черты интеллигентщины, «интеллигентский индивидуализм», «барский анархизм». Но, говорил Ленин:

> «Пролетариат не боится организации и дисциплины, господа... Пролетариат не станет печься о том, чтобы г.г. профессора и гимназисты, не желающие войти в организацию, признавались членами партии за работу под контролем организации. Пролетариат воспитывается к организации всей своей жизнью гораздо радикальнее, чем многие интеллигентики. Не пролетариату, а некоторым интеллигентам в нашей партии недостает самовоспитания в духе организации и дисциплины, в духе вражды и презрения к анархической фразе». (Шаг вперед, два шага назад. 1904 г.)

Это сказано замечательно верно и остается правильным по сей день, ибо в партии всегда бывают элементы, которым недостает организационного «самовоспитания». Партия должна бороться не только с анархическими действиями, разрушающими организацию, но и с анархическими фразами: высмеиванием дисциплины, иронизированием над ней, восхвалением распущенности.

Нападая на «бюрократизм» Ленина, меньшевики одновременно защищали «автономию», чрезмерную самостоятельность отдельных организаций по отношению ко всей партии в целом, отрицали строгую дисциплину и централизм, проповедывали демократию и «самозачисление» в партию. В лице большевиков-ленинцев и меньшевиков столкнулись два противоположных понимания партийности. Ленин резко и отчетливо формулировал точку зрения боль-

шевиков: мы за «бюрократизм» в том смысле, что партия строится сверху вниз, от партийного с'езда к отдельным партийным организациям, и против ложного «демократизма», против построения партии снизу вверх. (Шаг вперед, два шага назад, 1904 г.)

«Бюрократизм, по отношению к демократизму, это и есть централизм—против автономизма, это и есть организационный принцип революционной социал-демократии по отношению к организационному принципу оппортунистов социал-демократии. Последний стремится итти снизу вверх и потому отстаивает везде, где можно и насколько можно, автономизм, «демократизм», доходящий (у тех, кто усердствует не по разуму) до анархизма. Первый стремится исходить сверху, отстаивая расширение прав и полномочий центра по отношению к части. В эпоху разброда и кружковщины этим верхом, от которого стремилась организационно исходить революционная социал-демократия, был неизбежно один из кружков, наиболее влиятельный в силу своей деятельности и своей революционной последовательности (в нашем случае — организация «Искры»). В эпоху восстановления фактического единства партии и распущения в этом единстве устарелых кружков, таким верхом неизбежно является партийный с'езд, как верховный орган партии; с'езд соединяет по возможности всех представителей активных организаций и, назначая центральные учреждения... делает их верхом впредь до следующего с'езда».

Таким образом, при построении партии Ленин отстаивал «бюрократизм» в том смысле, что партия

проводит строгий централизм, подбирает руководителей сверху и т. д. Но, разумеется, большевики всегда были против того бюрократизма, который означает бездушное отношение к делу, предпочтение формальности перед существом дела и пр.

Об оппортунизме.

Наблюдая меньшевиков, Ленин отмечал следующие признаки оппортунизма:

> «Когда говорится о борьбе с оппортунизмом, не следует никогда забывать характерной черты всего современного оппортунизма во всех и всяческих областях: его неопределенности, расплывчатости, неуловимости. Оппортунист, по самой своей природе, уклоняется всегда от определенной и бесповоротной постановки вопроса, отыскивает равнодействующую, вьется ужом между исключающими одна другую точками зрения, стараясь «быть согласным» с той и с другой, сводя свои разногласия к поправочкам, сомнениям, к благим и невинным пожеланиям и проч. и проч.».

Когда в партии заводятся оппортунисты, они не заявляют прямо, открыто и недвусмысленно, что они против организационных идей Ленина, против дисциплины, против централизма и проч. Нет, они заявляют, что они вполне «согласны» с этими идеями, но только как эти идеи понимать? Они вполне «согласны», но хотели бы внести небольшую «поправочку», дополнить ее маленькой «оговерочкой», которая свела бы на-нет ту идею, с которой совсем-совсем «согласны».

И другую еще черту отметил у оппортунистов Ленин:

«В тесной психологической связи с ненавистью к дисциплине стоит та неумолчная, тягучая нота обиды, которая звучит во всех писаниях всех современных оппортунистов вообще и нашего меньшинства в частности. Их преследуют, их теснят, их выпихивают, их осаждают, их заезжают... Возьмите, в самом деле, протоколы нашего партийного с'езда — вы увидите, что меньшинство — это все обиженные, все те, кого когда-либо и за что-либо обижала революционная социал-демократия».

Революционеры не могут не «обижать» оппортунистов, разоблачая их перед рабочими и лишая возможности влиять на рабочие организации. То, что Ленин писал в 1904 году о «тягучей ноте обиды» у меньшевиков и их предшественников, во многом применимо к различным оппозициям внутри нашей партии. Всякий раз как «об'является» какая-нибудь оппозиция против ленинской линии партии, полезно задать себе вопрос: а не подойдут ли сюда слова Ленина насчет обиженных и преследуемых? Наверное подойдут. Наверное будут жалобы на травлю, гонение, создание невозможных условий и проч.

Глава VII.

Борьба за третий с'езд.

При составлении центральных учреждений партии на 2 с'езде большинством голосов прошел список, предложенный Лениным и его сторонниками. Таким образом, центральные учреждения партии (центральный орган «Искра», центральный комитет, Совет Партии) оказались в руках большевиков. Сейчас же после с'езда меньшевистская оппозиция начинает подготовлять раскол партии и дезорганизует всю партийную работу. Меньшевикам удается завладеть центральными учреждениями партии, находящимися за границей, и вытеснить из них большевиков. Большинство партии, большинство русских организаций на стороне Ленина и большевиков. Меньшевики ведут борьбу против созыва третьего с'езда. «Русские работники об'единяются для отпора заграничному кружку, опозорившему нашу партию». Создается бюро комитетов большинства по созыву третьего партийного с'езда. Меньшевики не пожелали явиться на 3 с'езд (май 1905 г.) и отдельно открыли свою конференцию. Большевики на с'езде избирают Центральный Комитет партии; меньшевики, на своей конференции, создают Организационный Комитет (меньшевиков). Раздельное существование двух организаций: большевистской и меньшевистской. Под давлением рабочих низов большевики и меньшевики принуждены итти на об'единение. 4-й с'езд партии (об'единительный) в апреле 1906 г. На с'езде незначительное большинство голосов оказалось на стороне меньшевиков, и Центральный Комитет избирается меньшевистский,

Борьба большевиков против меньшевистского Ц. К. Большевики продолжают существовать как фракция внутри формально единой партии и имеют свой собственный центр. Весной 1907 г. происходит 5 с'езд партии (Лондонский); на нем создается Ц. К. с неустойчивым, непостоянным большинством большевиков. В то же время большевики сохраняют существование своей фракции с особым большевистским центром. Нам нужно рассмотреть некоторые моменты из истории борьбы большевиков и меньшевиков в 1903—1907 г.г.

Летом 1904 года, когда партийные центры уже находились в руках меньшевиков, завладевших ими вопреки воле 2 с'езда, Ленин и большевики обратились с воззванием «К партии». Ленин писал в нем, что:

> «Тяжелый кризис партийной жизни все затягивается. Ему не видно конца...
>
> «Единство партии подорвано глубоко, ее внутренняя борьба вышла из рамок всякой партийности. Организационная дисциплина расшатана до самых основ, способность партии к стройному об'единенному действию превращается в мечту». (К партии. 1904 г.)

Выяснив характер того кризиса, который переживала партия (столкновение «кружковщины» с партийностью и дисциплиной), Ленин указывает, кто идет за меньшевиками и кто за большевиками.

> «Заграничная часть партии, где кружки отличаются сравнительной долговечностью, где группируются теоретики различных оттенков, где решительно преобладает интеллигенция — эта часть партии должна была оказаться

наиболее склонной к точке зрения «меньшинства». Поэтому там оно и оказалось вскоре действительным большинством. Напротив, Россия, где громче слышится голос организованных пролетариев, где и партийная интеллигенция в более живом и тесном общении с ними воспитывается в более пролетарском духе, где тяжесть непосредственной борьбы сильнее заставляет чувствовать необходимость организованного единства работы, — Россия решительно выступила против кружковщины, против анархических дезорганизующих тенденций*). Она определенно выразила это свое отношение к ним в целом ряде заявлений со стороны комитетов и других партийных организаций».

Меньшевики, захватившие партийные центры, вели борьбу против партии, не заботились о сохранении партийного мира и единства, дезорганизовали работу, рвали партию.

«Положение стало невыносимым, невозможным; затягивать его дальше прямо преступно.

«Первым средством выйти из него мы считаем полную ясность и откровенность в партийных отношениях. Среди грязи и тумана нельзя уже найти верную дорогу. Каждое партийное течение, каждая группа должны открыто и определенно сказать, что они думают о нынешнем положении партии и какого выхода из него они хотят. С этими предложениями мы и обращаемся ко всем товарищам, к представителям всех оттенков партии. Практический выход из кри-

*) Тенденция—стремление, наклонность.

зиса мы видим в немедленном созыве третьего партийного с'езда. Он один может выяснить положение, разрешить конфликты, ввести в рамки борьбу. Без него можно ожидать только прогрессивного *) разложения партии».

Интригам и происками меньшевиков Ленин противопоставил ясный лозунг: созыв 3 партийного с'езда, который заставит склониться перед собой анархически настроенные элементы. Меньшевики, боясь потерять власть в партии, были против созыва с'езда. Они приводили, между прочим, тот довод, что с'езд может расколоть партию, а они, меньшевики, против раскола. Вскрывая лицемерие меньшевиков, Ленин писал:

«Если меньшинство непримиримо в своих анархических стремлениях, если оно готово скорее итти на раскол, чем подчиниться партии, то оно фактически уже откололось от нее, и тогда оттягивать неизбежный формальный раскол более чем неразумно, — скованные одной цепью, обе стороны все более и более бессмысленно растрачивали бы свои силы на мелкую борьбу и дрязги, нравственно истощаясь и мельчая».

Раз вы твердо решили не подчиняться партии — говорил Ленин меньшевикам — значит раскол неизбежен, тогда незачем играть в прятки, а надо раскалываться. Большевики боролись за сохранение единства партии до конца, пока только было можно, но раз партию заставляют итти на раскол — ничего не поделаешь, большевики не боялись, когда нужно, итти и на раскол. Меньшевики раскалывали

*) Увеличивающегося, разрастающегося.

партию, большевики отстаивали ее единство. Указав те преобразования, которые нужно провести в партии, Ленин писал в воззвании:

«Выступая с этой программой борьбы за единство партии, мы приглашаем представителей всех других оттенков и все партийные организации определенно высказаться по вопросу об их программах, чтобы создать возможность серьезной и последовательной, сознательной и планомерной подготовки к с'езду. Для партии решается вопрос жизни, вопрос чести и достоинства: существует ли она как идейная и реальная сила, способная разумно организовать себя настолько, чтобы выступить действительной руководительницей революционного рабочего движения нашей страны».

Позже, когда с'организовалось Бюро Комитетов большинства, Ленин и большевики писали (февраль 1905 г.):

«Партия должна сделать себя достойной своей великой идеи. Где причины слабости социал-демократии? Ответ простой. В отсутствии партийного единства, политической неспособности официальных вождей партии. Эти две причины неразделимы. Неспособность официальных вождей поддерживала и обостряла неурядицу, Неурядица, запутывая их все больше и отнимая у них возможность производительной партийной работы, делала их все более негодными. Мы, сторонники партийного большинства, давно уже ведем борьбу за единство партии. Мы давно указывали на единственный возможный

для партии, единственный достойный ее выход из этой неурядицы, на партийный с'езд.

«Мы давно указывали на новые и труднейшие тактические и организационные задачи, которых не в силах и не в праве разрешить самостоятельно наши центры. Мы выяснили, что время не терпит, что скоро будет поздно, что партия рискует раздробленной и бессильной попасть в поток великих событий, рискует потерять тогда свою политическую честь и проиграть дело пролетариата. Как же отнеслись ко всему этому центры? Ц. О. упорно продолжал свою борьбу против большинства партии, лицемерно говоря в последнее время о партийном мире, угрожал расколом на с'езде, хотя было выяснено, что никаких программных разногласий в партии нет, а тактические и организационные не так велики, чтобы угрожать единству партии при очной ставке ее оттенков. Совет партии отчаянно боролся против с'езда, открыто нарушая устав партии». (Извещение о созыве третьего партийного с'езда. 1905 г.)

В 1904—5 годах задача большевиков состояла в том, чтобы выгнать меньшевиков из центральных учреждений партии. Поэтому Ленин резко критикует «официальных вождей» (т.-е. меньшевиков), обвиняет их в «политической неспособности», «лицемерии», «негодности» и т. д.

Большевики созвали партийный с'езд вопреки воли меньшевистских верхов, с нарушением формальностей. Вот что писал по этому поводу Ленин:

«С'езд необходим. Это сознано комитетами большинства, и они выбрали путем ряда конфе-

ренций... организационное бюро III с'езда, при чем предоставляли этому бюро право, когда будут исчерпаны средства, добиться, чтобы с'езд был организован центрами, выступить в роли организационного комитета и устроить самый с'езд. Теперь все средства исчерпаны. На все вопросы большинства Ц. К. отвечал отказом созвать с'езд или при помощи уклончивых ответов старался затянуть дело. Между тем время не ждет. Грозные события надвигаются. В виду этого организационное бюро приступает к делу организации с'езда. Если бы у кого-нибудь все еще остались сомнения, законен ли созыв с'езда не через центры, то мы такому товарищу ответим одно: революционные события вызывают к действию революционное право, а оно отрицает практические негодные учреждения. Надо спасти честь партии, спасти дело пролетариата» (Извещение о созыве третьего партийного с'езда. 1905 г.)

Здесь, как и во всех других случаях, Ленин ставил революционную целесообразность выше всяких формальных доводов. Интересы дела требовали созыва третьего с'езда, и поэтому он был созван большевиками.

«Когда формы изжиты, когда растущей и развивающейся партии тесно в этих формах, нельзя видеть спасения только в том, чтобы в сотый и сотый раз твердить о святости буквы закона. Это не выход из кризиса, и единственным выходом может быть только созвание партийного с'езда». (Открытое письмо председателю Совета Р. С.-Д. Р. П., тов. Плеханову. 1905 г.)

«Конституционные гарантии».

Ради сохранения единства партии большевики, за которыми в то время шло большинство рабочего класса, готовы были предоставить меньшевикам всякие «права», обеспечивающие меньшевикам возможность отстаивать их взгляды внутри партии. Ленин писал по этому поводу, что «для прекращения смуты, для восстановления нормальной партийной жизни» нужно, чтобы третий партийный с'езд провел, между прочим, такое мероприятие.

> «Гарантирование уставным путем партийных способов ведения партийной борьбы. Необходимость такой реформы выясняется из всего опыта после с'ездовской борьбы. Требуется обеспечить в уставе партии право всякого меньшинства, чтобы этим путем отвести постоянные и неустранимые источники разногласий, недовольства и раздражения из старого кружкового, обывательского русла скандала и дрязги в непривычное еще русло оформленной и достойной борьбы за убеждение». (К партии. 1904 г.)

Поскольку за меньшевиками шла часть рабочих, поскольку расхождение большевиков и меньшевиков не стало еще окончательно непримиримым, постольку большевики считали возможным до времени «сожительствовать» с меньшевиками в одной партии. Раз вы действительно хотите оставаться внутри единой партии, говорил Ленин меньшевикам, то вы должны вести борьбу за свои взгляды не путем анархических действий, а строго партийным, организованным путем. Для этого мы готовы

дать вам, как меньшинству, соответствующие «гарантии», «права». В этом духе был составлен партийный устав на третьем с'езде. Позже, когда на очередь встал вопрос об об'единении большевиков и меньшевиков, Ленин отмечал, что 3 с'езд создал устав, который

> «дает конституционные гарантии прав всякого меньшинства. III с'езд позаботился о местечке, если можно так выразиться, для всякого меньшинства в партии, признающего программу, тактику и организационную дисциплину. Большевики позаботились дать определенное место в единой партии и меньшевикам. Со стороны меньшевиков мы этого не видим: их устав не дает никаких конституционных гарантий прав всякого меньшинства в партии». (Предисловие к брошюре: «Рабочие о партийном расколе». Июль, 1905 г.)

Тогда же, в июле 1905 г., Ленин, перечисляя условия, на которых возможно слияние, подтверждал, что:

> «Права всякого партийного меньшинства должны быть равным образом точно определены в уставе партии».

Заметим, что накануне третьего с'езда и вскоре после него большинство в партии было за нас, за большевиков, и именно большевистское большинство было готово обеспечить «права» оппозиции, «права» меньшевистского меньшинства. Само собой разумеется, что если бы в меньшинстве оказались мы, то мы, в свою очередь, потребовали бы «конституционных гарантий» для себя. На 4 с'езде боль-

шинство голосов оказалось на стороне меньшевиков, и мы перешли на положение оппозиции.

Вопрос об «охране прав» меньшинства интересен для нас, между прочим, еще и потому, что он всплыл во время последней дискуссии. Некоторые товарищи, отстаивавшие допустимость в партии группировок, ссылались в свое оправдание на мнение Ленина, приводили те же выписки из Ленина, которые приведены нами, и говорили сторонникам партийной линии так: вы — против группировок, а вот Ленин считал, что если в партии есть оппозиционное меньшинство, то партия должна дать этому меньшинству «конституционные гарантии», обеспечивающие и охраняющие права этого меньшинства, должна дать возможность меньшинству организационно оформиться, существовать в виде группировки; вы это отрицаете, стало быть, вы несогласны с учением Ленина.

Ссылаться в доказательство допустимости группировок в нашей партии на тактику Ленина в эпоху борьбы за партию с меньшевиками — это значит грубейшим образом искажать ленинизм. В самом деле: мы до времени должны были жить вместе с меньшевиками в одной партии; раз еще не созрели условия, делавшие полный и окончательный разрыв с меньшевиками безусловной необходимостью, — то совершенно естественно, что нужны были такие организационные формы, которые делали бы возможным совместное пребывание двух р а з н ы х партий: большевистской и меньшевистской в одной о б щ е й партии: российской социал-демократической рабочей партии. Отсюда совершенно естественный вывод о «конституционных

гарантиях» и об охране прав меньшинства, которым попеременно были то меньшевики, то большевики. Без этого условия большевики и меньшевики не стали бы жить вместе. Всякому ясно, что «конституционные гарантии» это вынужденный шаг со стороны большевиков, которые не господствовали пока еще полностью и безраздельно в партии, должны были терпеть в ней меньшевиков, считаться с ними. Созывая 2-й с'езд (1903 г.), ленинцы думали создать на нем единую партию пролетариата вместо прежних кружков и групп. Оказалось, что нужна еще долгая и упорная борьба за единую партию: только в 1912 году большевики сконструировались как партия, выгнав меньшевиков-ликвидаторов. В годы 1917—24 большевизм является общепризнанным вождем русского рабочего класса. Звать сейчас к группировкам, допускать их в нашей партии и в доказательство ссылаться на борьбу большевиков с меньшевиками — это и значит производить то искажение ленинизма, от каковского мы предупреждали читателя в самом начале брошюры.

Извратители ленинизма забывают две вещи. Во-первых: если большевикам приходилось долгое время терпеть рядом с собой фракцию меньшевиков, то внутри себя большевизм никаких фракций или группировок не допускал, но исключал их из партии, раз была потеряна надежда переубедить «группировщиков». Так большевистская партия поступила с «левыми» группировками в 1909 г. Во-вторых: 10-й с'езд партии (1921 г.) по предложению Ленина провел постановление, запрещающее в нашей партии какие-бы ни ни было группировки. Извратители ленинизма за-

малчивают резолюцию 10-го с'езда. Об этой резолюции мы еще будем говорить позже, равно как об исключении «левых» в 1909 г.

Переход к демократической организации партии.

Как раньше с «экономистами», так теперь после 2 с'езда партии, с «меньшевиками» Ленину и большевикам приходилось спорить по вопросу о демократизме, о применении выборного начала в партии.

> «Мы, представители революционной социал-демократии, сторонники «большинства», неоднократно говорили, что демократизация партии, проведенная до конца, была невозможна при условиях конспиративной работы, что «выборное начало» при этих условиях есть фраза. И жизнь подтвердила наши слова». (Реорганизация партии. 1905 г.)

Так писал Ленин в ноябре 1905 г., спустя два года после второго с'езда партии. Меньшевики демагогически уверяли рабочих, будто они, меньшевики, стоят за демократию, за самодеятельность рабочих, за выборное начало, а большевики против этого. На самом деле меньшевики, выставляя себя перед рабочими как сторонников демократизма, никакой демократии не проводили, и сами меньшевики-рабочие изобличали своих руководителей в фразерстве.

> «Неоднократно в литературе отмечалось уже бывшими сторонниками меньшинства, что фактически никакой серьезной демократизации,

никакой действительной выборности провести не удавалось».

Ленин и большевики считали

«демократизм, т.-е. всеобщее применение выборного начала в русских конспиративных организациях, несовместимым с самодержавно-полицейским строем». (Соловья баснями не кормят. 1905 г.)

Об этом большевики прямо и говорили рабочим: в условиях подполья нельзя, чтобы комитет избирался всей организацией. Не выйдет это.

«Большевики презирали и презирают «красивые слова» об автономии и самодеятельности рабочих, когда эти слова (как у меньшевиков) остаются только словами».

Конспирация не допускала выборности, значит нечего ее проповедывать. Зато нужно требовать, чтобы сами комитеты вводили в свой состав возможно большее число рабочих. Это Ленин и советовал большевикам.

Ленин отстаивал построение партии сверху лишь до тех пор, пока политическая жизнь России была такова, что свободное существование партии, а следовательно и применение в ней выборного начала, было невозможно. Как только, однако, всеобщая октябрьская забастовка изменила условия деятельности нашей партии—последняя тотчас же перестроилась, реорганизовалась применительно к новым условиям. О переходе партии к демократизму дает представление статья Ленина «О реорганизации партии» (ноябрь 1905 г.).

«Условия деятельности нашей партии коренным образом изменяются. Захвачена свобода собраний, союзов, печати. Конечно, эти права до последней степени непрочны, и полагаться на теперешние свободы было бы безумием, если не преступлением. Решительная борьба еще впереди, и подготовка к этой борьбе должна стоять на первом плане. Конспиративный аппарат партии должен быть сохранен. Но вместе с тем безусловно необходимо использовать самым широким образом теперешний, сравнительно более широкий простор. Безусловно, необходимо наряду с конспиративным аппаратом создавать новые и новые, открытые и полуоткрытые, партийные (и примыкающие к партии) организации. Без этой последней работы приспособить нашу деятельность к новым условиям, оказаться в состоянии решить новые задачи, немыслимо...

«В самом деле, теперь настала, или настает, во всяком случае, пора, когда выборное начало можно применять в партийной организации не на словах, а на деле, не как красивую, но пустую фразу, а как действительно новое начало, действительно обновляющее, расширяющее и укрепляющее партийные связи. «Большинство» в лице Ц. К. прямо призвало к немедленному применению и введению выборного начала». (О реорганизации партии. 1905 г.).

Общую задачу Ленин формулировал так: сохранить пока конспиративный аппарат и развить новый, открытый. На предполагавшийся 4 большевистский с'езд (с'езд не состоялся) решено было дать право голоса всем членам партии, не только «комитетчикам», но и рабочим.

В связи с новыми условиями деятельности партии, Ленин стоял за возможно более широкое вовлечение в партию рабочих. Не было ли тут опасности для партии?

«Опасность могли бы усмотреть в том, что в партию войдут сразу массы не социал-демократов. Тогда партия растворится в массе, партия перестанет быть сознательным, передовым отрядом класса, партия принизится до роли хвоста. Это был бы безусловно плачевный период».

Но эта опасность исключена тем, что

«мы все время решительно, открыто и прямо боролись с малейшими попытками демагогии, требовали сознательности от входящих в партию, настаивали на гигантском значении преемственности в деле партийного развития, проповедывали дисциплину и воспитание всех членов партии в одной из партийных организаций».

Ленин показывает, почему партия должна широко открыть двери рабочим:

«Социал-демократия создала себе имя, создала направление, создала кадры рабочих социал-демократов. И в настоящий момент, когда геройский пролетариат доказал на деле свою готовность к борьбе и свое умение бороться солидарно, выдержанно, за ясно созданные цели, бороться в чисто-социал-демократическом духе,—в такой момент прямо смешно было бы сомневаться в том, что рабочие, которые входят в нашу партию и которые завтра, по приглаше-

нию Ц. К., войдут в нее, будут в 99 случаях из 100 социал-демократы. Рабочий класс инстинктивно, стихийно социал-демократичен, а более чем десятилетняя работа социал-демократии очень и очень уж не мало сделала для превращения этой стихийности в сознательность. Не стройте себе воображаемых ужасов, товарищи! Не забывайте, что во всякой живой и развивающейся партии всегда будут элементы неустойчивости, шатания, колебаний. Но эти элементы поддаются и поддадутся воздействию выдержанного и сплоченного ядра социал-демократов».

И Ленин так кончает свой призыв:

«Подполье рушится. Смелей же вперед, берите новое оружие, раздавайте его новым людям, расширяйте свои опорные базы, зовите к себе всех рабочих-социал-демократов, включайте их в ряды партийных организаций сотнями и тысячами. Пусть их делегаты оживят ряды наших центров, пусть вольется через них свежий дух молодой революционной России. До сих пор революция оправдывала и оправдала все основные теоретические положения марксизма, все существенные лозунги социал-демократии. И революция оправдала также нашу, с.-д. работу, оправдала нашу надежду и веру в истинную революционность пролетариата. Отбросим же всякую мелочность в необходимой реформе партии: встанем сразу на новый путь. Это не отнимет у нас старого конспиративного аппарата (признание и утверждение его рабочими-социал-

демократами несомненно: оно доказано жизнью и ходом революции во сто раз внушительнее, чем могли бы доказать это решения и постановления). Это даст нам и новые, молодые силы, выходящие из самых недр единственного действительно революционного и до конца революционного класса, который завоевал России половину свободы, который завоюет ей полную свободу, который поведет ее через свободу к социализму!».

Читатель замечает, как многое в словах Ленина, сказанных им в 1905 году, применимо к 1924 году, когда в партию вошло больше 100.000 рабочих. Особенно поучительны указания Ленина об отношении старых членов партии (т.-е. главным образом, «комитетчиков») к новичкам.

«Товарищи, богатые опытом революционной работы при условиях самодержавия, должны притти на помощь своими советами всем тем, кто начинает социал-демократическую работу при новых «свободных» (свободных пока еще в кавычках) условиях. Само собою разумеется, что при этом со стороны членов наших комитетов требуется много такта: прежние формальные прерогативы *) теперь неизбежно теряют значение, и необходимо заново начинать сплошь да рядом «с начала», доказать широким слоям новых товарищей по партии всю важность выдержанной социал-демократической программы, тактики, организации. Нельзя забывать, что до сих пор слишком часто имели дело только с вы-

*) Преимущества.

делившимися из данного социального слоя революционерами, теперь же мы будем иметь дело с типичными представителями массы: эта перемена требует перемены приемов не только пропаганды и агитации (необходимость большей популярности, уменье подойти к вопросу, уменье раз'яснить самым простым, наглядным и действительно убедительным образом основные истины социализма), но и организации».

При переходе к работе в новых условиях Ленин требовал видоизменения организационных форм партии.

«Новая форма организации или, вернее, новая форма основной организационной ячейки рабочей партии должна быть безусловно более широкая по сравнению со старыми кружками».

Наша партия, сохраняя свой прежний «коренной» большевистский тип, быстро сумела приметиться к новым условиям. Партия не рвала со своим прежним организационным опытом, не ломала старый конспиративный аппарат, переходя на новые рельсы, но сохраняла преемственность в своей организационной деятельности.

Четвертый с'езд.

К началу 1906 года обнаружилась полная необходимость слияния большевиков и меньшевиков. К этому же времени между обоими направлениями возникли серьезные тактические разногласия по вопросу об отношении к Государственной Думе.

«Слияние необходимо. Слияние надо поддерживать. В интересах слияния надо вести борьбу с меньшевиками из-за тактики в рамках товарищества, стараясь переубедить всех членов партии, сводя полемику к деловому изложению доводов за и против, к выяснению позиции пролетариата и его классовых задач. Но слияние нисколько не обязывает нас затушевывать тактические разногласия или излагать свою тактику непоследовательно и не в чистом виде. Ничего подобного. Идейную борьбу за тактику, признаваемую нами правильной, необходимо вести открыто, прямо и решительно до конца, т.-е. до об'единительного с'езда партии. В единой партии тактика, определяющая непосредственные действия партии, должна быть одна. Такой единой тактикой должна стать тактика большинства членов партии: когда большинство вполне определилось, меньшинство обязано подчиниться ему в своем политическом поведении, сохраняя право критики и агитации за разрешение вопроса на новом с'езде». (Государственная Дума и социал-демократическая тактика, 1906 г.).

На четвертом (об'единительном) с'езде большевики оказались в меньшинстве. В редакцию центрального органа были введены исключительно меньшевики; в Ц. К. большевики согласились ввести трех своих членов при семи меньшевиках. Большевистскую группу в Ц. К. Ленин рассматривал как «контролеров и охранителей прав оппозиции», т.-е. большевиков. Задача большевиков заключалась теперь в том, чтобы свергнуть меньшевистский Ц. К. Вот как оценивал Ленин итоги 4 с'езда:

«Крупным практическим делом является слияние фракций меньшинства и большинства. Раскол прекращен. Соц.-дем. пролетариат и его партия должны быть едины. Организационные разногласия нажиты почти целиком. Остается важная, серьезная и чрезвычайно ответственная задача: воплотить действительно в жизнь принципы демократического централизма в организации партии, — добиться упорной работой того, чтобы основной организационной ячейкой партии стали на деле, а не на словах, низшие организации, чтобы все высшие учреждения были действительно выборны, подотчетны и сменяемы. Надо упорной работой сложить такую организацию, которая включала бы всех сознательных рабочих соц.-дем. и которая жила бы самостоятельной политической жизнью. Автономия всякой партийной организации, признаваемая до сих пор больше на бумаге, должна быть проводима и проведена в жизни. Борьбу за места, боязнь другой «фракции» надо устранять и устранить. Пусть на деле будут у нас единые организации партии с чисто идейной борьбой различных течений соц.-дем. мысли внутри них. Этого не легко еще добиться, этого мы не добьемся сразу. Но путь намечен, принципы провозглашены, и мы должны добиваться полного и последовательного осуществления этого организационного идеала». (Доклад об об'единительном с'езде Р. С.-Д. Р. П. 1906 г.).

Теперь, когда власть в партии оказалась в руках меньшевиков, большевики были особенно заинтересованы в обеспечении «автономии» (само-

стоятельности) местных (в том числе и большевистских) организаций от посягательств меньшевистского Ц. К., а также в серьезном проведении правил демократического централизма, чтобы меньшевики не назначали сверху своих людей для руководства местными организациями, но чтобы последние сами избирали для себя руководителей.

Об'единившись с меньшевиками, большевики, разумеется, не отказались от идейной борьбы с ними. С оппортунизмом меньшевиков, — говорил Ленин с их вредной для рабочего класса тактикой

«мы должны вести самую решительную, открытую и беспощадную идейную борьбу. Надо добиваться самого широкого обсуждения решений с'езда, надо требовать от всех членов партии вполне сознательного и критического отношения к этим решениям. Надо добиваться, чтобы все рабочие организации с полным знанием дела высказали свое одобрение или неодобрение тем или иным решениям. В печати, на собраниях, в кружках и группах должно вестись это обсуждение, если мы только действительно серьезно решили провести демократический централизм в нашей партии, если мы решили вовлекать рабочие массы в сознательное решение партийных вопросов.

Но в единой партии эта идейная борьба не должна раскалывать организаций, не должна нарушать единства действий пролетариата. Это—новый еще в практике нашей партии принцип, и над правильным проведением его в жизнь придется немало поработать.

Свобода обсуждения, единство действия, — вот чего мы должны добиться».

На четвертом с'езде прошел ряд меньшевистских резолюций; поэтому мы боролись за право разоблачать среди рабочих ошибочность этих постановлений и убеждать их в правильности нашей тактики.

> «Против тех решений с'езда, которые мы считаем ошибочными, мы должны и мы будем идейно бороться. Но при этом мы заявляем перед всей партией, что мы—против всякого раскола. Мы стоим за подчинение решениям с'езда. Отрицая бойкот Центр. Комитета и ценя совместную работу, мы согласились на вступление в Ц. К. наших единомышленников, хотя они будут там в ничтожном меньшинстве. По нашему глубокому убеждению с.-дем. организации должны быть едины, но в этих единых организациях должно широко вестись свободное обсуждение партийных вопросов, свободная товарищеская критика и оценка явлений партийной жизни». (Обращение к партии делегатов об'единительного с'езда, принадлежавших к бывшей фракции «большевиков» 1906 г.).

Строго говоря, большевики лишь формально подчинились постановлениям «об'единительного» с'езда. Не могла, ведь, в самом деле наша партия выполнять как следует, «по совести» те решения, которые были навязаны ей оказавшимися в большинстве меньшевиками. Об'единение носило лишь чисто внешний характер. Хотя официально обе фракции считались распущенными, но на самом деле они продолжали существовать, и у большевиков был свой собственный нелегальный Ц. К. Надо было бороться с меньшевиками за влияние в пар-

тии, за свержение меньшевистского Ц. К. Считаться с постановлениями меньшевистского большинства на с'езде и меньшевистского Ц. К. приходилось лишь до тех пор и постольку, пока и поскольку их нельзя было явно нарушить.

Борьба с меньшевистским Ц. К.

Сейчас же после 4 с'езда (апрель 1906 г.) внутри социал-демократии обнаружилось резкое расхождение между большевиками и меньшевиками по вопросам тактики: меньшевистский Ц. К. высказался за поддержку Думы и образование кадетского министерства, большевики—против поддержки либералов. Петербургская организация и петербургский Комитет (П. К.), руководимый Лениным, в большинстве своем стояли на большевистской точке зрения. Петербургской организации пришлось энергично бороться против меньшевистского Ц. К.

> «Резолюция Ц. К. неправильна—писал Ленин. — Сознательные рабочие соц.-демократы не могут принять этой рекомендованной им резолюции». (Пусть решают рабочие. Июнь. 1906 г.).

Большевики не подчинились постановлению меньшевистского Ц. К. Они не возражали против резолюций, принятых 4 с'ездом, но находили, что взятая меньшевистским Ц. К. линия противоречит постановлениям 4 с'езда и потому ее нельзя проводить. Все организации должны решать вопрос о думской тактике самостоятельно, а не так, как постановил Ц. К.

«Ц. К. безусловно не в праве требовать от организаций партии принятия его резолюции о поддержке требования насчет кадетского министерства. Все члены партии обязаны вполне самостоятельно и критически отнестись к вопросу и высказаться за ту резолюцию, которая по их мнению вернее решает задачу в пределах постановлений об'единительного с'езда. Петербургские с.-д. рабочие знают, что вся организация партии строится теперь демократически. Это значит, что все члены партии выбирают должностных лиц, членов комитетов и т. п., что все члены партии обсуждают и решают вопросы о политической кампании пролетариата, что все члены партии определяют направление тактики партийных организаций».

На постановление меньшевистского Ц. К. большевики апеллировали к рабочим социал-демократам. Большевики стояли за самое широкое обсуждение (дискуссию) думской тактики, и петербургские рабочие в самом деле стали на точку зрения большевиков, приняли их революционную тактику, отвергли соглашательство меньшевиков. Во имя революционной целесообразности большевики нарушали ту дисциплину, которой хотели связать их меньшевики. То, что является недопустимым внутри нашей партии, по отношению к нашему партийному центру, то было необходимым по отношению к чужому, враждебному, меньшевистскому центру. Конечно, меньшевистские вожди кричали о нарушении дисциплины и пугали расколом. Ленин отвечал им:

«Никакая дисциплина не обязывает членов партии слепо подписывать все проекты резолюций, составленные Ц. К. Нигде и никогда не бывало на свете таких правил, чтобы партийные организации отказывались от права своего суждения и превращались в подписывателей резолюций Ц. К. Мы в праве и обязаны бороться, в пределах решений с'езда, против поддержки кадетского министерства, никаким с'ездом неопредписанной».

Ленин даже писал:

«о праве всякой партийной организации, в пределах воли с'езда, оспаривать тактику Ц. К. и исправлять его уклонения и ошибки».

Припомним, что раньше писал Ленин: когда революционеры восстают против оппортунистов—это хорошо, когда оппортунисты восстают против революционеров—это плохо. Большевики восставали против меньшевистских «верхов», не исполняли постановления меньшевистского Ц. К., громили его политику, отвергали навязываемую меньшевиками дисциплину, обвиняли Ц. К. в растерянности, вели агитацию за созыв нового с'езда—и это было хорошо и правильно.

К концу июня обнаружилось, что большинство партии против поддержки думского (кадетского) министерства. Ленин из этого обстоятельства делает надлежащий вывод:

«Наше внутрипартийное министерство, т.-е. Ц. К. нашей партии, перестало выражать волю партии: его элементарной политической обязанностью является ускорить созыв немедленного

экстренного с'езда. Иначе он попадет в положение кучки людей, цепляющихся за партийную власть посредством формальных зацепок и проволочек, вопреки выразившейся уже по существу воли партии. Во всяком случае, партия сумеет теперь добиться с'езда». (Кадетские подголоски. Июнь. 1906 г.).

Борьба большевиков с меньшевиками носила до чрезвычайности острый характер. Большевиков меньшевики именовали раскольниками. Ленин писал по этому поводу следующее:

«Единство партии нам в высшей степени дорого. Но чистота принципов революционной социал-демократии для нас дороже. Мы подчинились и подчиняемся воле большинства Стокгольмского с'езда *) партии. Мы считаем необходимым исполнять все его постановления. Но мы требуем, чтобы эти постановления выполнялись центральными руководящими органами партии. И оппортунистические шатания меньшевиков, все их попытки отступить в угоду кадетам от линии, намеченной с'ездом, встречали и будут встречать с нашей стороны беспощадную критику и неуклонный отпор. Это — наше право. Это—наш долг. От этого права мы никогда не откажемся, от этого долга мы никогда не отступимся. И если раскол произойдет, он будет означать только то, что меньшевики сами растоптали постановления, ими же проведенные на Стокгольмском с'езде. Иного раскола не может быть и не будет. И этот раскол будет означать

*) Четвертого.

лишь одно: окончательное превращение меньшевиков в кадетского вассала». (Устроители раскола о будущем расколе. Февраль. 1907 г.).

В апреле—мае 1907 г. происходит 5 с'езд партии. На нем избирается Ц. К. с неустойчивым большевистским большинством.

Глава VIII.

Нелегальная партия.

С половины 1907 года, после разгона Государственной Думы, и до 1911 года тянется полоса упадка революционного движения, эпоха жесточайшей реакции. Царизм победил. Все революционные и оппозиционные партии разбиты. Революционные организации ослаблены до последней степени. В рядах социал-демократии измены, уныние, разброд и распад. Возникновение враждебных партии течений: ликвидаторство, отзовизм, ультиматизм и др. Ликвидаторы хоронят партию, отрекаются от нее. Бегство из партии полупролетарской, полумещанской интеллигенции, примкнувшей к партии в период революции из-за «яркости» лозунгов борьбы за демократию и теперь дезертирующей из партии. Партия уходит в подполье. Снова, как до 1905 года, партия превращается в союз подпольных кружков и групп. Среди всеобщего распада Ленин и большевики ведут непримиримую борьбу за сохранение нашей старой нелегальной партии. В борьбе за партию в невероятно тяжелых условиях раскрывается все величие большевизма. Без борьбы 1908—12 годов

не было бы октябрьской победы 1917 года и диктатуры пролетариата.

Бегство интеллигенции оставляет организации без руководителей. На смену руководителям-интеллигентам подымаются руководители-рабочие.

«Освобождение партии от полупролетарской, полумещанской интеллигенции начинает пробуждать к новой жизни накопленные за период героической борьбы пролетарских масс новые, чисто пролетарские силы». (На прямую дорогу. 1908 г.).

Партии приходится перестраиваться.

«Эта перестройка партийных организаций... конечно, трудное дело и не без колебаний суждено ему развиваться. Но—трудно только первый шаг, и он уже сделан. На прямую дорогу руководства рабочих масса передовыми «интеллигентами» из самих же рабочих партия уже вступила...

Крепкая нелегальная организация партийных центров, систематическое нелегальное издательство, а главное: местные и в особенности заводские партийные ячейки, руководимые передовыми из самих рабочих, живущих в непосредственной связи с массой,—такова основа, на которой мы строим и построили непоколебимо-прочное ядро революционного и социал-демократического рабочего движения. И это нелегальное ядро будет несравненно шире, чем в прошлые времена, простирать свои щупальцы, распространять свое влияние и через посредство Думы, и в профессиональных союзах, и

в кооперативах, и в культурно-просветительных обществах».

Главнейшая задача эпохи: укрепление организации, сохранение нелегальных партийных ячеек, против которых борятся ликвидаторы, организация «профессиональных революционеров». Ленин подчеркивает необходимость

«углубления социалистической пропаганды, необходимость разработки новых вопросов, необходимость всяческого поощрения и развития кружков, вырабатывающих из самих рабочих настоящих социал-демократов, социал-демократических руководителей массы. Тут роль партийных ячеек... особенно велика, и ненавистные интеллигентским оппортунистам «профессиональные революционеры» призваны сыграть новую благодарную роль». (По поводу двух писем. 1908 г.).

Ликвидаторы, упразднявшие партию, кричали: долой прежнюю партию! долой подполье! Они отрекались от всей революционной истории нашей партии, стояли за легальную, разрешаемую царским правительством деятельность. Ленину и большевикам приходилось упорно бороться с ликвидаторами. Нам нужна, говорил Ленин, такая работа, которая служила бы

«для укрепления партии социал-демократов, для укрепления ее традиций, ненавистных оппортунистам, для поддержки преемственности в работе, для расширения и упрочения влияния этой партии, прежней партии... на пролетарские массы».

Вместе с тем, большевики отдавали себе отчет в том, что партия в 1908—9 г.г. должна иметь в себе черты, отличные от 1903—4 г.г.

«Не забудем, что на смену профессиональному революционеру из интеллигентов или вернее в подмогу ему идет профессиональный революционер с.-д. рабочий (как бы меньшевики ни злобствовали против этого, но это — факт), и, следовательно, новая нелегальная организация не будет вполне походить и не должна вполне походить на старую».

Ленин так формулировал общие задачи партии в начале 1909 года:

«Укрепление нелегальной партийной организации, создание партийных ячеек во всех областях работы, создание в первую голову «чисто партийных, хотя бы немногочисленных, рабочих комитетов в каждом промышленном предприятии», сосредоточение руководящих функций в руках руководителей соц.-дем. движения из среды самих рабочих, — такова задача дня. И, разумеется, задачей этих ячеек и комитетов должно быть использование всех полулегальных и по возможности легальных организаций, поддерживание «тесной связи с массами», направление работы таким образом, чтобы социал-демократия откликалась на все запросы масс. Каждая ячейка и каждый партийный рабочий комитет должны стать «опорным пунктом для агитационной, пропагандистской и организационной работы среди масс», т.-е. непременно итти туда, куда идет масса, и стараться на каждом шагу толкать ее сознание в направлении

социализма, связывать каждый частный вопрос с общими задачами пролетариата, превращать каждое организационное начинание в дело классового сплочения, завоевывать себе своей энергией, своим идейным влиянием (а не своими званиями и чинами, конечно) руководящую роль во всех пролетарских легальных организациях. Пусть иногда эти ячейки и комитеты будут очень немногочисленны, — зато между ними будет связь партийной традиции и партийной организации, определенная классовая программа; и два-три партийных социал-демократа сумеют не расплыться таким образом в бесформенной легальной организации, а вести при всех условиях, при всяких обстоятельствах, при всевозможных положениях свою партийную линию, воздействовать на среду в духе всей партии, а не давать среде поглотить себя...

«Так или иначе, легально или полулегально, открыто или прикрыто, рабочий класс найдет себе те или иные пункты сплочения, — везде и всегда будут итти впереди массы сознательные, партийные эс-деки *), везде и всегда будут они сплачиваться между собою для воздействия на массу в партийном духе. И социал-демократия, доказавшая в открытой революции, что она есть партия класса, сумевшая повести за собой миллионы и на стачку, и на восстание в 1905, и на выборы в 1906—1907 г.г., сумеет и теперь остаться партией класса, партией масс, остаться авангардом, который в самые тяжелые времена

*) Социал-демократы (с.-д.)

не оторвется от всей армии, сумеет помочь ей преодолеть эти тяжелые времена, снова сплотить ее ряды, приготовить новых и новых борцов...

«Партия, которая сумеет укрепиться для выдержанной работы в связи с массами, партия передового класса, которая сумеет организовать его авангард, которая направит свои силы так, чтобы воздействовать в социал-демократическом духе на каждое проявление жизни пролетариата, эта партия победит во что бы то ни стало». (На дорогу. 1909 г.)

Как подпольная работа 1900—1905 г.г. («Искра», «Вперед») подготовляла революцию 1905 года, так терпеливая, упорная работа в маленьких кружках и группах (1908—1912, затем 1912—1917 г.г.) подготовляла революцию в 1917 году. Главнейшая задача заключалась в сохранении нелегальных опорных пунктов, партийных ядрышек, вокруг которых можно было развернуть позже (в 1917 г.) широкую мобилизацию рабочих масс. Большевики сумели, несмотря на годы реакции и империалистической войны, сохранить свои опорные пункты в подпольи. Длившаяся годами и десятилетиями работа партии дала теперь свои плоды

Ликвидаторы справа и ликвидаторы слева.

В 1908—1911 г.г. обнаружилось дробление партии на группировки. От фракции большевиков отпали отзовисты, ультиматисты, богостроители. У меньшевиков произошло деление на ликвидаторов и меньшевиков - партийцев (плехановцев). Особен-

ную опасность для партии представляли ликвидаторы; позже, когда большевики скронструировались как партия (взамен прежней фракции), ликвидаторы были исключены из партии

«Ликвидаторство в тесном смысле слова, ликвидаторство меньшевиков, состоит идейно в отрицании революционной классовой борьбы социалистического пролетариата вообще, и в частности в отрицании гегемонии *) пролетариата в нашей буржуазно-демократической революции... Организационно ликвидаторство есть отрицание необходимости нелегальной с.-д. партии и связанное с этим отречение от Р. С.-Д. Р. П., выход из нее, борьба против нее на страницах легальной печати, в легальных рабочих организациях, профессиональных союзах, кооперативах, на с'ездах, где участвуют рабочие депутаты и т. д.». (Ликвидация ликвидаторства. 1909 г.)

Бегство из партии интеллигенции и распад на группировки были вызваны тем, что во время революции к партии примкнули «мелкобуржуазные попутчики», и теперь, когда наступила реакция, когда нужно было менять способы борьбы, внутри социал-демократии начался процесс, как говорил Ленин, «разборки» или «размежевки».

«Ни одна сколько-нибудь значительная часть массовой рабочей партии не могла, по самой сути дела, избегнуть того, чтобы в эпоху буржуазной революции включить то или иное число «попутчиков» различных оттенков. Это явление неизбежно даже в наиболее развитых капиталистиче-

*) Гегемон—вождь, руководитель.

ских странах после полного завершения буржуазной революции, ибо пролетариат всегда соприкасается с самыми разнообразными слоями мелкой буржуазии, всегда рекрутируется снова и снова из этих слоев. В этом явлении нет ничего ненормального и ничего страшного, если только пролетарская партия умеет переваривать инородные элементы, подчинять их себе, а не подчиняться им, умеет во-время сознать, что те или иные элементы—действительно инородные элементы, и что от них необходимо при известных условиях ясно и открыто отмежеваться».

Меньшевики оказались в плену у своих «попутчиков» (ликвидаторы), а большевики повели со своими попутчиками суровую борьбу, и дело кончилось тем, что большевики исключили отзовистов («ликвидаторы наизнанку», как их называл Ленин) из партии.

Процесс «разборки» означал борьбу большевиков с мелкобуржуазными группировками и направлениями.

«Нам ни в каком случае не приходится бояться этой разборки. Мы должны приветствовать ее, мы должны помочь ей. Пусть хныкают мягкотелые люди, которые здесь и там будут кричать: опять борьба! опять внутренние трения! опять полемика! Мы отвечаем: без новой и новой борьбы никогда и нигде не складывалась действительно пролетарская, революционная социал-демократия. А у нас в России она складывается даже в теперешний тяжелый момент, и она сложится». (По поводу двух писем. 1908 г.)

Только в непримиримой борьбе со всякими отклонениями от революционной, марксистской линии могла сложиться настоящая партия пролетариата, способная разрешить стоящие перед рабочим классом задачи. Ленин не замазывал разногласий и расхождений, не прикрывал их вывеской наружного, показного благополучия и мира, но боролся с ними до конца, отстаивая идейную чистоту партии, не останавливаясь перед изгнанием из партии элементов, поддавшихся интеллигентско-мелкобуржуазным настроениям, грозившим превратить партию в оторванную от масс секту (отзовисты), или, наоборот, растворить партию в русле либерализма, превратить ее в одну из разновидностей либерализма (ликвидаторы). Рабочему классу нужна партия революционеров-марксистов, без всяких мелкобуржуазных примесей, и за такую именно новым, Ленин писал:

По поводу исключения («откола») из партии отзовистской группировки, возглавлявшейся Богдановым, Ленин писал:

> «Пусть не упрекают нас... за «новый раскол»... Мы исчерпали все возможности и все средства убеждения несогласных товарищей, мы работали над этим больше 1½ года. Но, как фракция, т.-е. союз единомышленников в партии, мы не можем работать без единства в основных вопросах...
>
> «Большевикам приходится вести партию. Чтобы вести, надо знать путь, надо перестать колебаться, перестать тратить время на убеждение колеблющихся, на борьбу внутри фракции с несогласными. Отзовизм и скатывающийся к нему ультиматизм несовместимы с той рабо-

той, которой требуют теперь от революционных с.-д. данные обстоятельства. Мы научились во время революции «говорить по-французски», т.-е. вносить в движение максимум толкающих вперед лозунгов, поднимать энергию и рамах непосредственной массовой борьбы. Мы должны теперь, во время застоя, реакции, распада, научиться «говорить по-немецки», т.-е. действовать медленно (иначе нельзя, пока не будет нового под'ема), систематически, упорно, двигаясь шаг за шагом, завоевывая вершок за вершком. Кому скучна эта работа, кто не понимает необходимости сохранения и развития революционных основ с.-д. тактики и на этом пути, на этом повороте пути, тот всуе приемлет имя марксиста.

Наша партия не может итти вперед без решительной ликвидации ликвидаторства. А к ликвидаторству относится не только прямое ликвидаторство меньшевиков и их оппортунистическая тактика. Сюда относятся и меньшевизм наизнанку. Сюда относятся отзовизм и ультиматизм, противодействующие выполнению партией очередной задачи, составляющей своеобразную особенность момента, задачу использования думской трибуны и создания опорных пунктов из всех и всяческих полулегальных и легальных организаций рабочего класса. Сюда относится богостроительство и защита богостроительских тенденций, в корне порывающих с основами марксизма. Сюда относится непонимание партийных задач большевиков, задач, которые в 1906—1907 годах состояли в свержении меньшевистского Ц. К., не опиравше-

гося на большинство партии (не только поляки и латыши, даже бундовцы, не поддерживали тогда чисто меньшевистского Ц. К.), — задач, которые теперь состоят в терпеливом воспитании партийных элементов, в сплочении их, в создании действительно единой и прочной пролетарской партии. Большевики очищали почву для партийности своей непримиримой борьбой против антипартийных элементов в 1903—1905 и в 1906—1907 годах. Большевики должны теперь построить партию, построить из фракции партию, построить партию при помощи тех позиций, которые завоеваны фракционной борьбой». (Ликвидация ликвидаторства. 1909 г.)

Большевики не допускали группировок в своих собственных рядах. Они долго и терпеливо убеждали «инакомыслящих» в неверности их взглядов, в гибельности их тактики для рабочего класса, и когда все средства убеждения были исчерпаны, большевики, руководимые Лениным, без колебаний исключили ликвидаторов слева, как позже (в 1912 г.) они исключили ликвидаторов «справа».

В 1908—9 г.г. большевики

«беспощадно разоблачили и выгнали вон революционеров фразы, которые не хотели понять, что надо отступить, что надо уметь отступить, что надо обязательно научиться легально работать в самых реакционных парламентах, в самых реакционных профессиональных, кооперативных, страховых и подобных организациях». (Детская болезнь левизны в коммунизме. 1920 г.).

Ленин прямо говорил отзовистам: нам нужно единство взглядов; такого единства у нас с вами нет: мы по разному понимаем задачи и способы борьбы; поэтому позвольте размежеваться. Партия не может итти вперед, если ей приходится слишком долго вести борьбу внутри самой себя «на убеждение колеблющихся». Задача—говорил Ленин — состоит в «создании действительно единой и прочной пролетарской партии». На этом именно основании Ленин и провел исключение из партии «ликвидаторов слева», ибо их пребывание в партии не создавало ни единства ее ни прочности, но раздвоенность и шаткость. Между прочим: ошибка думать, будто можно делить большевиков (1908—11 г.г.) на два течения: большевиков-ленинцев и большевиков-отзовистов (богдановцев), считать, будто это две разновидности одного и того же большевизма, два оттенка в нем. Понятно, что отзовисты сами себя считали большевиками, и даже лучшими, чем ленинцы, но на деле отзовизм не есть большевизм. В природе существует только один большевизм: тот, который выражен в учении Ленина и нашей партии. Большевизм—представитель интересов пролетариата. Отзовизм — мелкобуржуазное течение, перенявшее кое-что от большевизма—и только, но это отнюдь не «разновидность» большевизма, а глубоко враждебное ему направление.

Нашлись и среди большевиков люди (в петербургской организации), которые обвиняли Ленина в раскольничестве, находили извинения для отзовистов, считали исключение отзовистов из партии ненужным. Вот ответ Ленина:

«Мы повторяем... еще и еще раз всем товарищам большевикам, всем рабочим, ценящим дело

революционной социал-демократии: нет ничего ошибочнее и вреднее, как попытки прикрыть эту болезнь. Надо вскрыть со всей отчетливостью причины, характер и значение нашего расхождения со сторонниками отзовизма, ультиматизма, богостроительства. Надо ясно отделить, отмежевать фракцию большевиков, т.-е. союз единомышленников-большевиков, желающих вести партию в известном всем направлении «Пролетария» *), от новой фракции... Надо понять эту болезнь и дружно взяться за лечение ее. Там, где возможно лечение методами петербуржцев, т.-е. немедленной и успешной апелляцией к социал-демократическому сознанию передовых рабочих, там такое лечение есть самое лучшее, там никто и никогда не проповедывал откола и отмежевки во что бы то ни стало. Но там, где, в силу различных условий, складываются сколько-нибудь прочные центры, кружки, ведущие пропаганду идей новой фракции, размежевка необходима. Там размежевка с новой фракцией есть залог практического единства на работе в рядах партии, ибо невозможность такой работы под знаменем ультиматизма признали только-что сами петербургские практики». (Беседа с петербургскими большевиками)

Если можно переубедить «инакомыслящих»,— говорит Ленин, — это надо сделать. В противном случае давайте размежевываться. Из приведенных нами выписок видно, как Ленин настойчиво боролся за сохранение в партии всеми ее членами

*) Орган большевиков, руководимый Лениным.

полного единства взглядов. Он не допускал того, чтобы в партии существовали группы и группочки с небольшевистской, немарксистской идеологией. Глубокая идейная непримиримость ко всем уклонениям от большевизма—это одна из основных черт Ленина. И вот Ленина, который всю свою жизнь боролся за создание могучей, крепкой, единой, сплоченной партии, и в конце-концов добился такой партии, извратители ленинизма изображают как какого-то беспринципного, благодушного сторонника группировок в партии, приписывают ему чисто... меньшевистское понимание партийности! Надо бороться со всякими проявлениями оппортунизма в организационных вопросах, со всякими попытками извратить учение Ленина о партии.

Меньшевики-плехановцы.

«Очередной нашей задачей является сохранение и укрепление Р. С.-Д. Р. П. В самом выполнении этой большой задачи есть один крайне важный момент: это борьба с ликвидаторством обоих оттенков — с ликвидаторством справа и с ликвидаторством слева. Ликвидаторы справа говорят, что нелегальной Р.С.Д.-Р.П. не надо, что центром тяжести социал-демократической деятельности должны быть исключительно или почти исключительно легальные возможности. Ликвидаторы слева выворачивают дело на-изнанку: легальные возможности для них не существуют в партийной деятельности, нелегальность во что бы то ни стало—для них все. И те и другие—ликвидаторы Р. С.-Д. Р. П. приблизительно в равной мере, ибо без плано-

мерного, целесообразного сочетания легальной и нелегальной работы при теперешнем, навязанном нам историей, положении, никакое «сохранение и укрепление Р. С.-Д. Р. П. немыслимо» (Введение к резолюциям совещания расширенной редакции «Пролетария». 1909 г.).

Большевикам приходилось бороться сразу на несколько фронтов. Главный враг — ликвидаторы, упразднители нелегальной партии. Среди меньшевиков, в массе своей ставших на ликвидаторский путь и боровшихся против идей старой, революционной подпольной партии, образовалась группа меньшевиков-партийцев (плехановцев), отстаивавших, как и большевики, сохранение нелегальной партии. Меньшевики-плехановцы являются союзниками большевиков по борьбе с ликвидаторами. Ленин стоит за сближение с меньшевиками-партийцами на почве отстаивания партии. Нужно вокруг большевиков сплотить все партийные элементы.

«Меньшевики-партийцы, меньшевики-ортодоксальные марксисты начинают откалываться, и силою вещей они оказываются, раз они идут к партии, идущими к большевикам. И наша задача—понять это положение, всячески и везде постараться отделить ликвидаторов от партийцев-меньшевиков, сблизиться с последними не в смысле стирания принципиальных разногласий, а в смысле сплочения действительно единой рабочей партии, в которой разногласия не должны мешать общей работе, общему натиску, общей борьбе...

«Большевистская фракция, как определенное идейное течение в партии, должна существовать попрежнему. Но надо твердо помнить одно: ответственность «за сохранение и укрепление» Р. С.-Д. Р. П... лежит теперь, главным образом, если не исключительно, на большевистской фракции. Всю, или почти всю, наличную партийную работу—особенно на местах—несут на себе теперь большевики. И на них, твердых и последовательных защитниках партийности, лежит теперь задача большой важности—привлекать к делу партийного строительства все пригодные для него элементы. И в настоящий тяжелый момент было бы с нашей стороны поистине преступлением не протянуть руку партийцам из других фракций, выступающим в защиту марксизма и партийности против ликвидаторства».

Троцкизм.

В резолюции 13-й партийной конференции, состоявшейся в январе 1924 года, сейчас же после дискуссии, мы находим, между прочим, такое решение:

«Одной из важнейших задач является поставить на должную высоту изучение истории РКП и, прежде всего, основных фактов борьбы большевизма с меньшевизмом, роли отдельных фракций и течений во время этой борьбы, в особенности тех эклектических*) фракций, которые пытались «при-

*) Эклектизмом называется склеивание противоположных взглядов в одно учение, «сборная селянка».

мирить» большевизм с меньшевизмом». К эклектическим фракциям, пытавшимся «примирить» большевиков с меньшевиками, относится в первую очередь группа тов. Троцкого («примиренцы», «троцкисты»), существовавшая в 1910—14 годах. Эта же группа в несколько ином виде продолжала свое существование в 1914—17 г.г., когда тов. Троцкий вошел в нашу партию. С примиренчеством партия во главе с Лениным вела в свое время жестокую борьбу. Во время последней дискуссии имело место возрождение «примиренческих» взглядов, о которых раньше можно было думать, что они изжиты навсегда.

Общеполитические взгляды т. Троцкого выражались в прежнее время идеей так называемой «перманентной революции». Излагая в 1915 г., во время империалистической войны, взгляд большевиков на развитие революции, Ленин коснулся, между прочим, и вопроса о перманентной революции. Ленин писал:

«Выяснить соотношение классов в предстоящей революции—главная задача революционной партии... Эту задачу неправильно решает... Троцкий, повторяющий свою «оригинальную» теорию 1905 года и не желающий подумать о том, в силу каких причин жизнь шла целых десять лет мимо этой прекрасной теории.

«Оригинальная теория Троцкого берет у большевиков призыв к решительной революционной борьбе пролетариата и к завоеванию им политической власти, а у меньшевиков—«отрицание» роли крестьянства». (О двух линиях революции. 1915 г.)

Как известно, вся суть большевизма в «признании» роли крестьянства, как союзника пролетариата в его борьбе за социализм. Нас здесь, однако, интересуют не общеполитические взгляды руководителей примиренчества, но их партийно-организационные идеи.

В эпоху глухой реакции (1908—1911 г.г.) внутри социал-демократии шла острая фракционная и групповая борьба: большевики-ленинцы, богдановцы, плехановцы, ликвидаторы, примиренцы-троцкисты и др. Официально, на бумаге, все группы и фракции считали себя частью социал-демократии, но только большевики-ленинцы вели серьезную борьбу за восстановление революционной партии, разбитой царизмом после 1905 г. Величайшую опасность для партии представляло, как мы об этом уже говорили, ликвидаторство, стремившееся уничтожить партию. Ликвидаторство представляло собой течение, глубоко враждебное партии, несовместимое с ней. Главная задача большевиков состояла в беспощадной борьбе с ликвидаторами. Восстановить партию,—учил Ленин, можно только путем борьбы со всеми враждебными партии направлениями, только путем завоевания рабочих и сплочения их вокруг нашего знамени. Надо побороть все враждебные течения, неустанной борьбой показать и доказать правильность наших идей. Только таким путем создается единая партия, восстановится на новой основе старая революционная партия. Примиренцы же предлагали об'единить различные направления путем взаимных соглашений и уступок, примирить большевиков с меньшевиками. Примиренцы прикрывали ликвидаторство, осуждали резкую борьбу с ним больше-

виков, предлагали считать ликвидаторство законной частью партии. Ленинизм мыслит партию, как единое целое идейно и организационно; примиренцы представляли партию, как сумму различных течений и направлений. Ленин вел упорную борьбу с примиренцами, которые поддерживали ликвидаторский меньшевизм, защищали его, выставляли его, как «оттенок» партийности, упрекали непримиримых большевиков - ленинцев в узкой фракционности.

> «Нашей «фракционностью», — говорил Ленин, — называют примиренцы беспощадность нашей полемики... и беспощадность разоблачения ликвидаторов». (О новой фракции примиренцев или добродетельных. 1911 г.)

Себя самих примиренцы называли «нефракционными», стоящими якобы выше фракций большевиков и меньшевиков. На деле примиренцы были защитниками ликвидаторов. Одно время примиренцы были опаснее явных ликвидаторов. Ленин так писал о примиренчестве:

> «Фальшива в примиренчестве основа — стремление построить единство партии пролетариата на союзе всех, в том числе и анти-социал-демократических, непролетарских фракций, фальшива беспринципность его «об'единительного прожектерства, приводящего к пуфу, фальшивы фразы против «фракций» (при образовании на деле новой фракции), фразы, бессильные распустить фракции антипартийные и ослабляющие фракцию большевиков, проведшую $^{9}/_{10}$ борьбы с ликвидаторством и отзовизмом».

Об'ективно примиренчество било по большевизму и по его работе над воссозданием партии. Как возможно единство?—спрашивал Ленин. И отвечал: не тем, чтобы «об'единить» ликвидаторов (легалистов) с социал-демократами, признать их взаимное «равноправие», ибо

> «равноправие» травимого полицией нелегального социал-демократа с легалистом, обеспеченным своей легальностью и своей оторванностью от партии, на деле есть «равноправие» рабочего и капиталиста». («Голос» ликвидаторов против партии. 1910 г.)

Для об'единения необходима другая политика.

> «Только сближение на работе этих двух сильных фракций (т.-е. большевиков и меньшевиков. *Вл. С.)* и только в меру очищения от несоциал-демократических течений ликвидаторства и отзовизма есть политика действительно партийная, действительно осуществляющая единство—путем нелегким, негладким, далеко не моментально, но реально в отличие от тьмы... посулов насчет легкого, гладкого, моментального слияния «всех фракций». (О новой фракции примиренцев или добродетельных. 1911 г.)

Только на почве упорной борьбы с враждебными партии течениями возможно сближение действительно партийных течений, слияние их в единую партию. Приведем еще несколько замечаний Ленина по вопросу об об'единении. Ленин считает, что на значение и осуществление какого бы то ни было партийного об'единения может быть два взгляда.

«Один взгляд на об'единение может ставить на первый план «примирение» данных лиц, групп и учреждений. Единство их взглядов на партийную работу, на линию этой работы—дело второстепенное. Разногласия надо стараться замалчивать, а не выяснять их корней, их значения, их об'ективных условий. «Примирить» лица и группы—в этом главное. Если они не сходятся на проведении общей линии,—надо истолковать эту линию так, чтобы она была приемлема для всех. Живи и жить давай другим. Это—примиренчество обывательское, неизбежно приводящее к кружковой дипломатии. «Заткнуть» источники разногласий, замолчать их, «уладить» во что бы то ни стало «конфликты», нейтрализовать враждующие направления,—вот на что направлено главное внимание подобного «примиренчества». (Заметки публициста. 1910 г.)

Такова точка зрения троцкизма. Ленин отвергает подобное понимание партийного об'единения.

«Есть другой взгляд на это об'единение. Этот другой взгляд состоит в том, что целый ряд глубоких, об'ективных причин, независимо от того или иного состава «данных лиц, групп и учреждений», давно уж начал вызывать и продолжает неуклонно вызывать в двух старых, двух главных русских фракциях с.-д. такие изменения, которые создают—иногда вопреки воле и даже сознанию кое-кого из «данных лиц, групп и учреждений»—создают идейные и организационные основы об'единения. Эти об'ективные условия коренятся в особенностях переживаемой нами эпохи буржуазного развития России,

эпохи буржуазной контр-революции и попыток самодержавия реорганизоваться по типу буржуазной монархии. Эти об'ективные условия создают в одно и то же время и в неразрывной связи одно с другим изменения в характере рабочего движения, в составе, типе, облике рабочего с.-д. авангарда и изменения в идейно-политических задачах социал-демократического движения. Поэтому не случайностью, не какой-нибудь индивидуальной злонамеренностью, глупостью или ошибкой, а неизбежным результатом действия этих об'ективных причин является то буржуазное влияние на пролетариат, которое создает ликвидаторство (=полулиберализм, желающий причислять себя к с.-д.) и отзовизм (=полуанархизм, желающий причислять себя к с.-д.). Сознание опасности, несоциал-демократичности, вреда для рабочего движения обоих уклонений вызывает сближение элементов различных фракций и пролагает дорогу партийному об'единению «через все препятствия».

«С этой точки зрения об'единение может итти медленно, трудно, с колебаниями, шатаниями, рецидивами; но оно не может не итти. С этой точки зрения об'единение идет вовсе не обязательно между «данными лицами, группами и учреждениями», а независимо от данных лиц, подчиняя их себе, отбрасывая из «данных» тех, кто не сознает или не хочет сознать требований об'ективного развития, выдвигая и привлекая новых лиц, к составу «данных» не принадлежащих, производя изменения, перетасовки, перегруппировки внутри старых фракций, течений, делений. С этой точки зрения об'единение неот-

делимо от его идейной основы, оно только на основе идейного сближения и вырастает...»

Примиренцы говорили: как нехороша эта внутрипартийная борьба фракций и групп! Нам нужно об'единение. Разумеется, отвечали большевики, нам нужна единая партия, и мы неустанно работаем над ее созданием. Но единство партии может быть достигнуто отнюдь не тем, что мы станем замалчивать разногласия, как это предлагают примиренцы. Напротив, мы все разногласия, все отходы от марксизма; все мелкобуржуазные тенденции будем беспощадно вскрывать и разоблачать, высвобождая от мелкобуржуазного влияния все действительно революционные элементы, сплачивая их в одно целое. Нам гнилого дутого единства, создаваемого уступками революционеров оппортунистам и показным согласием оппортунистов на требования революционеров, не нужно. Такое об'единение будет замазывать действительные расхождения, и потому оно вредно для дела. По-вашему, достаточно пригласить Ивана Ивановича, Петра Петровича и Сидора Сидоровича, возглавляющих разные течения политической мысли; выработать резолюцию, смазывающую все разногласия, и дело в шляпе: раскол прекращен, единство восстановлено. Точка зрения большевиков другая. Мы,—говорили большевики,—не придерживаемся мудрого житейского правила: живи и жить давай другим. Сами мы хотим жить, но в то же время хотим не дать жить ликвидаторам, отзовистам и вам, в частности, примиренцам. Мы будем со всеми вами бороться; доказывать рабочим вашу неправоту и вашу гниль. Мы хотим единства, но единства действительного. Осуществить его в один присест нельзя. Это единство возможно лишь путем сближения на

деле, путем отбора на работе всего, что есть действительно революционного в обеих главных фракциях социал-демократии: большевиков и меньшевиков. Об'ективные задачи (свержение самодержавия) еще не решены. А ход вещей ведет к этому свержению, толкает к нему рабочий класс. Чтобы успешно разрешить стоящие перед пролетариатом задачи, мы у себя ведем борьбу с отзовизмом, очищая наши ряды от мелкобуржуазной примеси; лучшие элементы меньшевизма принуждены бороться против ликвидаторов в своей среде, то-есть принуждены понемногу становиться на точку зрения большевизма. Только путем упорной борьбы со всякими искажениями революционной идеологии и на почве сближения на деле, на практической работе обеих фракций, возможно действительное об'единение. И действительно, большевикам удалось упорной работой об'единить под своим знаменем все лучшее, передовое и революционное, что было в обеих фракциях, не путем гнилых компромиссов со своими убеждениями, а путем непримиримой борьбы за них.

В ответ на призывы к беспринципному об'единению, в ответ на упреки в раскольничестве, во фракционности, Ленин писал большевикам:

«Большевики, сплачивайтесь, вы—единственный оплот последовательной и решительной борьбы с ликвидаторством и отзовизмом.

«Ведите испытанную на деле, подтвержденную опытом, политику сближения с антиликвидаторским меньшевизмом. Вот наш лозунг. Вот политика, которая не сулит молочных рек и кисельных берегов неосуществимого в эпоху распада и разложения «всеобщего мира», но которая двигает на деле вперед сближение на работе те-

чений, представляющих все, что есть сильного, здорового, жизнеспособного в пролетарском движении». (О новой фракции примиренцев или добродетельных. 1911 г.)

«Что стало бы из исторически-памятного дела старой «Искры», — спрашивает Ленин, — если бы она вместо последовательной, непримиримой принципиальной кампании против экономизма и «струвизма» пошла на какой-либо блок, союз или «слияние» всех групп и группок, которых было тогда за границей не меньше, чем теперь?

А между тем различия между нашей эпохой и эпохой старой «Искры» во много раз усиливают вред беспринципного и фразистого примиренчества...

Большевизм «перенес» отзовистскую болезнь, революционную фразу, игру в «левизну», шатание от социал-демократизма влево...

Большевизм перенесет и «примиренческую» болезнь, шатание в сторону ликвидаторства (ибо на деле примиренцы всегда были игрушкой в руках ликвидаторов)...».

Большевики всегда будут бороться со всякими извращениями ленинизма.

К 1914 году положение внутри рабочего класса было таково: на одной стороне партия, сплотившаяся вокруг большевиков, на другой — ликвидаторы; в промежутке между ними пять заграничных группок (в том числе «троцкисты»), которые колеблются между ликвидаторами и партией. Примиренцы не считались с партией, покрывали ликвидаторов, высказывали ликвидаторские взгляды. В статье «О нарушении единства, прикрываемом криками об един-

стве» (1914 г.), Ленин жестоко обрушился на примиренцев, пытавшихся дезорганизовать движение и вызвать раскол. Ленин не только опроверг доводы примиренцев по существу, но он вкратце проследил зарождение и развитие примиренческих взглядов. Изучая примиренчество, прослеживая его корни, Ленин отмечал следующие моменты в развитии примиренчества и руководителей этого направления.

«Троцкий был ярым «искровцем» в 1901 — 1903 годах, и Рязанов назвал его роль на с'езде 1903 года ролью «ленинской дубинки».

«В конце 1903 года Троцкий—ярый меньшевик, т.-е. от «искровцев» перебежавший к «экономистам»...

«В 1904—5 году он отходит от меньшевиков и занимает колеблющееся положение, то сотрудничая с Мартыновым («экономист») *), то провозглашая несуразно-левую «перманентную революцию».

«В 1906—7 году он подходит к большевикам, и весной 1907 года заявляет себя солидарным с Розой Люксембург.

«В эпоху распада, после долгих «нефракционных» колебаний, он опять идет вправо и в августе 1912 года входит в блок **) с ликвидаторами. Теперь опять отходит от них, повторяя, однако, по сути дела их же идейки». (О нарушении единства, прикрываемом криками о единстве. 1914 г.)

Чтобы изучить какое-нибудь явление, Ленин всегда брал это явление в его развитии; тогда в нем

*) Мартынов был тогда меньшевиком.
**) Соглашение.

легче разобраться, легче понять его. Примиренчество отстаивало ошибочные взгляды, поэтому Ленин решительно боролся против него. Задача заключалась не в том, чтобы примирить большевиков с меньшевиками, а в том, чтобы победить меньшевиков.

Об организационных ошибках.

Ошибочные взгляды примиренцев на взаимоотношения большевиков с меньшевиками приводили к неправильным действиям руководителей примиренчества к партии в целом. Сопоставим для изучения несколько моментов.

Возьмем 1910—1911 годы. Партия борется против меньшевиков-ликвидаторов. Меньшевик Мартов печатает в «Голосе Социал-Демократа» (отсюда: «голосовцы») статью, направленную против нелегальной партии. Тов. Троцкий в особой резолюции взял под свою защиту ликвидаторов. Ленин резко выступил против тактики примиренцев.

> «За статьей Мартова и резолюцией Троцкого— писал Ленин—скрываются и определенные практические действия, и действия, направленные против партии. Статья Мартова есть лишь литературная форма, в которую облечена предпринятая голосовцами кампания с целью срыва Ц. К. нашей партии. Резолюция Троцкого, призывающая местные организации к подготовке «общепартийной конференции» помимо и против Ц. К., есть выражение того же самого, что составляет цель голосовцев: разрушить ненавистные ликвидаторам центральные учре-

ждения, а с ними заодно—и партию, как организацию... Товарищи, которым дорога партия и дело ее возрождения, должны самым решительным образом высказаться против всех тех, кто из чисто фракционных и кружковых соображений и интересов стремится разрушить партию...

И мы заявляем поэтому от имени партии в целом, что Троцкий ведет антипартийную политику; что он разрывает партийную легальность, вступает на путь авантюры и раскола». (О положении внутри партии. 1911 г.)

Как видит читатель, Ленин выражался очень резко. Надо, однако, помнить, что Ленин вообще не жалел «крепких слов», если он с кем-нибудь политически расходился; не только с примиренцами, но даже со своими ближайшими единомышленниками, как, например, в октябре 1917 года. Если Ленин видел, что люди делают ошибку и от этой ошибки будет вред рабочему классу, он считал своей обязанностью со всей энергией выступить против ошибки, не взирая на лица. Это обстоятельство особенно надо помнить, когда мы изучаем историю внутрипартийной борьбы 1908—1914 г.г. Чем больше была опасность от каких-нибудь ошибочных шагов, тем с большим нажимом Ленин выступал против ошибавшихся.

В другом месте от того же периода мы находим следующее заявление Ленина:

«Троцкий называет себя партийцем на том основании, что для него русский партийный центр, созданный подавляющим большинством русских социал-демократических организаций,

есть ноль». (О дипломатии Троцкого и об одной платформе партийцев. 1911 г.)

Ленин предостерегал товарищей от неправильного понимания партийности. Раз партия имеет свой партийный центр, с ним нужно считаться, иначе получается тот «интеллигентский индивидуализм», о котором Ленин говорил в 1904 году: противопоставление части целому, нарушение правил организованности и дисциплинированности. На примерах и эпизодах, приводимых историей партии, партия учится пониманию существа революционной организации.

Берем 1914 год. Вокруг большевиков и их органа «Правда» сплотилась, порвав с 1912 года с ликвидаторами, социал-демократическая партия.

«Там, где сплотилось большинство сознательных рабочих вокруг точных и определенных решений, там есть единство мнений и действий, там есть партийность и партия». (О нарушении единства, прикрываемом криками об единстве. 1914 г.)

Примиренцы не признавали партии или «целого», упрекая ленинцев в расколе и нарушении единства партии: исключили из партии ликвидаторов! Тов. Троцкому казалось, что такой шаг повредит рабочему классу. Большевики не могли согласиться с этим.

«Пытаясь теперь убедить рабочих не исполнять решений того «целого» (т.-е. партии, *Вл. С.*,), которое признают марксисты-правдисты, Троцкий пытается дезорганизовать движение и вызвать раскол».

Неправильная позиция примиренцев приводила их к тому что, добиваясь внесения единства в рабочее движение, они против своей роли расстраивали это единство. Ленин указывал примиренцам, что нельзя нарушать «решения и... волю... передовых рабочих», ибо такие шаги могут привести к раскалыванию рабочих рядов.

Приведем еще два примера, показывающих неправильный организационный подход к разрешению тех или иных вопросов, нарушение правил революционной целесообразности.

Возьмем 1920 год. Выступление тов. Троцкого с тезисами о профсоюзах. Дискуссия о профсоюзах.

> «Подумайте только,—пишет Ленин,—после двух пленумов Центрального Комитета—9 ноября и 7 дек., посвященных неслыханно подробному, долгому, горячему обсуждению первоначального наброска тезисов т. Троцкого и всей защищаемой им политики партии в профсоюзах, один член Центр. Комитета *) остается одним из 19, который подбирает себе группу вне Центрального Комитета и с «коллективным» «трудом» этой группы выступает, как с «платформой», предлагая партс'езду «выбирать между двумя тенденциями!!!». (Еще раз о профсоюзах. 1921 г.)

И Ленин спрашивает:

> «Найдется-ли хоть один серьезный человек, не ослепленный фракционным самолюбием..., который бы в здравом уме и твердой памяти нашел революционно-целесообразным та-

*) Т. е. тов. Троцкий.

кое выступление по вопросам профдвижения такого авторитетного вождя, как Троцкий?!».

Вопросы профдвижения можно было лучше разрешить, не вынося их на широкую дискуссию, но подвергнув их деловому обсуждению в комиссии, где были бы представлены различные точки зрения.

Возьмем, наконец, 1923—1924 годы, последнюю дискуссию. В сентябре 1923 года Центральный Комитет партии приступил к подготовительным работам по проведению внутрипартийной демократии. О дальнейшем мы читаем в постановлениях 13-й конференции (конференция состоялась во время болезни Ленина, за несколько дней до его смерти, и резолюции выработаны без участия Ленина, но в строжайшем соответствии с основами ленинизма) следующее:

«В это время старые оппозиционные группы и группки, политика которых не раз уже была осуждена партией, сочли момент подходящим для того, чтобы перейти в атаку против ЦК партии. Рассчитав, что вопрос о внутрипартийной демократии вызовет обостренное внимание со стороны всех членов партии, оппозиционные группы решили поэксплоатировать этот лозунг во фракционных целях. После сентябрьского постановления пленума ЦК РКП появилось письмо т. Троцкого и вслед за ним письмо 46-ти. Эти документы давали совершенно неправильную и ультрафракционную *) оценку экономического положения в стране и внутреннего состояния партии, предрекали глубокий экономический кризис в республике и внутренний кризис в партии, выдви-

*) Резко фракционную.

гая против ЦК обвинения в неправильном руководстве.

«Вред этих фракционных выступлений тов. Троцкого и 46-ти усугублялся тем, что названные письма немедленно же стали достоянием широких кругов членов партии, широко распространялись в районах, среди учащейся молодежи в Москве и немедленно же стали распространяться также по всему Союзу ССР.

«Октябрьское совместное заседание пленумов ЦК и ЦКК с участием представителей от 10-ти крупнейших парторганизаций заслуженно осудило выступление т. Троцкого и 46-ти, как акт фракционности, и в то же время совместные пленумы ЦК и ЦКК единодушно одобрили инициативу Политбюро в вопросе об оживлении внутрипартийной работы и усилении рабочей демократии. Совместные пленумы ЦК и ЦКК постановили не выносить поднятые тов. Троцким и 46-ю споры за пределы Центрального Комитета, не оглашать писем тов. Троцкого и 46-ти, равно как и ответа Политбюро и осудившую «оппозицию» большинством 102-х против 2-х при 10-ти воздержавшихся резолюцию ЦК и ЦКК.

«Тем не менее, тов. Троцкий и 46 его сторонников не подчинились решению столь авторитетного партийного учреждения и продолжали систематический поход против ЦК партии сначала в широких кругах Московской организации, а затем и по всему Союзу ССР

«Политбюро, руководясь решением совместных пленумов, приступило к выработке резолюции о внутрипартийном положении и о рабочей демократии. Несмотря на фракционное выступление тов. Троцкого, большинство Политбюро сочло необходимым добиваться соглашения с ним. В резуль-

тате длительных усилий большинства Политбюро была принята единогласно, и 5 декабря 1923 года была опубликована резолюция Политбюро и Президиума ЦКК о внутрипартийном строительстве.

«Но «оппозиция» продолжала свою фракционную борьбу... В то время, как большинство ЦК и ЦКК, связанное своим собственным постановлением о неопубликовании известных документов, лойяльно проводило это решение, «оппозиция» продолжала широко распространять свои фракционные документы. Через два дня после опубликования единогласно принятой резолюции Политбюро и Президиума ЦКК, тов. Троцкий выступил с известным письмом под заглавием «Новый курс», которое на деле было фракционным манифестом, направленным против ЦК. Появившиеся вслед за тем статьи тов. Троцкого еще больше подчеркнули фракционность его выступлений — так же, как и брошюра тов. Троцкого («Новый курс»), появившаяся в день открытия всесоюзной конференции.

«С момента появления фракционного манифеста тов. Троцкого борьба обостряется еще больше. «Оппозиция» поднимает в Москве, в особенности в военных ячейках и в ячейках вуз'ов, небывалую еще в истории нашей партии кампанию против ЦК, сея недоверие к Центральному Комитету партии...».

В 1923—24 году партия, как и в 1921 г., сплотилась вокруг Центрального Комитета и не позволила оппозиции нарушить организационные основы нашей партии. Сопоставляя 1910—1911 г.г., 1914, 1920—21, 1923—24 г.г., мы находим в них примеры неправильного организационного подхода к разрешению стоящих перед рабочим классом задач, нарушение революционной целесообразности. Партия должна избегать таких ошибок.

1912—1917 годы.

1908—1911 годы были наиболее тяжелым периодом в истории нашей партии. С конца 1911 года начинается новый под'ем рабочего движения, непрерывно возраставший до лета 1914 года, когда империалистическая война «сорвала» надвигающуюся революцию и отсрочила ее на несколько лет.

В период второго под'ема (1912—1914 г.г.; первый под'ем—это революция 1905—1907 г.г., третий—революция 1917 года) особенно большую роль в истории партии сыграла конференция в Праге 1912 г. На конференции были представлены все действующие в России организации. Конференция конституировалась, как верховный орган партии, порвала с ликвидаторами и избрала ЦК во главе с Лениным. Восстановление партии после поражения революции 1905 г. Упорная борьба большевиков за партию против всех враждебных партии течений и направлений дала теперь свои результаты: все, что было в рабочем классе передового и революционного, сплотилось вокруг большевиков.

С началом империалистической войны рабочее движение снова подавлено. Разгром партийных организаций. Полоса новой реакции. Февральская революция 1917 года. Легальное (после июльских дней на некоторый срок полулегальное) существование нашей партии. Октябрьская революция. Диктатура пролетариата. Партия у власти.

Мимоходом отметим взгляд Ленина на единство пролетариата в период империалистической войны. Война принесла с собой крушение II Интернационала. Большевики ведут борьбу за сплочение революционных элементов и создание III Интернацио-

нала. В течение всей войны Ленин доказывает рабочим необходимость разрыва с оппортунистами, с социал-шовинистами. Тем, кто воспевал «единство» революционеров с оппортунистами и пугал перспективой раскола, Ленин отвечал так:

«Единство пролетариата есть величайшее оружие его в борьбе за социалистическую революцию. Из этой бесспорной истины столь же бесспорно вытекает, что, когда к пролетарской партии примыкают в значительном числе мелкобуржуазные элементы, способные мешать борьбе за социалистическую революцию, единство с такими элементами вредно и губительно для дела пролетариата». (Что же дальше? 1914 г.)

За долгие годы мирного развития западно-европейских социалистических партий в них накопилась масса мелко-буржуазного, оппортунистического «навоза», нужно этот «навоз» выбросить вон. Формально оппортунисты — члены партии, стало быть, «социалисты».

«В действительности формальная принадлежность оппортунистов к рабочим партиям нисколько не устраняет того, что они являются — об'ективно — политическим отрядом буржуазии, проводниками ее влияния, агентами ее в рабочем движении». (Крах II Интернационала. 1915 г.)

«Раз'яснять массам неизбежность и необходимость раскола с оппортунизмом, воспитывать их к революции беспощадной борьбой с ним, учитывать опыт войны для вскрытия всех мерзостей национал-либеральной рабочей политики, а не для прикрытия их,—вот единственная марксистская линия в рабочем движении мира». (Империализм и раскол социализма. 1916 г.)

Обратим внимание на мысль Ленина: единство пролетариата есть величайшее оружие его в борьбе за социалистическую революцию. Пролетариату выгодно, если он в борьбе против буржуазии действует, как одно целое, а не дробится на несколько частей, идущих каждая за своей «рабочей» партией. В Германии, например, рабочий класс, «расколот» между коммунистами и социал-демократами, не считая других, более второстепенных партий. Разумеется, «единство» пролетариата лучше «расколотости» его, но только в том случае, если это единство построено на определенной идейной основе, именно на основе коммунизма. Ошибка думать, что раз «расколотость» пролетариата есть зло, то надо все рабочие партии об'единить в одну большую партию, куда входили бы и коммунисты, и соц.-демократы и другие, и тогда такая «единая» партия и такое «единство» пролетариата будут якобы добром. Именно нет. Организационное единство с оппортунистами означает невозможность борьбы за социализм. Поэтому коммунисты во всех странах порвали с социал-демократами. Единство пролетариата, сплочение его вокруг коммунистической партии создается упорной борьбой за влияние на рабочих, борьбой за овладение сознанием миллионов пролетариев. Коммунисты должны переубедить рабочих, идущих за социал-демократами, доказать им свою правоту и тем, в самом деле, создать единство пролетариата на коммунистической идейной основе. Такое единство будет в самом деле величайшим оружием пролетариата в его борьбе за полную победу социализма. Такое единство достигнуто русской коммунистической партией. Единство пролетариата создается не об'единением с оппортунистами, а полным и безоговорочным отделением от них, победой над ними.

Глава IX.

Левый коммунизм.

Остановимся на некоторых моментах из эпохи диктатуры пролетариата (1917 и последующие годы). В 1918 году партия пережила большой внутренний кризис, связанный с возникновением в ее рядах фракции или группы «левых коммунистов». Левые коммунисты не хотели признавать Брест-Литовского мира, навязанного нам германским империализмом. Партия, руководимая Лениным, пошла на этот тяжелый мир с целью выиграть время и получить передышку, нужную для укрепления только-что возникшей советской власти. Ход событий целиком подтвердил правильность политики Ленина. Оппозиция левых коммунистов представляла собой мелкобуржуазное течение, победа которого привела бы к гибели диктатуры пролетариата. Борьба большевиков-ленинцев с левым коммунизмом носила одно время чрезвычайно острый характер, но рабочие и крестьяне не поддержали левых, поддержали политику партии, а вспыхнувшая в Германии революция аннулировала Брест-Литовский мир и уничтожила почву для дальнейших разногласий. Левый коммунизм тихо умер своей смертью, никем не поддержанный, и руководители левого коммунизма открыто признали свою ошибку. Вот что говорил на 7-м с'езде партии (март 1918 г.) Ленин о левом коммунизме:

«Тот тяжелый кризис, который переживает наша партия в связи с образованием в ней левой оппозиции, является одним из величайших кризисов, переживаемых русской революцией.

«Этот кризис будет изжит. Никоим образом ни наша партия ни наша революция на нем себе шеи не сломают, хотя в один момент это было совсем близко, совсем возможно. Гарантией того, что мы на нем шеи не сломаем, является то обстоятельство, что вместо старого способа решения фракционных разногласий, который состоял в необыкновенном количестве литературы и всяких дискуссий, в создании достаточного числа расколов, события принесли нам новый способ, как людям учиться. Это — способ проверки спора фактами, событиями, уроками всемирной истории. Я вижу ясно... что старым способом фракционных расколов эта болезнь не будет излечена, потому что ее излечит жизнь раньше». (Речь на 7-м с'езде партии. 1918 г.)

Никакого сомнения не может быть в том, что если бы интересы дела потребовали, Ленин не остановился бы перед исключением левых из партии. Но Ленин видел, что левый коммунизм недолговечен, отомрет сам собою, и левые с партией помирятся, как только пройдет опьянение «революционной фразой». Левые говорили, что мир подписывать не нужно, немец не будет наступать, а если будет, то мы сможем обороняться. Стремительное развитие событий ежедневно показывало тем, кто шел за левыми, что мы драться не можем, наступать немец будет и мир подписывать обязательно надо. Почва из-под ног левых ускользала с великой быстротой, жизнь показывала всем, что передышка, отстаиваемая Лениным (левые говорили, что передышка невозможна), есть факт. Сторонники левых на ежедневном опыте убеждались, что политика Ленина верна, а левых—ошибочна. Левый комму-

низм растаял, отмер. Ленин рассуждал так: жизнь в ближайшее же время докажет левым правоту нашей тактики, поэтому можно потерпеть наличие в партии «фракции» левых коммунистов, не исключать ее,—она все равно скоро сама растворится в партии. Благодаря такому подходу Ленина, дело обошлось без раскола, и левые избежали опасности оказаться вне партии.

Группа демократического централизма.

Ко времени 9-го с'езда (1920 г.) в партии возникла оппозиция, известная под именем «группы демократического централизма». Это мелкобуржуазное течение зародилось и развилось на почве недовольства неустойчивых элементов тем строгим внутрипартийным режимом, который партия установила в своих рядах в период гражданской войны. Партия понимала, что без централизма, без железной дисциплины, без распределения работников центром победить нельзя. Неустойчивые элементы тяготились дисциплиной, роптали против «назначения» центром руководителей местными организациями, хотя эти назначения вызывались интересами возможно более быстрого и точного выполнения распоряжений центра, руководившего обороной страны. На 9-м с'езде оппозиция (т.т. Сапронов, Максимовский, Осинский) выступила с нападками против Ц. К., против «диктатуры вождей», «олигархии» и проч. Вся эта оппозиция была направлена, в конце-концов, против Ленина, как вождя партии и вдохновителя политики партии и ее Центр. Комитета.

Оппозиции, нападавшей на «назначенство», Ленин говорил:

«Зачем же тогда централизм? Могли ли бы мы продержаться два месяца, если бы мы не назначали в течение двух лет, когда мы в разных местах переходили от полного истощения и разрушения опять к победе». (Речь на 9-м с'езде партии. 1920 г.)

Дальше шли упреки оппозиции в «неправильном» перемещении и распределении работников.

«Как можно так распределять, чтобы каждый был доволен? Если не будет этого распределения, то тогда зачем говорить о централизме».

Группа демократического централизма имелась и на 10-м с'езде партии (1921 г.).

Рабочая оппозиция.

Рабочая оппозиция (1920—21 г.) представляла собой анархо-синдикалистский уклон в партии. В чем отличие коммунизма от синдикализма?

«Коммунизм говорит: авангард пролетариата, коммунистическая партия, руководит беспартийной массой рабочих, просвещая, подготовляя, обучая, воспитывая эту массу («школа» коммунизма), сначала рабочих, а затем и крестьян, для того, чтобы она могла притти и пришла к сосредоточению в своих руках управления всем народным хозяйством

«Синдикализм передает массе беспартийных рабочих, разбитых по производствам, управление отраслями промышленности («главки и центры»), уничтожая тем самым необходимость в партии, не ведя длительной работы ни по вос-

питанию масс ни по сосредоточению на деле управления в их руках всем народным хозяйством». (Кризис партии. 1921 г.).

Взгляды рабочей оппозиции, если их довести до конца, представляли собой отрицание роли и значения политической партии пролетариата, как руководителя всеми сторонами рабочего движения. Точка зрения рабочей оппозиции приводила к подчинению партии беспартийной стихии и к уничтожению диктатуры пролетариата. Ленин на 10-м с'езде партии (с'езд происходил во время кронштадтского мятежа) выступил с резкой критикой идеологии рабочей оппозиции. Взгляды рабочей оппозиции были осуждены с'ездом.

Полезно вдуматься в то, как Ленин об'яснял возникновение в партии такого мелкобуржуазного течения, как рабочая оппозиция (анархо-синдикализм). Не забудем, что «расцвет» рабочей оппозиции относится к тому периоду, когда военный коммунизм уже изжил себя, больше не оправдывал себя, и нужны были новые формы хозяйствования: партия нашла их в новой экономической политике. Переход от военного коммунизма к новой экономической политике был чрезвычайно тяжел. Военный коммунизм давил мелких товаропроизводителей, сковывал развитие товарооборота, разрушал крестьянскую экономику, заставлял мелкобуржуазную стихию колебаться, волноваться, подыматься против советской власти (Кронштадт). Эти колебания передавались и внутрь партии, вызывая шатания и метания среди наиболее неустойчивых элементов, разочарование в силе партии найти выход из положения, убеждение в том, что беспартийная масса сама, без партии справится с тяжелым кризисом и

выведет страну из экономических затруднений. Если бы взгляды рабочей оппозиции восторжествовали, диктатура погибла бы.

Ленин об'яснял возникновение анархо-синдикалистского уклона в партии тем именно, что этот уклон вызван

> «отчасти вступлением в ряды партии элементов, не вполне еще усвоивших коммунистическое миросозерцание, главным же образом уклон этот вызван воздействием на пролетариат и на РКП мелкобуржуазной стихии, которая исключительно сильна в нашей стране и которая неизбежно порождает колебания в сторону анархизма, особенно в моменты, когда положение масс резко ухудшилось, вследствие неурожая и крайне разорительных последствий войны и когда демобилизация миллионной армии выбрасывает сотни и сотни тысяч крестьян и рабочих, не могущих сразу найти занятия и средства к жизни». (Составленная Лениным резолюция 10-го с'езда о синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии. 1921 г.)

Мелкобуржуазные колебания и настроения в партии могут принимать самые разнообразные формы, носить самый различный характер. Об'ясняются они, во-первых, наличием в партии элементов, не вполне еще усвоивших коммунистическое миросозерцание, во-вторых, воздействием на пролетариат и на РКП мелкобуржуазной стихии. Мелкобуржуазная стихия давит на партию, находящиеся в ней неустойчивые элементы поддаются этому давлению, откликаются на него высказыванием мелкобуржуазных идей, выражением мелкобуржуазных настроений. Всякая оппозиция внутри на-

шей партии, до тех пор, пока она является партией ленинской, большевистской, есть мелкобуржуазная оппозиция, есть результат давления на партию мелких товаропроизводителей, интеллигенции, служилого «сословия», верхушек крестьянской буржуазии, ищущих внутри партии проводников своих интересов и нужд и находящих этих проводников в лице элементов, «не вполне еще усвоивших коммунистическое миросозерцание». Сказанное здесь применимо к любой оппозиции внутри нашей партии за все время ее существования, к последней оппозиции в том числе.

Кризис партии в 1920—1921 г.г.

Военный коммунизм исчерпал себя и находится в тупике. Все противоречия военного коммунизма проявляются с особенной остротой и со всех сторон давят на партию, пролетариат, крестьянство. Назрела потребность в переходе к новой экономической политике. Значительный рост мелкобуржуазных настроений и шатаний в партии. Рост оппозиционных течений внутри партии. Дискуссия о профсоюзах. Восстание в Кронштадте. Внутри партии ряд фракций, групп и группок; «большевики-ленинцы» («десятка»), «троцкисты», «буфер», «рабочая оппозиция», «демократический централизм» и др. Опасность раздробления партии. В ходе дискуссии о профсоюзах и на 10-м с'езде партии (март 1921 г.) огромное большинство партии сплачивается вокруг Ленина и преодолевает все мелкобуржуазные течения. Партийный «закон» о запрещении в партии группировок. Партия выходит единой из величайшего кризиса. Новая экономическая политика.

Во время внутрипартийной борьбы, носившей ожесточеннейший характер, Ленин поставил вопрос: что надо делать, чтобы достигнуть быстрейшего и вернейшего излечения партии?—и отвечал на этот вопрос так:

«Надо, чтобы все члены партии с полным хладнокровием и величайшей честностью принялись изучать, во-первых, сущность разногласий, и, во-вторых, развитие партийной борьбы. Необходимо и то и другое, ибо сущность разногласий развертывается, раз'ясняется, конкретизируется (а сплошь и рядом и видоизменяется) в ходе борьбы, которая, проходя разные этапы, показывает нам всегда на каждом этапе не одинаковый состав и число борющихся, не одинаковые позиции в борьбе и т. д. Надо изучать то и другое, обязательно требуя точнейших документов, напечатанных, доступных к проверке со всех сторон. Кто верит на-слово, тот безнадежный идиот, на которого махают рукой. Если нет документов, нужен допрос свидетелей обеих или нескольких сторон и обязательно «допрос с пристрастием» и «допрос при свидетелях». (Кризис партии. 1921 г.)

Ленин с величайшим вниманием изучал развитие внутрипартийной борьбы, прослеживая ее шаг за шагом. Таков метод Ленина: всегда брать какое-нибудь явление в его зарождении, развитии, завершении, доискиваться корней, изучать процесс изменения. Изучая ошибки оппозиции (Троцкий, Бухарин и др.), ее отклонения от правильной линии, Ленин писал:

«Из маленьких расхождений и разногласий выросли большие, как всегда бывает при срав-

нительно маленьких ошибках, если на маленькой ошибке настаивают и сопротивляются изо всех сил ее исправлению или если за маленькую ошибку одного или немногих уцепятся люди, делающие большую ошибку. Так всегда растут разногласия и «расколы».

Всякая борьба имеет свою логику. Если я сделал ошибку и не хочу ее исправить, я должен делать дальнейшие выводы из неправильной мысли, то-есть, должен все дальше и дальше уходить от партийной линии.

«Есть об'ективная логика фракционной борьбы, которая даже лучших людей, если они настаивают на занятой ими неправильной позиции, неизбежно приводит к положению, ничем фактически не отличающемуся от беспринципной демагогии. Этому учит вся история фракционных войн».

Можно привести бесчисленное множество примеров того, как люди, сделавшие ошибку и не пожелавшие ее исправить, но, наоборот, продолжавшие на ошибке настаивать, цепляться за ошибку, обращались в конце-концов во врагов партии.

Отстаивая партийную линию против нападений оппозиции, Ленин в то же время не игнорировал и правильных мыслей у оппозиции, если таковые у нее были, и внимательно относился ко всем деловым предложениям, от кого бы они ни исходили.

«Если есть хотя что-либо здоровое в этой оппозиции, — говорил Ленин о рабочей оппозиции,—надо все силы употребить, чтобы здоровое от нездорового отсеять». (Речь на 10-м с'езде партии 1921 г.)

Как Ленин относился к той дискуссии о профсоюзах, которая отняла у партии так много времени?

> «На мой взгляд... допустив такую дискуссию, мы, несомненно, сделали ошибку». (Речь на 10-м с'ёзде партии. 1921 г.)

Дискуссия разбила партию на несколько фракций, ожесточенно боровшихся между собой в тот период, когда страна переживала величайшие хозяйственные затруднения. Дискуссия отвлекала внимание партии от стоящих перед ней задач. Когда Ленин говорил во время дискуссии оппозиционерам: «Смотрите, тут есть угроза господству рабочего класса и диктатуре рабочего класса», — товарищи из оппозиции кричали, что Ленин их хочет запугать, застращать. А в марте вспыхнуло кронштадтское восстание, и диктатура пролетариата в самом деле подверглась величайшим испытаниям. Партия, стоящая у власти в такой стране, как наша, не должна позволять себе роскошь дискуссий, должна бороться с теми, кто ставит партию перед необходимостью фракционной борьбы.

Единство партии.

Для того, чтобы рабочий класс мог в Советской России сохранить свою диктатуру, безусловно, необходимо строжайшее единство партии. Если бы партия раскололась на несколько частей, ожесточенно боровшихся друг с другом за влияние, то рабочий класс не мог бы удержать свою власть. Наша сила в том, что партия большевиков действует и борется, как один человек. Политические враги пролетариата

за годы гражданской войны были раздроблены на множество партий. Против них стояла единая партия пролетариата—большевики. Мы победили всех своих противников между прочим и потому, что сумели сохранить свои ряды сплоченными.

Была большая опасность раскола в 1918 году, когда образовалась фракция или группа левых коммунистов.

Остро вопрос об единстве партии стоял в 1920—1921 г.г., когда партия переживала тяжелый внутренний кризис: партийному большинству (Ленин, Зиновьев, Сталин, Каменев и др.) пришлось вести упорную борьбу с целым рядом всяких групп и фракций, разлагавших партию.

В третий раз партия пережила большой кризис во время последней дискуссии (ноябрь 1923—январь 1924 г.), незадолго до смерти Ленина. Остатки старых группировок об'единились и во главе с т.т. Троцким, Сапроновым, Преображенским и др. повели борьбу против основного большевистского ядра, состоящего из учеников Ленина и играющего в партии руководящую роль. Дискуссия носила ожесточеннейший характер и обнаружила наличие в партии мелкобуржуазного уклона. Рабочие ячейки в своем подавляющем большинстве сплотились вокруг центрального комитета партии, вокруг «ленинцев», и дали твердый и решительный отпор всем попыткам колебнуть партийное единство.

Перейдем теперь к изучению принятой 10-м с'ездом по предложению Ленина резолюции об единстве партии, останавливаясь при этом на каждом пункте резолюции. Эта резолюция, написанная Лениным, является одним из важнейших документов ленинизма: она определяет внутрипартийную политику вперед на все годы пролетарской диктатуры.

Ко времени 10-го с'езда партия на опыте увидела всю гибельность дискуссий, связанных с ожесточенной групповой и фракционной борьбой.

«Сплочение партии, недопущение оппозиции в партии—политический вывод из современного момента». (Речь на 10 с'езде партии. 1921 г.)

Так Ленин определял наши внутрипартийные задачи.

«С'езд обращает внимание всех членов партии на то, что единство и сплоченность ее рядов, обеспечение полного доверия между членами партии и работы действительно дружной, действительно воплощающей единство воли авангарда пролетариата является особенно необходимым в настоящий момент, когда ряд обстоятельств усиливает колебание в среде мелко-буржуазного населения страны». (Резолюция 10-го с'езда об единстве партии.)

Ленин требует от всех членов партии, прежде всего, единства и сплоченности. Внутри партии должно быть полное доверие друг к другу, а доверие бывает лишь в том случае, если все члены партии чувствуют себя единомышленниками, членами единой партии. Никакое доверие невозможно, если мы принадлежим к каким-либо фракциям или группировкам и потому неизбежно смотрим на всякого члена другой, не моей группы, как на своего политического противника, врага, чужого Если я действительно член своей партии, большевик-ленинец, то, разумеется, я не могу питать ни малейшего доверия к людям, которые образуют внутри партии группировки и разлагают партию, расшатывают ее.

Нужна, — говорит дальше Ленин, — дружная работа, воплощающая единство воли партии. Когда партия дробится на группы и фракции, ведущие между собою ожесточенную дискуссию, ни о какой дружной работе нельзя, конечно, и думать. В период групповой борьбы всякая положительная работа вообще разваливается, ибо все усилия борющихся направлены к тому, чтобы обеспечить победу своего направления.

Фракционная борьба (1918 г.—левый коммунизм; 1920 — 21 г.г. — группа демократического централизма, рабочая оппозиция, дискуссия о профсоюзах; 1923 — 24 г.г. — оппозиция т.т. Троцкого, Преображенского, Сапронова и др.) постоянно наносила огромный ущерб партийной работе.

Единство, взаимное доверие, дружная работа нужны партии всегда; в особенности же соблюдение этих условий необходимо в период усиленного колебания в среде мелкобуржуазного населения страны (Кронштадт; «ножницы»).

Партии нужно единство; но было ли оно в полной мере к весне 1921 года? Ленин пишет:

> «Между тем, еще до общепартийной дискуссии о профсоюзах в партии обнаружились некоторые признаки фракционности, то-есть возникновение групп с особыми платформами и со стремлением до известной степени замкнуться и создать свою групповую дисциплину».

Иногда сторонники создания в партии группировок говорят: мы за допущение групп, но против фракций, — и тем создают у неопытных товарищей впечатление, будто бы это совсем-совсем разные вещи. Что вы, что вы? разве мы за фракции? разве

мы не знаем, что фракции вредят партии? мы только за группы, а это совсем другое дело. Это в роде того испанца, который говорил, что верить в бога— противно всякому образованному человеку, но верить в богородицу—это совсем другое дело. Никакой мало-мальски серьезной разницы между фракцией и группой нет. Фракция или группа — это по сути дела одно и то же. В обоих случаях дело идет о создании внутри партии организации, рассматривающей себя как нечто обособленное от партии. Если эта обособленность не очень большая, зашла еще не очень далеко, то можно говорить, что мы имеем дело с группой, в противоположном случае — с фракцией. Но это разделение до последней степени искусственное и условное. «Левые коммунисты», например, составляли фракцию в полном смысле слова: не подчинялись партии, издавали свой особый журнал, имели свое особое «бюро», но называли себя «группой».

Пусть юристы занимаются «научным» разграничением групп и фракций. Партия и против групп и против фракций. Партия против того, чтобы те или иные члены ее собирались отдельно от всей партии, имели бы свои собственные комитеты или бюро, составляли бы особые платформы (резолюции, программы по тем или иным вопросам), вводили для своих членов особую групповую или фракционную дисциплину и т. д.

«Необходимо, чтобы все сознательные рабочие ясно сознали вред и недопустимость какой-бы то ни было фракционности, которая неминуемо ведет на деле к ослаблению дружной работы и к усиленным повторным попыткам примазывающихся к правительственной партии вра-

гов ее **углублять разделение и использовать его** в целях контр-революции».

Заметим, что Ленин высказался не просто против вполне сложившихся, вполне организованных фракций, но даже против «какой бы то ни было фракционности»: партия должна сознавать вред и бороться против зачатков и зародышей фракционных группировок.

Надо уяснить себе следующее. Дело вовсе не обстоит так, что коммунисты всегда, везде, при всех обстоятельствах стоят за единство рабочей партии, всегда, везде осуждают всякий раскол, всякую фракционность. Если в какой-нибудь заграничной социал-демократической (меньшевистской) партии образуется коммунистическая, революционная фракция, которая будет вести борьбу против большинства (меньшевистского) и не остановится перед расколом, выходом из партии и т. д., то это хорошо, мы за такую фракцию и за нарушение такого единства. До 1912 года мы вместе с меньшевиками входили в общую партию, постоянно вели с ними борьбу и несколько раз раскалывались. Такая тактика была вполне законной, ибо мы отстаивали большевизм, ленинизм против соглашателей и оппортунистов, боролись за создание крепкой, сплоченной, централизованной марксистской партии.

На втором с'езде партии (1903 г.), где произошло разделение социал-демократов на большевиков и меньшевиков, последние, по их собственным словам, подняли знамя «восстания против ленинизма», стали в оппозицию к ленинизму. По этому поводу Ленин писал:

«Восстание — прекрасная вещь, когда восстают передовые элементы против реакционных

Когда революционное крыло восстает против оппортунистического,—это хорошо. Когда оппортунистическое крыло восстает против революционного,—это дурно». (Ленин. Шаг вперед, два шага назад. 1904 г.)

В этом-то все дело. Под руководством Ленина большевики создали могучую партию пролетариата, подлинно революционную, марксистскую партию. До тех пор, пока это так, всякие фракции и группировки внутри партии суть фракции и группировки антимарксистские, антиленинские, антибольшевистские, мелко-буржуазные. И партия не может позволить им колебать основы партии. Ибо «когда оппортунистическое крыло восстает против революционного, это дурно».

Все надежды наших врагов построены на том, что партия когда-нибудь да поколется, что внутри ее образуется сильная мелкобуржуазная фракция, которая нарушит, наконец, единство партии, расшатает ее. Поэтому всякий раз как в партии возникает фракционная борьба, буржуазия пытается, как сказано у Ленина, «углублять разделение и использовать его в целях контр-революции». В подобных случаях буржуазия всегда хвалит «оппозицию», поощряет ее, находит в ней разные хорошие качества, советует довести борьбу до конца и пр.

«Использование врагами пролетариата всяких уклонений от строго выдержанной коммунистической линии с наибольшей наглядностью показало себя на примере кронштадтского мятежа, когда буржуазная контр-революция и белогвардейцы во всех странах мира сразу выявили свою готовность принять лозунги даже советского строя, лишь бы свергнуть диктатуру пролета-

риата в России, когда эсеры и вообще буржуазная контр-революция использовала в Кронштадте лозунги восстания якобы во имя советской власти против советского правительства в России».

Кронштадтские мятежники заявляли, что они стоят за советы, но только без коммунистов, без диктатуры партии. Выходило, что кронштадтцы тоже как будто признают советскую власть, но только с небольшими изменениями. Буржуазия тотчас же уцепилась за это «уклонение от строго выдержанной коммунистической линии» и заявила себя сторонником кронштадтцев и ихних советов.

«Такие факты доказывают вполне, что белогвардейцы стремятся и умеют перекраситься в коммунистов и даже «левее» их, лишь бы ослабить и свергнуть оплот пролетарской революции в России. Меньшевистские листки в Петрограде накануне кронштадтского мятежа показывают равным образом, как меньшевики использовали разногласия в РКП, чтобы фактически подталкивать и поддерживать кронштадтских мятежников, эсеров и белогвардейцев, выставляя себя на словах противниками мятежей и сторонниками советской власти лишь с небольшими будто бы поправками».

Дальше Ленин переходит к определению задач нашей внутрипартийной пропаганды.

«Пропаганда по данному вопросу должна состоять, с одной стороны, в обстоятельном об'яснении вреда и опасности фракционности с точки зрения единства партии и осуществления единства воли авангарда пролета-

риата, как основного условия успеха диктатуры пролетариата, с другой стороны, в об'яснении своеобразия новейших тактических приемов врагов советской власти».

Главнейшая опасность фракционности состоит в том, что всякая фракция или группировка есть зародыш новой партии внутри партии большевиков. Если «разрешить» фракции, то все они будут бороться друг с другом за влияние, за преобладание. Каждая фракция захочет, чтобы проводились те взгляды, которые она отстаивает. Но ведь партия наша живет не в подполье, а управляет государством, держит в своих руках государственный аппарат, профессиональные союзы, Красную армию. Если бы в советах, профсоюзах, армии создалось две фракции, то это значило бы, что советы, профсоюзы, армия разделились бы на две враждебные части, и если бы обострение зашло далеко, то спор стали бы решать силой оружия. Это значило бы конец советской власти и диктатуры пролетариата в России. Меньшевики и большевики тоже когда-то составляли две фракции внутри официально единой партии, тоже боролись за преобладание в рабочем классе и, наконец, разрешили свой исторический спор вооруженной борьбой.

Ленин постоянно, много раз указывал на то, что всякое отклонение от партийной линии, если во время не остановиться, может завести очень далеко.

«Всякое маленькое разногласие может сделаться большим, если на нем настаивать, если выдвинуть его на первый план, если приняться за разыскание всех корней и всех ветвей этого разногласия. Всякое маленькое

разногласие может получить огромное значение, если оно послужит исходным пунктом поворота к известным ошибочным воззрениям, и если эти ошибочные воззрения соединятся, в силу новых и добавочных расхождений, с анархическими действиями, доводящими партию до раскола». (Ленин. Шаг вперед, два шага назад. 1904 г.)

Это писалось во время борьбы большевиков с меньшевиками после 2-го с'езда партии (1903 г.). А вот снова та же мысль:

«Из маленькой ошибки всегда можно сделать чудовищно-большую, если на ошибке настаивать, если ее «доводить до конца». (Ленин. Детская болезнь левизны в коммунизме. 1920 г.)

С большой силой и ясностью мысль об опасности расхождений повторена Лениным в 1921 году незадолго до 10-го с'езда, в разгар дискуссии о профсоюзах.

«Всякий знает, что большие разногласия вырастают иногда из самых маленьких — ничтожных даже в начале — расхождений. Всякий знает, что ничтожная ранка или даже царапинка, которые каждому приходилось получать в жизни десятками, способна превратиться в опаснейшую, а то и безусловно смертельную болезнь, если ранка начала загнивать, если возникает заражение крови. Так бывает во всяких, даже чисто личных конфликтах. Так бывает и в политике. Любое, даже ничтожное расхождение может стать политически опасным, если является возможность того, что оно разрастется в раскол, и притом такого именно рода раскол, который сно-

собен поколебать и разрушить все политическое здание, привести—говоря сравнением тов. Бухарина—к крушению поезда». (Еще раз о профсоюзах. 1921 г.)

Разногласия становятся особенно опасными тогда, когда они связаны с образованием обособляющихся от партии фракций. Всякая группировка может дойти до откола от партии, ибо всякая борьба имеет свою логику. Надо не забывать поэтому требования Ленина об «обстоятельном» об'яснении вреда и опасности фракционности с точки зрения единства партии».

Ленин требовал также раз'яснять «своеобразие новейших тактических приемов врагов советской власти». В чем заключается новая тактика буржуазии? Ленин поясняет:

«Эти враги, убедившись в безнадежности контр-революции под открыто белогвардейским флагом, напрягают теперь все усилия, чтобы, используя разногласия внутри РКП, двинуть контр-революцию так или иначе путем передачи власти политическим группировкам, наиболее близким по внешности к признанию советской власти».

Буржуазия не могла свалить нас открытой силой. Поэтому она изменила свою тактику, решила поддерживать тех, кто «по внешности» близок к лозунгам советской власти, но только чуть-чуть отклоняется от большевистской линии.

«Пропаганда должна выяснить также опыт предшествующих революций, когда контр-революция поддерживала наиболее близкие к крайней революционной партии мелкобуржуазные группировки, чтобы поколебать и свер-

гнуть революционную диктатуру, открывая тем дорогу для дальнейшей полной победы контр-революции капиталистов и помещиков».

Во время великой французской революции контр-революция воспользовалась образованием фракций внутри победившей революционной (якобинской) партии, поддержала «умеренное» крыло против «крайнего» крыла той же партии, свалила таким путем крайних, а вслед за ними пришла очередь и умеренных. Умеренные оказались бессознательным орудием в руках контр-революции. Нынешняя буржуазия была бы, конечно, очень довольна, если бы в среде нашей партии образовалось «умеренное» крыло, которое стояло бы за «смягчение диктатуры» и пр. и свалило бы «крайнее», ленинское крыло. Но надежды буржуазии останутся тщетными. Проследим дальше за директивами Ленина.

«Необходимо, чтобы каждая организация партии строжайше следила за тем, чтобы безусловно необходимая критика недостатков партии, всякий анализ общей линии партии или учет ее практического опыта, проверка исполнения ошибок и т. п. были бы направляемы не на обсуждение групп, складывающихся на какой-либо «платформе» и т. п., а на обсуждение всех членов партии. Для этого с'езд предписывает издавать регулярнее «Дискуссионный листок» и особые сборники».

Ленин отнюдь не запрещает критиковать недостатки партии, напротив, он считает подобную критику «безусловно необходимой». Но Ленин говорит: если у тебя есть что сказать о наших недостатках, если у тебя возникли какие-нибудь мысли и идеи

о политике партии, о способах исправления наших ошибок, то ты не подбирай себе группу, которая где-то такое собирается помимо партии, конспирирует, шушукается, чтобы потом выстрелить по партии «платформой», а неси результаты своих размышлений на обсуждение всех членов партии. Это единственно правильный путь разрешения всех партийных вопросов.

Критиковать недостатки партии необходимо, но в то же время

> «всякий, выступающий с критикой, должен учитывать положение партии среди окружающих ее врагов, а также должен своим непосредственным участием в советской и партийной работе стремиться к исправлению на деле ошибок партии».

Ленин указывает рамки критики: она не должна носить безответственного характера. Надо помнить, что нашу критику слушают не только друзья и единомышленники — рабочие и крестьяне,—но и враги. Наша критика должна носить такой характер, чтобы она помогала партии находить и преодолевать ее недостатки и в то же время не давала оружия в руки врагов. Критика ради критики — ничего не стоит. Не только критикуй недостатки, но и помогай непосредственно делом устранению их.

> «Поручая Центральному Комитету провести на деле полное уничтожение всякой фракционности, с'езд заявляет в то же время, что по вопросам, привлекающим особое внимание членов партии, об очистке партии от непролетарских и ненадежных элементов, о борь-

бе с бюрократизмом, о развитии демократизма и самодеятельности рабочих и т. п., какие бы то ни было деловые предложения должны быть рассматриваемы с величайшим вниманием и испытываемы на практической работе».

Партии нужны не фракции и группировки с «платформами», а деловые предложения.

«Все члены партии должны знать, что по этим вопросам партия не осуществляет всех необходимых мер, встречая целый ряд разнообразных препятствий, и что, отвергая решительно неделовую и фракционную критику, партия неустанно будет продолжать, испытывая новые приемы, бороться всякими средствами против бюрократизма, самодеятельности, за раскрытие, разоблачение и изгнание примазавшихся к партии и т. д.».

Указанные здесь задачи партия никогда не должна забывать.

«С'езд предписывает немедленно распустить все без из'ятия, образовавшиеся на той или иной платформе, группы и поручает всем организациям строжайше следить за недопущением каких-либо фракционных выступлений. Неисполнение этого постановления с'езда должно вести за собой безусловное и немедленное исключение из партии».

Фракции и группировки представляют для партии большую опасность, но эта опасность еще усиливается, если фракционность проникает в среду Центрального Комитета партии, если какая-нибудь

фракция возглавляется теми или иными членами ЦК, противопоставляющими себя всему Центральному Комитету. Нельзя, чтобы в верхушке партии образовалась трещина. Поэтому 10-й с'езд по предложению Ленина принял следующее, до времени хранившееся в тайне, постановление: совместное заседание ЦК и ЦКК имеет право большинством двух третей голосов перевести из членов в кандидаты и даже исключить из партии любого члена ЦК в случае нарушения партийной дисциплины или «допущения фракционности». Так как во время последней дискуссии как раз обнаружилась опасность перенесения фракционности внутрь Центрального Комитета партии, то 13 партийная конференция постановила опубликовать указанный выше пункт резолюции об единстве партии.

На 11 с'езде партии (1922 г.) — последнем с'езде, на котором присутствовал Ленин — выступали представители бывшей рабочей оппозиции, пытавшиеся перед с'ездом сорганизовать группу. По этому поводу Ленин снова коснулся вопроса об единстве партии.

«Есть вещи,—говорил Ленин,—которыми шутить непозволительно; есть такие вещи, как единство партии...

«Мы не должны тратить время на игру в единство партии. Мы знаем, что от борьбы в партии мы не мало теряем. Этого урока забывать нельзя!» (Речь на 11 с'езде. 1922 г.)

На этом мы пока и закончим краткий обзор учения Ленина о партии. Гибкость организации,

умение быстро перестраиваться применительно к меняющимся условиям борьбы; сохранение коренного большевистского типа организации при всякой смене организационных форм; постоянное сохранение единства руководства, воли, действия; постоянное сохранение традиций партии: поучений и выводов предшествующего организационного и политического опыта партии; централизм; самодеятельность местных организаций; строжайшая дисциплина в рядах партии; высокое понятие о членстве в партии; организационная и политическая самостоятельность партии; понимание партии, как авангарда класса, борьба против всяких попыток растворить партию в классе; неуклонное отстаивание марксистской идеологии; непримиримая борьба со всякими искажениями марксизма (ленинизма), со всякими уклонами и отклонениями от строго выдержанной марксистской точки зрения; единство партии и ее внутренняя сплоченность на определенной идейной основе; постоянное очищение партии от всяких попутчиков; теснейшая и всестороннейшая связь с массами; постоянное базирование на пролетариат, постоянное вливание в партию новых и новых рабочих; признание фабрично-заводской ячейки основной клеткой партии; активность всех членов партии; ответственность каждого за порученную ему отрасль партийной деятельности; тщательный отбор партией руководящих кадров (подбор сверху и выбор снизу); постоянное предпочтение требований революционной целесообразности перед формальными доводами (интересы дела выше формы)—таковы, примерно, организационные основы большевизма, обеспечивающие пролетариату выполнение тех исторических задач, которые перед

ним лежат, и делающие нашу партию образцом для всех других коммунистических партий Западной Европы.

Будем распространять возможно шире, раз'яснять возможно полнее и всестороннее среди рабочих масс всех стран учение Ленина о партии. Это одна из важнейших наших задач.

СОДЕРЖАНИЕ.

		Стр.
21-е января		3
Предисловие		5
Глава I.	Старая гвардия и новые члены партии	7
	Члены партии и беспартийный	9
	Партия	11
	Идеология партии	14
	Тактика	16
	История партии	17
	Организация	—
	Гибкость организации и единство действия	20
Глава II.	Сознательность	24
	Марксизм — классовая идеология пролетариата	25
	Теория марксизма и рабочее движение	28
	«Революционная бацилла»	30
	Важность теории	31
	Коммунизм и вера в бога	33
	Пролетарская и буржуазная идеология	38
	Ошибка рабочей оппозиции	44
	Извращение марксизма (ленинизма)	46
	Идейная непримиримость большевизма	51
	Об авторитетах	55
Глава III.	Дисциплина	57
	Дисциплина и мелко-буржуазная стихия	60
	Дисциплина и переход к НЭП'у	65
	О подрыве дисциплины	68
	Централизм	72
	Федерализм	73
	Центральный Комитет (ЦК)	75

Стр.

Спор на II с'езде о членстве в партии . 76
Активность 82
Обсуждение партией различных вопросов 83
О свободе критики 84

Глава IV. Класс и партия 90
Партия об'единяет меньшинство класса . 93
О замене партии другими рабочими организациями 94
Партия, советы, профсоюзы 96
Связь с массами 97
Диктатура партии или диктатура класса? 98
Рабочий с'езд 100
Расширение партии пролетарскими элементами 102
Либералы и рабочий с'езд 104
Почему возникла идея рабочего с'езда . 105
Партия и вожди 108
Маркс и Ленин 111
О лозунге: „Долой вождей!" 113

Глава V. Партия четверть века тому назад 116
Борьба за партию против кустарничества. 120
Оценка кружковщины 122
Временная необходимость двух руководящих центров 125
Общерусская политическая газета . . . 128
Комитеты 130
Рабочие и интеллигенты в комитетах . . 131
Районные группы 133
Заводские кружки 134
Разделение труда в организации 136
Осведомленность и ответственность . . . 138
Пропаганда 139

Глава VI. Профессиональные революционеры . . . 140
Рабочий-революционер 144
Значение организации революционеров . 146
Боевая организация народовольцев и организационные идеи Ленина 148
Заговорщическая организация. 150
Об игре в демократизм 151

Стр.

Большевики и меньшевики 155
Бюрократизм и демократизм 159
Об оппортунизме 162

Глава VII. Борьба за третий с'езд 164
Конституционные гарантии 171
Переход к демократической организации партии 175
Четвертый с'езд 181
Борьба с меньшевистским ЦК 186

Глава VIII. Нелегальная партия 190
Ликвидаторы справа и ликвидаторы слева 195
Меньшевики-плехановцы 203
Троцкизм 205
Об организационных ошибках 216
1912—1917 годы 223

Глава IX. Левый коммунизм 226
Группа демократического централизма . 228
Рабочая оппозиция 229
Кризис партии 1920—1921 г.г. 232
Единство партии 235

ИЗДАТЕЛЬСТВО МК РКП
„МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“

Москва, Б. Дмитровка, 26

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ:

Нарайн, Б. Народное хозяйство Индии. Перев. с англ. 238 стр. 1 р. 75 коп.

Либкнехт, В. История теории стоимости в Англии и учение Маркса. 166 стр. 1 р.

Лафарг, П. Исторический детерминизм К. Маркса. Издание 2-е. 330 стр. 1 р.

Маркс, К. Накопление капитала и кризисы. 37 стр. 50 к.

Маркс, К. и Энгельс, Ф. Письма, редакция, предисловие и примечания В. Адоратского. 2-е издание. 355 стр. 80 к.

Маркс, К. К критике политической экономии. Издание 4-е. 290 стр. 75 к.

Маркс, К. Отрывки из произвед. и писем. 248 стр. 1 р. 20 к.

Карл Маркс—мыслитель-человек-революционер. Сборник статей под ред. и с предисл. Д. Рязанова. 238 стр. 60 к.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА МАРКСИЗМА.
Общедоступная серия под редакцией С. Шевердина.

Фридрих, А. Генри Форд. Автомобильный король и владыка человеческих душ. 64 стр. 25 к.

Бессонов, С. Современная фабрика. 63 стр. 25 коп.

Бруцкий, М. Задачи научной истории рабочего движения. 101 стр. 30 коп.

Содержание: Классовая борьба—исходный пункт истории рабочего движения.—Идея развития в истории.—Марксизм-ленинизм и теория рабочего движения. Единство истории рабочего движения.

Варга, Е. План Дауэса и мировой кризис. 12 стр. 65 коп.

Содержание: Общий обзор (состояние мирового хозяйства. Репарационный вопрос—Дауэсовский план для России). Обзор по странам.

Бер, М. Современная Англия. Перев. с немецк. 38 стр. 50 коп. (Книжка насыщена содержанием. В сжатой форме, простым и ясным языком, с немногими цифрами, она дает очень отчетливую картину экономики и политич. движений современной Англии. Из предисловия **С. Диканского.**)

Кантор-Давыдов, Е. У них и у нас (сконцентрированная хроника). 93 стр. 25 коп.

Содержание: Предисловие. Как буржуазия управляет. Свобода печати, наука и суд у них и у нас. Быт у них и у нас. Заключение.